

8(С)Ф

Г 85

Гринченко Б. Д.
Этнографические
материалы.

Чернигов 1895.

НИБУ

39
Г-85

39
Г-85

№ 3208
200
24
V

8(c)Ф
Г85

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.

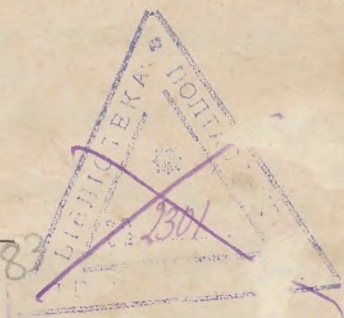
Выпускъ 1.

Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр.

Б. Д. Гринченко.

32074

Книжная Исторична
БІБЛІОТЕКА УРСР

10 ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1895.

Дозволено цензурою. Київ, 24 октября 1895 года.

уже народныхъ произведеній, которыя или представляютъ собою варианты печатаемыхъ здѣсь, или имѣють съ ними близкую связь; такія указанія сдѣланы нами только по слѣдующимъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи, изданіямъ:

1. *Чубинскій*. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной ИМПЕРАТОРСКИМЪ русскимъ географическимъ обществомъ. Спб. 1872—1878. 7 томовъ.

2. *Дикаревъ*. Воронежскій этнографическій сборникъ. Изд. Воронежскаго губернскаго статическаго комитета. Воронежъ. 1891.

3. *Ефименко*. Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО общества исторіи и древностей Россійскихъ М. 1874.

4. *Комаровъ*. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прислів'ївъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь. Одесса. 1890.

5. *Малжура*. Сказки, пословицы и тому под. X. 1890.

6. *Маркевичъ*. Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860.

7. *Номис*. Українські приказки, прислів'я і таке инше. Спб. 1864.

8. *Рудченко*. Народныя южнорусскія сказки. 2 вып. К. 1869—1870.

9. *Сементовскій*. Малорусскія загадки. Спб. 1872.

10. *Шейковскій*. Бытъ подолянъ. 2 вып. Кіевъ. 1859—1860.

11. *Малорусскіе* народныя преданія и рассказы. К. 1876.

IV.

12. *Дешко*. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси. (Записки ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго географическаго общества. По отдѣленію этнографіи. Томъ первый. Спб. 1867) и «Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси. (Тамъ-же, томъ второй. Спб. 1862).

13. *Кулишъ*. Записки о южной Руси. Спб. 1856—1857. 2 тома.

Остальныхъ изданій, въ которыхъ помѣщены прозаическія малорусскія народныя произведенія, мы не имѣли возможности достать, почему и не дѣлаемъ нигдѣ на нихъ указаній. Извиненіемъ въ этомъ недостаткѣ нашей работы могутъ намъ служить затрудненія, съ которыми сопряжено добываніе спеціальныхъ книгъ въ неуниверситетскомъ городѣ.

Заканчиваемъ это коротенькое предисловіе выраженіемъ нашей глубокой благодарности всѣмъ лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе доставленіемъ матеріаловъ.

Б. Гринченко.

Черниговъ.
1894. IX. 17.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНІЯХЪ ПРИРОДЫ И ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ.

1. ЗИРКЫ.

Бачыте, онде симъ велькыхъ зирокъ укупи? То звецця *Визъ*: ото чотыри зиркы—колищата, а оти тры, що наче простяглыся, то вія. Бачыте, онъ била середньоїи зиркы ще ё маленька зирочка. Вона звецця *Собачкою*. Стари люде кажуть, що вона все прысуваецця до тейи середньоїи зиркы, а якъ уже зовсимъ дійде до нейи, то шось тамъ перегрызе, а тоди вже й буде страшный судъ. Та вже мабуть скоро воно й буде, бо бачыте, якъ уже близенько.

(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).

Манжура, «Сказки», стр. 148-я, «Небо».

См. № 18. Витерь. II. III.

См. № 23. Рыбалкы.

См. № 28. Орихы та хлибъ.

См. № 19. Доць.

См. № 20. Градъ.

2. ПЕСЫГОЛОВЦИ.

Колысь на свити було такъ, що багато було, кажуть, людойдивъ, або песыголовцивъ. У нихъ не такъ, якъ у

насъ, двое очей, а въ ихъ було одно здорове-здорове, бильше, нижъ у вола, и то середъ лоба. Воны часто захвачувалы билыхъ людей, одгодувалы ихъ волоськымы орихамы и ризалы тила: якъ не йде кровъ то його зовсимъ ризалы и йилы; а якъ ще йде, то годувалы дали, погы оджыріе.

Отъ и попався до ихъ одынъ изъ руськыхъ людей,— воны його поставылы собі лакеемъ. И такъ винъ йимъ полюбывся, що воны його й не ризалы, а все вывиралы, чы винъ не тикатыме додому. А винъ не знавъ куды й дорога и не думавъ тикать. Винъ йимъ готовывъ йисты полозы, зъ гадюкы шматкы. Воны йому велилы, щобъ винъ ихъ не йивъ. «А то»,—кажуть,—«якъ йистынешъ, то вмрешъ!»—Отъ винъ такы довго й терпивъ, а дали й каже: «все дно умру: одна смерть! не буду мучыцца у ихъ!» И съ того времени зачавъ йисты крыхиты съ тыхъ полозивъ, а не вмиравъ. Винъ усе ти крыхты йивъ и йивъ и ставъ уже знать, де яка трава и одъ чого вона и узнавъ, куды дорога додому и що його ридни жыви. Отъ винъ и надумавъ тикать. Зобрався, наготовывъ усього у дорогу и рушивъ. Иде винъ и йде,— колы таке болото, шо ни пролизты, ни пройты, передъ нымъ простылаецця,—бильше, нижъ на пивъ версты. Винъ узявъ нарвавъ ситныку, обмотався увесь и сякъ-такъ перелизъ черезъ тее болото. Песыголовцы кынулысь за нымъ, а винъ уже на тимъ боци. Крычать йому: «вернысь!»—«Ни вже»,— каже,—«не вернусь!»—«Ну, ошморгни хсть будякъ!»—«Не хочу!»—«Ну, оглянся назадъ!»—Винъ оглянувся назадъ и забувъ половины того, що знавъ. Прыйшовъ винъ до дому,— колы його ридни вси жыви и таки ради йому. Винъ рвавъ травы, котри не позабувавъ одъ чого, и личывъ людей до своей смерти, а якъ умеръ, то вси по йому дуже плакалы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломій въ 1885 г.).

3. КОМАРИ.

Дарма, бачте, що комари яка никчемна тварючка, а й йимъ досадно стало, що якъ укусыть комарь чоловика, то той розитре його,—та мовъ не було комаря й на свити. Досадно йимъ стало,—отъ воны й пишлы до Бога та й кажуть: «за що ты, Господы, обидывъ насъ? бо якъ укусыть комарь чоловика, то чоловикъ роздаве його, та мовъ не було комаря й на свити; дай, Боже, такъ, щобъ чоловикъ не розитеръ нашихъ кистокъ, а щобъ воны валялысь по свиту и щобъ чумаки одбывалы обь ихъ оси».—А хто вы таки?—пытае Богъ.—«Мы святого Петра пивчи».—Ну, прыйдоть-же на Риздво та заспывайте мини!—«Э, Господы! якъ прыйде Спась,—половыны не стане насъ!»—Такъ хай-же вамъ такъ и буде!—

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. Отъ жинки записаль

М. Нечипоренко въ 1886 г.).

Манжура, «Сказки», стр. 147-я, «Комарь».

---

4. КОМАРИ. (ВОРОЖКА).

Ажъ, кажуть, шукавъ чоловикъ воливъ. Пишовъ винъ, по лисахъ—ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ,—день, другый, третій, може й тыждень—нема! А дали узявъ та й пишовъ до ворожки. Вона заразь роскынула на картахъ и каже йому: «пиды»,—каже,—«ранкомъ до лису та глянь угору,—то стоятыме червоный стовпъ,—туды и йды». Выйшовъ винъ ранкомъ, дывыцца—стовпъ червоный: винъ и пишовъ. А воны (волы) булы зъ налыгачемъ: замоталысь у кущахъ та й стоять. Такъ комаривъ така сыла налетила, и почалы воны пыты зъ ихъ кровъ. Пылы, пылы—ажъ червони одъ кровы поробылыся,—якъ пиднялысь стовпомъ—такъ якъ жаръ горять. То ти вже волы тилькы—тилькы що живи булы.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., отъ диди Ивана Ковалева).

---

5. Ж А В Ы.

Де жабивъ багато, то въ тому кущи картопли якъ на-
чынено. Що грибнеиць картоплю (на городи), то й жаба.

(Харьковского у. с. Хорошевъ, отъ жинки въ 1882 г.).

6. ГАДЮКЫ ПИДЪ ЧЕСНОГО ХРЕСТА.

Пойихавъ ото я саме пидъ Чесного Хреста у лисъ дрова
рубаты. Узавъ хлиба шматочокъ, а воды такы не бравъ:
була тамъ у лиси копанка (покійный батюшка усе було що-
году вычыща ййи). Сивъ я пидъ возомъ, иззивъ той хлибъ,
напився воды та й сыджу, ажъ дывлюся, а йихъ (гадюкъ)
суне ажъ п'ять се, бачъ, передни; дали ще, дывлюсь, ли-
зуть. Отъ я узавъ сокыру, сыджу та й рубаю йимъ головы;
воны лизуть, а я рубаю. Рубавъ-рубавъ,—ажъ руки забо-
лилы,—а воны все лизуть. Дали взявъ, перескочивъ просто
черезъ йихъ та до шкапы: чы не вгусылы ййи? Ни, дывлюсь,
туды не лизуть, а все прозь мій визъ. Почавъ я ждаты.
Ждавъ-ждавъ, а воны лизуть та й лизуть смужкою—такъ,
якъ отъ комашня або салдаты йдутъ. А вже часъ и дрова
рубаты. Треба було мини самотужкы визъ тягты; перетягъ,
запригъ шкапу—дывлюсь, и воны вже пересталы лизты.
Почавъ я рубаты дрова, а йихъ пидъ кожнымъ кущемъ такъ
и е штуку дви або тры. А ти, що головы поодрубувавъ,
(штукъ зъ дванацять, а мо й бильшь буде) лежать соби
та ворущаця. То я узавъ та й перейихавъ на друге мисто
рубаты дрова.

— Буды-жъ це воны лизлы?

— Та се жъ воны пидъ Чесного Хреста умисто зби-
раюця у своей скоты.

(Село Великая Даниловка Харьковского у. Записано отъ рыбалки, диди
Мыкиты Бабки въ 1878 г.).

См. «Млр. пред.», стр. 11, № 32.

7. ГАДЮКА ЗЪ ЗОЛОТЫМЫ РОГАМЫ.

Хто буває часто въ лиси въ такому, де е близько вода, де е лозы, то тамъ йому прыходыця бачыть багато гадюкъ простыхъ, що у йихъ на голови немає золотыхъ ригъ; а есть таки гадюкы, що мають йихъ: у котрой гадюкы бувають воны бильши, а у котрыхъ меньши. У котройи гадюкы бильши рогы,—у тыеи царьскый чынъ, якъ звецца; а у тыеи—меньшый царьского.

Хто побаче гадюку зъ золотымы рогамы и зна якъ добыть ти рогы,—кладе червоный поясъ суконный (теперь таки поясы вывелысь, не носыть ниhto, хыба де ридко побачышь) або суконну червону стьожку, куды вона лизе,—упередь (вона не зверта у другый бикъ або назадъ, а лизе все прямо). Вона долизе до пояса або до стьожкы и зашне пыцать по маленьку, потимъ дужче, потимъ ище дужче, и якъ хто близько стойть, то вона такъ пыцать, шо його ажъ заглуше: йий не хочецца жъ ськыдать, а никуды дицця. И покы пыцать-пыцать,—и кладе йихъ на поясъ або на стьожку.

Такихъ гадюкъ прыходыця багато бачыть у сентябри мисяци 14 чысла, якъ воны лизуть у свій барлигъ на зиму. Передь веде та гадюка, шо мае золоти рогы. Люды назнарошкы ходять у сей день уранци у лисъ и такъ роблять, якъ сказано. Хто си гадючи золоти рогы мае, у того буде багато грошей, буде, якъ сказано, щасливый. И тийи рогы бережуть якъ ока и никому не продають.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломй въ 1885 г.).

«Млр. пред.», стр. 11, № 32).

8. ГАДЮКА.

Довелось и мини бачыты таку гадюку, шо я никола такойи й не бачыла. Пишла я въ лисъ по ягоды, выйшла

на поляночку, — дивлюсь, — лежить гадюка, та така товстюча, що я кажу-жъ, никола й не бачыла, та була, якъ оця чашка, а роги на переди таки здорови. Такъ я подывылась-подывылась та й пишла, побоялась ййи быты: може вона цариця йихня. Кажуть люде, якъ зустринешъ таку гадюку, то простелы поясь або що небудь шыроке та скажы: «Гадынкo-матинко! скынь мини хочъ рижечокъ!» — такъ вона й скыне. То ото, колы хочете, буде тому чоловикови щастя.

(Зміевскій у. Харьковск. губ. въ 1881 г.).

«Млр. пред.», стр. 11, № 32.

9. ДВИ СЫНЫЦИ ТА ОРЕЛЬ.

Дви сыныци здумалы зъ орломъ быцця: «то, що одынь-одынь, а насъ якъ два, то два!» — Орель одну вхватывъ и задавывъ, а одна зосталась и каже: «а що? то такы шо одынь, то одынь, а насъ шо два, то два!» — Яка умна!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

10. ЗОЗУЛЯ.

Зозуля на Петра мандрыкою вдавыцца — хрышко стане куваты.

(С. Семеновка (Чувышына) Константиногр. у. Полт. губ. въ 1883 г.).

11. СОЛОВЕЙКО.

Соловейко щибече, покы жыто почне колось выкыдаты, а тоди вже його не чуты.

(Тамъ-же).

См. № 37. Подушкы.

См. № 29. Курчата.

12. КАЖАНЪ.

Кажанъ—це мыша, що свяченого ухопить, то въ нейи крыла выростуть.

(Полтавская губ. Константиноградскій у., село Семеновка (Чунышына) въ 1883 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 55-я: «Мышь обыкновенная и летучая».

См. № 24. Вовкы.

См. № 18. Витеръ I.

См. № 19. Дощъ III.

См. № 21. Завирюха.

13. ЧЕРЕЗЪ ЩО СОБАКА СЪ КИШКОЮ ГРЫЗУЦЯ.

— Який у васъ, пане, кить биленькый.

— Се винъ теперъ биленькый, бо на двори тепло, а якъ на двори холодно, то винъ съ печи й не вылазе, усе сыдыть у печи,—черезъ те завше бува у сажи.

— Ну, а скажить минни, пане, черезъ що коты грызуцця съ собаками и черезъ що вовы не живутъ лагидно?

— Се не завше такъ бувае, шобъ собака съ кишкою грызлася; отъ у мене була собачка, шо вона николы не грызлася ись сією кишкою, а тилькы гралась.

— Може панськы й не грызуцця, а мужыцькы безъ сього не можуть—собака съ кишкою завше грызецця, а одъ якого часу?—ось, послушайте!

То колысь хлибъ родывъ, а дали хлиба того не стало. Ну, люде й собаки прямо пропадаютъ зъ голоду. Одна собака й пишла до Бога—просить хлиба. Богъ давъ йй усякойи пашни потришки, давъ йй и роспыску, а въ ній сказано: «шо буде хазайинъ йисты, шобъ те й тоби дававъ».—

Прыйшла собака до дому, дала хозяйинowi той хлибъ. Чоловикъ посявъ усе шо було,—воно вродыло.—Хазайинъ самъ йисть и собаки тежъ дае. Ходыть собака по надвирью й мокне; ну, прыходе собака до кота й говоре: «на, брате коте, тоби отсю запысочку: ты въ хати, въ сухому, сыдышь, то й запысочка николаы не помокне».—Сыдивъ кить у хати, а якъ на двори похолоднишало, и кить улизь у пичь. Жинка затопыла у печи, а кить выскочывъ звидты и забувъ узять съ собою съ печи роспысочку.

Хазайинъ варе соби йисты и съ того часу не дае собаки йисти того, шо й самъ йисть, а дае—высивкы, помыйи... Та собака баче, шо вже мужыкъ не дае йй того йисты, шо й самъ йисть, прыйшла до кота та й пыта: «А де та,—говорыть,—запысочка, шо я тоби давъ?»—«Я»—каже кить,—«сыдивъ у печи, грився, жинка топыла, я выскочывъ и запысочку тамъ забувъ, а вона й згорила у печи».—Тоди собаки зачалы котивъ рваты й николаы воны не мыряцца.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

«Малор. нар. преданія и рассказы», стр. 197, № 44. «И собакажъ надобень паспортъ».—Чубинскій. Труды. I, в. 1-й, стр. 53. «Собака».

14. К О Р О В А.

Корова очень чувствительна къ дурному глазу,—вотъ отчего въ селахъ нельзя обзавестись хорошими коровами, а въ городѣ можно,—тамъ меньше людей съ дурнымъ глазомъ. Съ коровой вообще надо обходиться вѣжливо, ласково и почтительно. На Пасху съ ней христосуются, даютъ святости, твердое вымя мажутъ четверговымъ яичкомъ, подкуриваютъ смирной и пр. Бросая корову доить, даютъ ей хлѣба-соли—«одходного», какъ работнику при расчетѣ.

(М. В. Рѣлицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

См. № 31. Дѣйки у коровы.

15. КОВАЛЬ И ЧОРТЬ.

Якъ чоловік хотивъ щось куваты, та не знавъ ще, бачъ, що треба туды й писку. Отъ, нѣпрятель и прыходыть до його.

— Що ты робышь?

— Та, бачъ,—кую.

Чортъ и дума соби: «Ну, нехай-же! вже винъ безъ писку не зробыть!» Та й пишовъ.

Отъ, кувавъ, кувавъ, а писку, бачъ, не кладе: не знае,—ніякъ не зробыть! Узявъ та й покинувъ.

Отъ, той упъять прыходе.

— А що, зробывъ?

— А то жъ—ни!

— Э! та ты мабуть писку кыдавъ?—каже чортъ.

А той чоловік тоди соби: «Эге! подожды жъ!...» — Та якъ пишовъ той, винъ и почавъ зновъ робыты и писку вже кыда,—та й зробывъ.

Отакъ навчывсь ковалюваты, а то не вмилы.

(Записано въ с. Великая Даниловка Харьковскаго у. отъ дѣда Ивана Ковалева).

---

16. С К Л О.

Везлы разъ чумаки селитру у грудкахъ и довелося йимъ ночуваты на такому мѣсти, що скрызъ самый писокъ. Сталы варыты вечерю. Одынъ чумакъ знявъ съ своего воза двѣ грудкы селитры и положывъ на писку, наклавъ мижъ йихъ багаття, а зверху поставывъ казанокъ. Повечерявшы, полягалы спаты. Уранци чумакъ хотивъ покласты свою селитру на визъ, колы бачыть, ажъ тамъ, де було багаття, лежыть щось зовсимъ не таке, якъ селитра. Винъ тоди давай гукаты:

«хлопци, хлопци! гляньте, що воно таке *стекло?*» Підійшли други чумаки и стали роздвляцця. А дали й догадалысь, що якъ селитра й песокъ дуже розигрилысь одъ жару, то зъ йихъ и зробылось те, що йихъ такъ здывувало. «Такъ хай же воно й звецця стекло!» — сказавъ той чумакъ, що першый побачывъ. Съ того часу й навчылыся робыты скло, а попереду не вмилы.

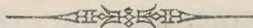
(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).

17. ПРО ТЮТЮНЪ.

той

Якъ розгнивався Богъ на чортивъ, то почавъ йихъ изъ неба скидаты. Якъ пхнувъ одного чорта, такъ винъ летивъ-летивъ та й настромывся у Рудычевимъ гайи, що пидъ Вертіевкою, на суховерхого дуба. Высивъ той чортъ тамъ доты, ажъ покы почала зъ його порохня сыпация. Якъ попадала та порохня на землю, такъ съ тией порохни и почала росты розсада тютюнова. Люде почалы йийи брать та курыть и нюхаты и у себе порозводылы.

Записано А. А. Гарнье въ Черниговскомъ у. въ 1894 г. отъ козака
Ивана Антоновича Лазаря (75 лѣтъ).

II.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ

---

18. ВИТЕРЪ.

I.

Блшка на мишокъ дереця—на витерь.

(Константиногр. Полт. губ. въ 1883 г.)

II.

Зоря погорила дуже—на витерь.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Нельзя бросать въ огонь зеленыхъ ллствевъ дуба: подыметя вѣтеръ.

(М. В. Рѣлицкій. Новгородѣверскій уѣздъ Черниг. губ.)

---

19. Д О Щ Ъ.

I.

Якъ молодыкъ гострый та черево видквасывъ, то мисяць буде дощовый.

(Зміевской у. Харьк. губ.)

II.

Місяць дощовый буде, бо якъ народывся, то рижкы у низъ спустывъ; а якъ такый, що такъ и позавывае рижкы угору, то не буде дощу.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Якъ собака пасеця — дощъ буде.

(Сл. Семеновка (Чунышино) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ. въ 1883 г.)

IV.

Якъ сонце заходить за стину (= за хмары), то буде дощъ на другый день, а якъ заходе чисто, то не буде.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

V.

Чтобы вызвать во время засухи дождь, обливаютъ водою пастуховъ, такъ какъ пастухи, чтобы не испортилась отъ дождей ихъ одежда, собираютъ дождевую воду въ горшокъ и держатъ ее подъ печью. Въ 1892 г. въ окружномъ судѣ судили крестьянъ дер. Фаевки за то, что они, съ цѣлью вызвать дождь, бросили въ болото крестъ, взятый ими съ могилы, въ которой былъ похороненъ по христіански «вислый человекъ».

Вызываютъ дождь еще такъ: дивчата и парубки ночью папугъ на себѣ улицу, рвутъ съ огорода овощи и садятъ ихъ въ свѣжія борозды, приглашая дождь полить посаженное.

(М. В. Рѣлицкій. Новгородѣвскій у. Черниг. губ.)

20. Г Р А Д Ъ.

I.

Оце сьгодня градъ ишовъ, то выкынули рогачъ. Треба ще було кочергу й лопату (ту, що хлибъ у пичъ сажакъ), та николы було. Якъ выкынуты, то ничого не побъе.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 29.

II.

См. № 38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ).

21. ЗАВИРЮХА.

Собака колы качаецця зимою, то буде завирюха.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

22. М И С Я Ц Ъ.

Не можно показуваты пальцемъ на мисяць, бо палець усхне, а колы вже покажешъ, то прыкусы палець.

(Харьковск. губ. Записала М. Н. Гринченко).

23. РЫВАЛКИ.

У придесевскихъ жителей съ рѣкой Десной связаны слѣдующіе повѣрья и обряды. День 17 марта (Алексѣя) празднуется съ особымъ почтеніемъ. Въ этотъ день рыбалки «зачинають» плести сѣти; если Алексѣй приходится въ среду или пятницу, то будетъ весь годъ мало рыбы. Къ этому

дню обыкновенно вскрывается Десна, которая стоит обыкновенно или 17 или 21 недѣлю. Замерзаетъ и вскрывается Десна только тогда, когда получить утопленника (жертва). При вскрытіи въ Десну бросаютъ хлѣбъ-соль — «проводины». По вскрытіи, пока не войдетъ въ берега, Десна «гуляетъ» 12 разъ. Это состоитъ въ томъ, что въ тихую погоду по ней до самаго дна ходятъ большія волны; въ такое время ѣздить по ней не слѣдуетъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ, Черниг. губ.).

24. В О В Ъ Ы.

I.

У Велькій Даныливиці (Харьков. у.) на довгому дрючку становлють биля хаты колесо: дрючокъ стоять, а колесо згоры наштрыквудо, «щобъ звирь обходывъ».

II.

См. № 38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ).

25. ВЫШНИ.

I.

Колы на Катерины (24-го ноября) наризаты гилочокъ зъ вышни та поставыты ихъ у води на покути, такъ вони росцвигуть икъ новому году, колы буде на нихъ урожай, а колы ни, то не росцвигуть.

(С. Великая Даниловка Харьк. у. Отъ старой жинки Палажки Ковалевой).

II.

Вышши на Батерышы дивчата рижуть боси до схиць сонця. Кожна нампчае свою гилочку, чымъ небудь перевязуючы, и становлють у воду въ глечыку. Чья зацвите,—та дивка замижъ иде скоро. А якъ шо стари люде, то загадують, чья зацвите, той жытыме рикъ, а чья всхне—той умре.

(Богодуховскій у. Харьковской губ. Записала М. Н. Гринченко).

---

26. ХОЗЯЙСКІЯ ПРИМЪТЫ.

1. На Христю (Св. мученицы Христины—13-го марта) сѣють разсаду.

2. Въ страстной четвергъ холощають животныхъ.

3. Въ ночь на Юрія (23 апрѣля) не выгоняють лошадей пасться на ночь.

4. На самого Юрія стригуть лошадямъ гривы и хвосты, чтобъ лучше росли.

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

27. С И Н О.

Якъ деркачь которого году задере попередь перепилъы, то сгно буде дороге.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

28. СКОТЫНА.

Якъ купышь скотыну, то наберы у ротъ горилкы да й спорсны, то скоть не буде быты.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

29. КВОЧКА.

I.

Пидь курку треба пидкладаты еець не до пары: або одынадцятро, або трынадцятро.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

II.

Квочку пидсыпаты годыця увечери, якъ сонце зайде, съ картуза або съ шанкы. Яець пидсыпаты не до пары: симнадцятро або девъятнадцятро.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

30. ЗУБЫ У СКОТЫНЫ.

Якъ надають у скотыны зубы, то найды зубъ пийи да заховай. А якъ продасы скотыну, то возьмы тульки пийи да прысмалы зубъ, то хочъ бы куды продавъ, дакъ прыбжыть.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

31. ПОСѢВЪ.

Передъ посѣвомъ сѣятель читаетъ: «во имя отца..... въ добрый часъ!», а посѣявши, говоритъ: «уроды, Боже, на трудящего, на ледащего, на просящего, на крадящего и на всякую долю!».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

32. ОРИХЫ ТА ХЛИВЪ.

Це вже завсиды: якъ орихы вродють, такъ хливъ не вроди.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у.).

33. КУРЧАТА.

Це вже я запримитыла, що тоди, якъ жыто красуецця,—низолы гарныхъ курчатъ не выводиця: треба або ранишь, або пизнишь.

(Село Великая Даниловка Харьковскаго у. отъ старой жинки Палажки Ковалевой).

34. ПЪЯТНЫЦЯ. ПОНЕДИЛОКЪ.

У пъятныцю не можна сажи трусыты.

(Сл. Семеновка (Чунышыно) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ. въ 1883 г.).

У понедилوکъ не можно лугу спускаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда Екат. губ.).

35. ЗОЛИННЯ.

Якъ зольшь, такъ треба личыты окропы, щобъ не вылыты до пары. Треба вылыты симъ або девъять, або одындцять окропивъ.—Якъ зольшь полотно, то треба сынаты въ жлукто пшоно, щобъ жовте полотно було.

(Записала М. Н. Гринченко тамъ-же).

32074

36. ДІЙКЫ У КОРОВЫ.

Якъ молоко на огонь зблжыть, то дїйки у коровы порепаюця.

(Константиногр. у. Полт. губ. с. Семеновка (Чувшына) въ 1883 г.).

37. МОЛОКО И МЕДЪ.

Если весною первыя бабочки будутъ бѣлаго цвѣта, то годъ будетъ молочный, а если желтаго, то хорошій годъ на медъ (пчелу).

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

38. ТКАНІЕ (ВОЛКИ, ЖИТО, ГРОЗА И ГРАДЪ).

Внезапные и упорные набѣги на деревню волковъ обьяняютъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ жителей принесъ изъ другого села ниты или цѣвки отъ кросенъ. Ищутъ по селу виновника дѣйствїя и жестоко съ нимъ расправляются. Изъ дому въ домъ ниты можно переносить только до заката солнца, — иначе подохнетъ скотина.

Нельзя ткать и бѣлить полотна во время цвѣтїя жита, чтобъ не навлечь на хлѣбъ грозы и града. Повѣрье это до того сильно у народа, что сельская полиція у ослушниковъ рѣжетъ основу.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

39. ШВАЧКА.

Чтобъ у швачки не потѣли руки, нужно, чтобы она тайкомъ взяла нищаго за торбу.

(Записаль П. Н. Солонина въ Чернигов. губ.).

40. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

При крещеніи незаконнорожденнаго, куму не худо подвязаться обротью: будутъ водиться кони.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

41. ЗЛОДІЙСТВО.

Кажуть, що якъ умре маленька дивчинка та три дни полежить у ями, такъ тоди одкопай та одрижь у нейи руку, обійды тричи кругъ хаты, то хочъ усе новытягай съ хаты, — не почують.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго уѣзда).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 96. »Относительно воровства». «Малор. преданія», стр. 67, № 5. «О мертвой рукѣ и о свѣчѣ изъ чело-вѣчьяго жиру».

42. ПОЖАРЪ.

Колы дытына згорыть на пужари, то це погано: кажуть люде, шо ще горитыме.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

43. ВОЛОССЯ.

I.

Жинкамъ у середу та въ п'ятницю не треба чесацц, бо волосся (що пада) розлитаецця по дванадцяты дворахъ и съ того робыцца волосъ. — А въ дивчать, кажуть, коса не ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

II.

У неділю й у п'ятницю живкамъ грихъ чесацца, бо квочки гребтымуцца у грядкахъ; а дивчатамъ у неділю грихъ.

(С. Исакова Славяносербск. у. Екатеринослав. губ.).

III.

Дивчатамъ не треба шапокъ надиваты: волосся не ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

IV.

Не слѣдуетъ замужной женщи́нѣ до солнца и по закатѣ солнца чесать волосы, такъ какъ въ темнотѣ можно ихъ растерять, послѣдствіемъ чего отъ наговора появится болѣзнь на рукахъ и ногахъ — «волосяницы».

(Записано М. В. Рклицкимъ въ Новгородсѣвер. уѣздѣ Черниговск. губ.).

V.

Оце сьгодня дощъ ишовъ, такъ я й одкрыла голову, щобъ коса росла, бо, кажуть, видъ дощу лучче ростыме.

(Отъ дивчыны Докіи Ковалевої въ с. Великая Даниловка Харьк. у.).

44. ПОДУШКИ (ГОЛОВНАЯ ВОЛЬ).

Изъ перьевъ и пуха дикихъ утокъ не слѣдуетъ дѣлать подушекъ: будетъ болѣть голова, да и пухъ весь вылѣзетъ изъ подушки.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

45. С О Н Ъ.

Болю якій поганый сонъ сныцца у недлю, погы ще съ церкви не вышлы, то грихъ тому буде, кому сонъ прыснывся.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

46. Г И С Т Ъ.

Пивень на порози спива—гистъ буде.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 58: «Курица».

47. МАТЫ Й ДОЧКА.

Ложба за обидомъ у жынкы пада—маты дочку згадуе.
(Село Семеновка (Чунышына) Константиноградскій у., Полтавской губ.
въ 1883 г.).

48. ЗАМУЖЕСТВО СО ВДОВЦОМЪ.

Если женщина выйдетъ за вдовца, у котораго грудной ребенокъ отъ первой жены, то вышедшая замужь должна не-своевременно умереть.

(М. В. Рклицкій. Новгородѣверскій у. Черниг. губ.).

49. ЛЕЖАЧЫЙ.

Перестунать черезъ лежачого грихъ: умре. Треба на-впакы переступыты.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

50. МОЛЕВЕНЪ НА „ОВИДНЫКА“.

Этотъ молебенъ отправляется по заказу. Но при этомъ ставится непремѣнный условіемъ, чтобы, вмѣстѣ съ преда-ніемъ обидчика анафемѣ, обиженный въ то-же время согла-сился принять на себя грѣхи своего врага.

(Записаль П. Н. Солонина въ Полуботкахъ, Масаняхъ и пр. Черниг. у.).

51. СМЕРТЬ.

Смерть начинаеть свое дѣло съ ногъ, такъ какъ прежде всего ноги теряють чувствительность («за палець возьмы—не чуе, а дыше»), потомъ хватаетъ за руки, за голову, поретъ животь, гдѣ сидитъ душа, и даеть ей изъ пляшки зеляя. Выпивши зеляя, душа вылетаетъ и садится на образахъ. Теперь она смѣется надъ тѣломъ, что оно сдѣлалось мерт-вымъ. «А развѣ тѣло виновато? ему только нужна одежда, а пить и ѣсти не тѣло, а душа бажае». Послѣ похоронъ тѣла душа остается въ хатѣ шесть недѣль; для нея все это время стоитъ вода и лежать паляницы; черезъ шесть недѣль душа идетъ по мытарствамъ. Въ гробъ покойнику кладутъ шапку, ногти, чтобъ удобнѣе взбираться на тотъ свѣтъ, иногда и водку. Ребенку кладутъ бубликъ. Если занимають часть чу-жей могилы, то кладутъ въ гробъ копѣйку «откупного»; крес-ты на могилахъ, если не управились поставить въ день по-гребенія, ставятъ на проводы или въ чистый четвергъ. Ро-дичей поминать въ три родительскія субботы (Дмитріевскую, Кузьмо-Демьяновскую и Михайловскую); во всѣ эти субботы, а также въ день смерти родича пекуть блины, чтобъ доста-вить удовольствіе душѣ умершаго. Блинъ держатъ подольше на сковородѣ; въ блинномъ парѣ и витаеть душа—«парится».

Въ дни поминавѣнія родичей нельзя мять пеньки, прясть и чесать шерсти, чтобъ кострицей не засорить глазъ покойникамъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородѣвверскій уѣздъ Черниговской губ.).

52. СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Колы обрисуешь нѣохти, то треба й ихъ усе въ пазуху кыдаты, бо якъ прыйдеця на страшному суди на скляну гору до Бога лизты, то й злизешъ черезъ те.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 87-я. «Ногти».

Страшный судъ.

Колы обрисуешь нѣохти, то треба
ба й ихъ усе въ пазуху кыдаты,
бо якъ прыйдеця на

Дм

Филипповки

III.

ЗНАХАРСТВО, ЗАГОВОРЫ И ПРОЧ.

53. ХВОРОВЫ.

На срѣтеніе, когда встрѣчается лѣто съ зимой, на сте-
жающей съ крыши снѣговой водѣ надо замѣсить коржъ и да-
вать отъ хворобъ людямъ и скоту.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

54. СГЛАЗЪ.

Крестьяне убѣждены въ губительномъ дѣйствіи нехоро-
шаго глаза. Люди съ дурнымъ глазомъ появляются главнымъ
образомъ оттого, что ихъ въ дѣтствѣ дважды припускали къ
груди.

Желаніемъ оградить себя и свое хозяйство отъ дурного
глаза объясняется строго соблюдаемое въ народѣ повѣрье—
не давать ничего изъ дому на сторону въ важные почему-
либо дни (на заговѣны, во время вывозки навоза, день, когда
телится корова и во время сѣвбы хлѣба).

Отъ сглазу трутъ испорченного солью, а также приобѣ-
гаютъ къ отговорамъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Чернигов. губ.).

55. ХОЛЕРА.

Въ одномъ изъ селъ до сихъ поръ празднуется день, именуемый «холерка» въ память оставленія въ этотъ день холерой означеннаго села. Въ 1893 г. въ пораженныхъ холерою селахъ, еще задолго до появленія ея, на дубовыхъ листьяхъ, на которыхъ садытъ въ печь хлѣбъ, появились откуда-то маленькія и тонко отдѣланныя изображенія змѣекъ и ящерицъ, такъ что листъ этотъ перестали употреблять въ дѣло. Во время сильнаго развитія холеры вдовы и дѣвчата, одѣвшись по праздничному, ходили по селу щедровать, какъ будто подъ новый годъ; на защедрованные деньги принимали молебень и ставили свѣчу. Одного покойника положили въ гробъ ницъ, «щобъ сюды не ворочався», а другому хотѣли сковать руки («заковать холеру») и только состраданіе къ покойнику, боязнь, чтобы онъ на томъ свѣтѣ не ходилъ въ наручняхъ, удержало народъ отъ этой мѣры. Чтобы холера не вошла въ село, дорогу передъ селомъ заставляли «заставомъ» (доска отъ мельничной шлюзы); существуетъ также повѣріе, что холера идетъ противъ воды медленнѣе, чѣмъ за водой.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

56. ПРОПАСНЫЦЯ.

I.

Кожну весну, якъ тилкы побачышъ ковшню уперше, — треба ййи найпстысь, и николы не буде пропасныци. Я якъ тилкы ййи вбачу, — заразы у ротъ, — и николы цого лыха не бува.

(С. Великая Даниловка, чоловикъ Павло Тыщенко).

II.

Отъ лихорадки: 1) Мизинець лѣвой руки обернуть пленкой отъ сырого яйца и носить такъ до тѣхъ поръ, пока лихорадка не кипеть. 2) Настой полыни въ водкѣ. 3) Вывести больного на зарѣ «къ могилкамъ» (на кладбище), заставить трижды плюнуть и затѣмъ бѣжать безъ оглядки.

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

57. ДЫТЫНА.

I.

(Все, заключающееся въ этой главѣ, записано П. Н. Соловиною въ Черниговской губ. (*).

А. Роды. 1. Чтобы вызвать усиленные потуги, роженицѣ напихиваютъ въ ротъ ся волосы, которые, производя тошноту, усиливаютъ этимъ потуги.

2. Для того-же женщину, готовящуюся родить, водятъ на перекрестокъ съ особыми приговорами.

3. Для поднятія живота употребляютъ настой травы «поднимокъ», цвѣты которой похожи на ландышъ, но только *желтаго* цвѣта.

4. Для облегченія страданій при родахъ слѣдуетъ переступить черезъ три порога.

Для того-же отворяютъ въ церкви царскія врата.

5. Для облегченія родовъ, вѣшаютъ роженицу за ноги внизъ головой, или просто стараются «вытрясти» ребенка.

6. О томъ, какого пола будетъ новорожденный, судятъ по формѣ и объему живота беременной женщины: если жи-

---

(*) Не желая разровнять систематически записанный матеріалъ, мы помѣстили здѣсь и примѣты, которыя должны-бы находиться собственно во II отдѣлѣ.

вотъ выпячивается впередъ, то будетъ мальчикъ, а если толщина его распространяется въ ширь, въ бедра, то будетъ дѣвочка.

Еще есть относительно этого примѣта: если у родившагося ребенка имѣется сзади головы косичка, то слѣдующее дитя будетъ дѣвочка.

Если беременная женщина подаетъ правую руку, то у нея родится сынъ, а если лѣвую, то дочь.

7. Беременной женщиной не слѣдуетъ ни въ чемъ отказывать; иначе у того, кто отказываетъ, мыши могутъ что-нибудь съѣсть или испортить.

В. Ребенокъ. 1. Каждый, входящій въ домъ, гдѣ находится только что родившійся ребенокъ, долженъ, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, произнести: «Христосъ воскресъ!» — хотя бы роды пришлось вовсе не на Свѣтлую недѣлю.

2. Отъ кровотеченія изъ пупка у новорожденнаго прикладывать къ пупку распаренную пшюмину, выбравъ пзъ нея косточки.

3. Отъ болѣзненнаго потягиванія ребенка: при купаніи перелить воду черезъ коромысло.

4. До году не слѣдуетъ дитя подносывать.

5. Появленіе соплей служитъ признакомъ зарождающагося пониманія у ребенка.

6. Не слѣдуетъ, при купаніи, класть дитя ногами къ *восходу* солнца.

7. Не слѣдуетъ качать пустую люльку: дитя спать не будетъ.

8. До году, не слѣдуетъ выворачивать дѣтскихъ рубашекъ, а также, при стиркѣ, не годится ихъ бить прачемъ.

9. Если новорожденное дитя не беретъ груди, то мать или кормилица должна помазать предварительно соски свои собственной слюною.

10. Не слѣдуетъ мальчикамъ давать имена по календарю *назадъ*.

11. «Не годицца дытя зваты жабою: тры дни нисля того росты не буде». (Няшка Орына).

12. Не слѣдуетъ позволять дитяти смотрѣться въ зеркало: будетъ спать неспокойно. (Огъ нея-же).

13. Если у дитяти темечко маленькое,—значить дитя скоро начнетъ говорить, и самое темечко скоро заростетъ волосами. (Отъ нея-же).

14. *Отъ иностеченія изъ глазъ у ребенка «цыркать» женскимъ молокомъ въ глазъ.*

15. Вошь на головѣ ребенка способна произвести *рвоту или икоту*.

16. *Отъ дурного глазу.* 1. Положить дитя на порогъ и трижды переступить черезъ него. 2. Умыть святой водой. 3. Лизнуть лобъ, щеки и подбородокъ дитяти или умыть помоями или вытереть мокрой пеленкой.—4. Набрать въ ротъ воды тому, кто сглазилъ, и передать черезъ ротъ ребенку, котораго сглазили.

17. *Отъ грыжи.* 1. Тертый бурякъ или морковь, процѣдивъ, прикладывать къ больному мѣсту.—2. Разрубленную вдоль тѣла мышъ прикладывать къ больному мѣсту.

18. *Отъ рвзи въ животъ.* 2. Прикладывать на тряпкѣ деготь къ животу.—2. Купить съ трехъ столиковъ галуны (квасцовъ), по кусочку съ каждаго, и катать его на животѣ ребенка, а потомъ бросить въ огонь. (Старуха Орина изъ Пѣвцовъ).

19. *Отъ сухотки.* 1. Купать дитя въ золѣ, взятой отъ соломенной «стрѣхи»,— «щобъ стриха съ стрихою була».—2. Давать ѣсть хлѣбъ, испеченный на дубовомъ листу и взятый непременно изъ трехъ хатъ.

20. *Отъ бессонницы и крика.* 1. Когда дитя не спитъ долго по ночамъ, то несутъ его въ курятникъ, подъ нашестъ, («пидь сидало») и приговариваютъ:

«На-те вамъ ночныци,
Оддайте намъ сонныци!»

2. Намоченную въ водкѣ тряпку кладутъ на темя ребенка. 3. Поятъ его настоемъ маковыхъ головокъ или «дріякой» (?—родъ травы), или нефтью. 4. Кладутъ „васыльки“ отъ иконы подъ изголовье ребенка. 5. Заставляютъ дитя по-смотреть въ мазницу или голенище сапога.

21. *Отъ испуга.* 1. Если ребенокъ испугался какого-нибудь животнаго, то необходимо отрѣзать волосъ отъ этого животнаго и подкурить имъ ребенка. 2. Разорвать на дитяти рубашку. 3. Когда дитя испугается, то ему мать кричитъ на ухо: *такой-то* (имя рекъ)... (три раза).

22. *Отъ дѣтскихъ припадковъ.* (Отъ „родимчика“, или „дѣтскаго“). 1. Необходимо положить дитя на порогъ и затѣмъ матери три раза черезъ него переступить и сказать:
Якъ родыла,
Такъ и одходила...»

2. Настой травы, называемой „перелякъ“ (растетъ на лугу; цвѣты лиловые, шапочками).

23. *Для облегченія прорѣзыванія зубовъ.* Когда у ребенка начинаютъ рѣзаться зубы, то отецъ, для облегченія этого важнаго процесса, долженъ мизинцемъ правой руки обвести по деснамъ ребенка,—и зубы будутъ рѣзаться легко и свободно. Мать-же ни въ какомъ случаѣ не должна смотреть на прорѣзывающіеся зубы своего дитяти.

24. *Отъ поноса.* 1. Настой розовыхъ чашечекъ (обыкновенной розы). 2. Кисель или настой изъ черники. 3. Посадить дитя на то мѣсто, гдѣ лежалъ только что вынутый

изъ печи горячій хлѣбъ. (Орина—изъ Пѣвцовъ). 4) Выпить смѣсь изъ ложки золы (какой?), рюмки уксусу и рюмки деревяннаго масла (оливы).—(Кущина).

25. *Отъ запора.* Смазыванье бобковой мазью всего живота или около пупка.

26. *Отъ задержаніе мочи.* 1. Огуречное молоко (изъ сѣмянъ огурцовъ). 2. Блекотное масло (смазывать ниже пупка). 3. Наложить на отверстіе моченспускательнаго канала у мальчика или дѣвочки пленку отъ сыраго яйца.

27. *Отъ произвольнаго истеченія мочи, преимущественно по ночамъ.* 1. Просить трижды прощенія у раскаленной кочерги. 2. Войти въ церковь и публично, при народѣ, поцаловать замокъ церковный. 3. Заставляютъ по утрамъ, въ продолженіе 9 дней, дитя мочиться въ «пятникъ»—углубленіе, гдѣ вращается стержень воротъ. 4. Посыпаютъ замоченное мѣсто макомъ, который потомъ заставляютъ съѣсть.

28. *Отъ вѣтровъ (спазмъ).* Смазыванье живота теплымъ деревяннымъ масломъ.

29. *Отъ кашля.* 1. Настой лука съ сахаромъ (безъ воды). 2. Нашатырь въ водѣ съ сахаромъ и съ настоемъ льнянаго сѣмени—на стаканъ воды—по десертной ложкѣ черезъ 2 часа.

30. *Отъ слюнотеченія.* 1. Поцаловать матери ребенка своего черезъ окошко. 2. Найти въ печеномъ хлѣбѣ нѣсколько зеренъ и, зашивъ ихъ въ мѣшочекъ, повѣсить его на шеѣ ребенка.

31. *Чтобы дити не умирали,* народомъ совѣтуются слѣдующія средства: а) совѣтъ у знахаря; б) взять въ кумы перваго встрѣтившагося на улицѣ; в) взять въ кумы роднаго брата и сестру; г) закупить, т. е. какъ будто продать дитя кому нибудь за деньги.

II.

Щобъ не зглазылы, трычи лыжуть дытыну, якъ крычыть, и втырають сорочкою. А якъ не спыть, то положуть на мишку головою икъ порогу и переступають трычи черезъ вейи; або пидь куры носють. А якъ злякаецця, то надивають сорочку задомъ напередь.

(Отъ жинкы изъ с. Печенѣговъ Волчанск. у. Харьк. губ., въ 1880 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1., стр. 141. «Крикливці».

«Малор. преданія», стр. 28, № 13. «Отъ крикливцівъ».

III.

Хилаго и слабаго ребенка продѣвають трижды черезъ расцепленный молніей дубъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

IV.

Купована маты. Се ось якъ дуже лежышь, то прыходыть вона (жинка яка) та й купуе тебе—чы за дви, чы за тры тамъ копійкы купыть, то й одужаешъ. Отъ и купована маты.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., дивчына Явдоха Ковалева).

---

58. ОТРУТА.

Моему батькови случылось. Я, каже, парубкомъ бувъ, а вона дивкою. Пишлы дивчата по грыцыкы на долы та по шавъяны. А юпки безрукави булы,—дощъ йихъ и помочывъ,—воны й порозвишувалы йихъ, щобъ высохлы. А мы, звисно парубкы,—та по карманахъ. Я въ одынъ шурхнувъ та въ другый—нема, а до Ганны полизъ—вузлыкъ. Розязавъ—

перець. Взявъ я того перцю трохи та й усыпавъ у калытку. Колю такъ днівъ черезъ скільки погнавъ воливъ, дощъ його й помочывъ. Колю дывлюсь, щось ворущыцца у калытци. Туды — ажъ тамъ жабынята. Я тоди до нейи: «Ганню, це-жъ я съ твого вузлыка взявъ. Кого-жъ це ты думала впоштуваты цымъ? Отъ пиду до ратуши та й роскажу!» — Такъ вова мени попокланялась, попросыла мене. Та цю Ганну разъ тагы и въ волосты парылы: свекра, чы що, хотила отруйиты, — гадюку у скрыни знайшлы. Такъ отъ батько вже довіривсь, хочъ люде й кажуть, що нема.

— А то отъ тутъ-же дядька нашого отруйила. Въ гостяхъ були, — вона й пиднесла чарку. А винъ уже мабутъ знавъ та й каже: — «Ой якъ бы мене, скурва бабо, не отруйила?» Ну, було-бъ йому вылыты ту горилку, — такъ ни! Выпывъ. Такъ зъ йимъ таке зробылося!.. И йты не можна було, — на вози на подушкахъ везлы, такъ шкура на йому й репалася. Та до дида повезлы, такъ той и каже: «Ну, добре, що поспишылы, а то-бъ лыхо було!»

— А мій дидъ такъ съ того и вмеръ. Якъ колысь у насъ, то не було ще витрякивъ, а товклы пшоно дома. Отъ, неvistка, значыть, у кумы въ гостяхъ була та й не стовкла пшоно, а на другый день празныкъ бувъ, Стритення, а йисты ничого було. Отъ, дидъ и сердыцца: «гуляты — гуляла, а пшоно не натовкла!» — Бабуся, бачъ, недужа (ну, а моя маты ще тоди невелычка була). Такъ лае ййи, а вона росердылась та якъ ухватыть решето проса и побигла товкты. Товче та все щось выкыда, все щось выкыда, а дали й каже: «ага, отъ вы мене лаєте, а я вамъ на лыхо жабу стовкла». — «Та то, дурна, ты соби, а не мени, на лыхо», — каже дидъ. Мы й не оханулыся, такъ и покынулы те пшоно, — було-бъ выбрать ту жабу. А йисты все-жъ боймося, а дидъ сердыц-

ця: «Отъ, чортъ зна що выгадують! И въ води ти жабы плавають, и пьемо, а ничого не бува. Варить кашу!» — Отъ, бабуся парыла, парыла те пшоно, а дали й наварыла каши крутойи та молошнойи. — Отъ, — каже, — гыдко йисты намъ ту кашу, а дидь йистъ та й йистъ та на насъ ще грумичае, що не йимо. А вона, невестка, такойъ уже гнивъ положила, що й обидаты не увійшла, бо ййии упъять такы за це пшоно полаялы. Отъ, пообидалы, а дидови такъ погано та моторошно зробылося. А въ насъ собака такойъ бувъ, що було якъ почуе, що вовкы выють, то побижыть туды, то днивъ тры бига та вернецця увесь забовтанный та въ репьяхахъ — «А ну дайте Билкови каши!» — каже дидь. — Одколу-палы грудку, дали Билкови, а винъ понюхавъ та такъ и завывъ. — «Ну колы вже», — каже, — «цей собака не йистъ, то буде лыхо». — А дядько коней пасъ. Дидь и посыла хлопця до його: «нехай пиде на дихтарню» — у бору дьоготь робылы — «та нехай Грыцько дастъ дьохтю первачку — самого чыстого». — Принесли того дьохтю, — мы й почалы пыты. Мы-жъ гыдуемо, а дидь такъ и пье, такъ и пье. Такъ ни — занедужавъ та и вмеръ съ того. Жывить у його такойъ великый зробывся. Вмеръ винъ уже тоди, якъ плоскони бралы, тоди все передъ жнывамы плоскони бралы. Сыдивъ винъ на прысьпи, а дали й каже бабуси — у хати воны булы: — «Отъ слухай, стара, якъ у мене въ животи жабы закрюкалы». — А воны такъ якъ у болоти закрюкалы. Такъ винъ скоро и вмеръ, — а те вже Боже якъ тяжко вмирало, все довго такъ былося въ животи — та велике таке! Такъ тоди люде й кажуть невестци: «Се твій уже грихъ.» — Такъ вона ничого й не сказала, пишла. Звисно, вона може й не хотила, такъ що-жъ!

— А то Йвана, кажуть, черепахою отруено. Такъ вона, черепаха, отака тамъ у його выросла велика, що тилкы отъ-

отъ не зирвеця. Такъ винъ и вмерь съ того. Такъ хотилы було выняты ту черепаху, та батько не схотивъ: «нехай уже»,— каже,— «що йому дано та съ тымъ и поховають!»

(Изъ разговора двухъ женщинъ изъ с. Хорошева Харьковскаго уѣзда, въ 1882 г.).

Чубинскій, »Труды», т. I, вып. 1, стр. 136-я, «Даня».

59. МЫШКЫ ЗРЫВАТЫ.

— Поперекъ болыть. Якъ мышкы зирвешъ, то воно й пособыця. Мышкы зриваты—це якъ поперекъ болыть, то ляжешъ ныць, а бабка бере руки за шкуру на спыни та й сипа. Отъ и мышкы зриваты.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

60. СПЫНА.

Спыну пидпирають, якъ первый гримъ загремыть, щобъ вона не болѣла.

(Харьковская губ.).

61. ОДЪ ИКАВКЫ.

Икавко, икавко! иды до воды, кого схочешъ напады— хочъ вола, хочъ цыганське дытя. (Трычи).

(Харьковская губ.).

62. З У В Ы.

Отъ зубной боли надо, увидѣвъ новый мѣсяць, прочитать не сходя съ мѣста, трижды «Отче нашъ», взять изъ

подъ правой пятки земли и потереть ею зубы, или подержаться за желѣзо, произнося извѣстный заговоръ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 124—126-я. «Боль зубовъ».

Ефименко, «Сборникъ мал. закл.» № 10—25.

---

63. ЛИШАЙ.

I.

Отъ лишая надо помочить пораженное мѣсто помоями; мѣшая помой, говорить: «лышаю-лышаю! я свынямъ мишаю».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

II.

Мазать мазью изъ очищеннаго дегтя съ свѣжимъ яичнымъ бѣлкомъ.

(Записаль П. Н. Солохина въ Черниговск. губ.).

---

64. ЧЫРЯКЪ.

Чырякъ одъ того буває, що наступышь босою ногою на те мисце, де черевата жинка ступала.

(Константиноградскій у. Полтавской губ. въ 1883 г.).

---

65. ОЖОГА.

Ростерты колосоць жыта руками тоди, якъ воно красуецця, й злызаты його языкомъ, то вже опосли можно цю руку що-разу лызаты, якъ ожога нападе,—й проходитьъ

(С. Великая Даниловка Харьковск. у., Палажка Ковалева)

---

66. О Ч И.

Якъ иде градъ, то його збирають и протырають йимъ трычи до схидъ сонця очи,—одъ сього воны цилый годъ не будутъ болиты. Або зъ граду воду тошлють и промывають сыєю водою, щобъ не болилы. Тежъ и росою роблють.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

67. ПЕРЕЛОМЪ КОСТИ.

Даютъ внутрь мѣдъ въ опилкахъ, мокая въ нихъ хлѣбъ, который и ѣдятъ. Способствуетъ сращенію кости.

(Записаль П. Н. Солонина отъ Антона Петрушевца пзъ Кіенки Черниговскаго у.).

68. ОТЪ ПОДКОЖНЫХЪ ЖИРОВЫХЪ НАРЫВОВЪ.

Прикладываютъ къ больному мѣсту золу осинової коры.

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговск. г.).

69. ЗИЛЛЯ.

Тее зилля ползительне, которе не чуе пивнячого гласу. Т. е. растеть отъ села такъ далеко, что крикъ пѣтуховъ до того мѣста не достигаеть).

(Записаль П. Н. Солонина отъ Андрея Гриненка изъ Жоввинки Черниговской губ.).

70. ПОШЕСТЬ (ЭПИДЕМІЯ) НА СКОТЪ.

Для отвращенія эпидеміи на скотъ, собирають по хатамъ нитки, вытыкають въ одну ночь полотенце, черезъ которое

за селомъ утромъ и прогоняють весь скоть. Тутъ-же слу-
жать молебень, а полотенце сжигается.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ).

---

71. ВЫМЪЯ У КОРОВЫ.

Якъ вымъя у коровы стане тверде, — давляютъ свяченымъ
брусомъ.

(Константиногр. у. въ 1883 г.).

См № 14. Корова.

---

72. ДОПРОСЪ.

Идя на допросъ къ слѣдователю, взять маку-тегуна и
входя говорить: «на гадинѣ ѣду, змѣей погоняю» и, неза-
мѣтно разсыпавъ макъ, продолжать: «какъ зеренъ маковыхъ
не собрать, такъ словъ моихъ не понять».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 95-я: «Къ суду».

IV.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХЪ СУЩЕСТВАХЪ.

73. НЕ ОДДАВШЫ ЧОРТАМЪ ДУШУ БАГАТЫЙ НЕ БУДЕШЬ.

Мы, каже, молоты у млыни,--отъ, дывымося,—щось коло мисточка загрузло—гійка, гійка—віякъ не вытягне! А мы й кажемъ:

— Ну, ходимъ,—шо воно за чортъ?

Прыходымъ, колы везуть люде тачку зъ здоровеннымъ ящыкомъ на двохъ колесахъ и повнисинькый грошей, самого серебра.

— Поможить,—каже,—добри люде, намъ вытаскаты ящыкъ, ніякъ не вытягнемъ. Мы вамъ,—каже,—дамо по прыгирци грошей.

— Давай!

Помоглы вытаскаты,—воны намъ усыпалы въ шанку по прыгирци серебра. Мы таки ради, прыйшли въ млынъ до вогню, дывымося. Колы воно вугилля! Бодай тебе чорты

взялы! Дывысь,—давалы гроши, а зробылось вугилля! А мирошныкъ каже:

— Шо тамъ?

— Але оттаке й таке!

Еге! вы думалы, то люде везлы гроши? То чорты везлы нашому хазяйинову Отто, якъ бы вы, 'ддалы чортамъ свойи души такъ, якъ нашъ панъ-отець, то й у васъ булы бѣ гроши, а не вугилля. Мени,—каже,—хазяинъ велыть тежъ орудуваты чортамы, щобъ скорищъ мололы.

Мы й напалысь на його.

— А ну скомаудуй!

— А купыте шивкварты?

— Купымо!

Тутъ збоку недалеко й шынокъ.—Пишлы, выпылы. Идемъ изъ шынку, а воно (млынъ) тилько—тилько шо двыжеця. Винъ пидійшовъ до лотокивъ та й каже:

— А що це? Хыба такъ мелють? А не хочете,—каже,—потягты вазадъ? А путе-га, попробуйте, якъ воно: чы лекше буде тягты проты воды, нижъ за водою?

Дывымся. пишлы колеса проты воды—тилько скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ...

— Ну глядять-же,—каже,—валяй та добре!

Якъ же воно зажарыло, такъ чорты його батька зна—ву прямо жъ страшно и въ млыни сыдаты! Отъ воно шо!
(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано въ 1883 г. въ Кіевской губ.).

74. ЧОРТЫ—СЛУГЫ.

А то йдутъ удвохъ у темну ничъ зъ шынку на гору, а воно душъ двацять тягнуть на гору таку тачку червинцивъ поввисиньку и ніякъ не вытягнуть. Пидійшлы й кажуть:

— Що це вы, добри люде?

— Та веземъ оттому проклятому шевцеви гроши. Во-

зымъ, возымъ, а нѣкъ не настачымъ,—де винъ ихъ дива—чорты його батька зна! Поможить пожалуста!

Воны помоглы вытягты на гору та й пишылы слидкомъ прослидыты, куды повезуть. «Прямо,—кажуть;—и повезлы до шевця въ двиръ — ше погійного шевця Та,—кажуть,—до двора близько не можно й пидійты: стукотнява, грюкотнява—ти дубъ товчуть, ти гроши носятъ, бряжчатъ. Прямо,—кажуть,—циле некло!»—Коло його й люде боялыся сельця,—такъ самъ соби й живъ за слободоу.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано въ 1883 г. въ Кіевской губ.).

75. ОБДУРЕННЫЙ ЧОРТЬ.

Якъ одинъ чоловікъ продався чортови та й каже:

— Тоди мене визьмешъ, якъ на деревѣ усе лыстя осыплецця.

— Добре!—каже чортъ.

Прыходять винъ зимою по того чоловіка.

— Е,— каже той,—дывысь-же: ще лыстя не пообпадало.

А воно, значыть, хочъ и пожовкло, а де-не-де ще держыцца. Той чортяка—ничого робыты—пишовъ одъ чоловіка й прыходять на другу зиму—и тоди такъ саме. Та такъ винъ ходывъ-ходывъ та вже бачыть, що ничого не вдіе, та й кынувъ.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., записано отъ стараго челоуѣка Ивана Ковалева въ 1879 г.).

76. СКРЫПАЛЬ.

Ишовъ скрипаль по мосту, саме коло дуба, та й дума: «що якъ бы я бувъ наилуччимъ скрипалемъ у свити,—

усе бь отдавъ, що тилькы въ мене е». Колы це выскакуе чортъ изъ дуба, що стоявъ коло мосту, та й пытае:

— А чого тобі треба?

— Та хочу — каже — быть наилуччымъ скрыпалемъ у свити.

— А що ты за це дасы? — пыта чортъ.

— Усе що хочешь дамъ! — каже скрыпаль.

— А душу дасы?

— Дамъ?

— Ну, такъ-же шобъ давъ на той годъ у цю пору — сказавъ чортъ та й сховавъ упъять у дуба:

Якъ пишовъ тоди скрыпаль по селахъ, грае та й грае, — ништо надъ його вже не загра. Назбиравъ винь багато грошей а тутъ годъ скинчывся, та й иде до своего дому черезъ той мистъ, що колысь то йшовъ, рикъ тому назадъ. Колы выскакуе зъ дуба чортъ та й каже:

— Здоровъ, скрыпалю!

— Здоровъ, чорте!

— Ну, давай душу!

А скрыпаль трисъ обь дуба скрыпку та й давъ чортови душу съ скрыпки. Почухавъ нечыстый потылицю, скрывывся та й пострыбавъ, пидобгавшы хвистъ, пидъ греблю.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда въ 1885 г.).

77. ЧОРТЪ, ДО МЕДУ ЛАСЫЙ.

А то було въ одного чоловіка багато уликивъ и въ дядькивъ його було багато. То оце хтось все въ ночи забере та й забере зъ найбільшого вулика увесь медъ. Отъ винь терпивъ-терпивъ та й пишовъ до дядькивъ и каже про це. Вони йому й кажуть:

— О бачь! давно прыйшовъ-бы, то мы-бъ тоби сказаны
що робыть. Пиды-жь ты, сплеты постилъ зъ лозы пивтора
аршыны завдовшкы и пиваршыны завшыршкы, поставъ коло
наибильшого вулика, а самъ сховайсь тамъ та й сыды. Та
якъ прыйде та стане прымирать, то ты вдарь кійкомъ та й
крычы: «не понавъ!»

Той такъ и зробывъ. Колы це прыходыть вночи чортъ—
та такой здоровый та страшный. Побачывъ той постилъ та
ставъ прымирать та й каже:

— Оце я велькый, а е ще бильши люды. Оце такъ!

А той чоловікъ якъ опоре його кійкомъ та якъ крыкне:

— Не понавъ!

Той чортъ черезъ тынь та навтикача, та лаецця:

— Оце сучый сынъ! не понавъ, та якъ болыть, а
що-жь, якъ-бы понавъ!

Та съ того часу й не ставъ ходыть.

(Сумскаго уѣзда Харьковской губ. с. Нижняя Сыроватка, отъ хлопча
въ 1884 г.).

78. ЧОРТА ОКРОПОМЪ ОБЛЫТО.

Жывъ одинъ чоловікъ на свити. Винъ усяке зло ро-
бывъ людимъ, кравъ, обворожувавъ людей, и бувало такъ,
що занастыть чоловіка на весь викъ. Отъ, прыходыть йому
кинець вику. Винъ дуже захворивъ и прыказавъ своему
сынови:

— Гляды-жь, якъ я вмру, ты возьми на пичъ хомуть
и видтля дывыся кризь його, шо мени буде.

Винъ померъ, той хлопецъ узывъ хомуть и дывыця
кризь його на печи. Дывыця й бачыть, що якъ тилькы його
умеръ батько, його чорты заразъ исъ тиломъ ухватили и

понесли кудысь, а одинъ чортъ, похожий на його батька, лигъ на лави и лежить мовъ мертвый. Той хлопецъ гукнувъ на матирь:

— Грійте окропу, — я мыцця буду!

Маты награла такого горячого, що аж-аж-ажъ! Винъ узявъ у руки ганчирку, взявъ той чавунъ зъ окропомъ та якъ лынѣ на чорта, — той схопився та й побигъ, — никого осталось ховать, и труна осталась, и усе, не треба теперъ ни попа, ничего.

(Записано въ с. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣздъ Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопця.)

Сравни. Рудченка «Народныя южнорусскія сказки», выпускъ 1-й, № 37.
«Чортъ у чоловічомъ толуби».

79. ГРОШОЛЮБЪ.

Одинъ чоловікъ живъ дуже багато и назбиравъ багато грошей, и у його бувъ одинъ сынъ и жинка. Винъ якъ умиравъ, то до його прыйшовъ сынъ и його жинка и просятъ у його грошей; йому жалко. Якъ вони одійшли, то до його прыступылы чорты и кажутъ:

— Ты ихъ поковтай.

Винъ и поковтавъ, а сынови та жинци не отдавъ. Тоди якъ умеръ, прыйшовъ чытать до його дякъ и чытавъ усею ничъ. Такъ якъ опивночи поросходылись усе, а дякъ чытавъ. Чорты прыйшли, узялы його за ногы, якъ трухнуть, а гроши й посыпалысь; тоди чорты и кажутъ на дяка:

— Чтець, возьми деньги!

Тоди той дякъ забравъ гроши та швыдче додому и однисъ. Якъ поховалы того багача, такъ його жинка та сынъ

на церкву воду возылы та глыну мисылы, бо у тымъ сели церква стройлалась И такъ воны тымъ и воспыталысь.

(Х. Троецкій Словяносербскаго у. Екатериносл. губ., отъ хлопця Якова Емченка въ 1888 г.).

См. № 15. Коваль и чортъ.

80. ЛИСОВЫКЪ.

Жывъ у лиси такый богъ лисовый, и було три браты— два розумныхъ, а третій дурный Пишовъ одынь братъ до того бога найматыся. Винъ и каже:

— Колы впасешъ мени оцього бычка, то дамъ тоби пидришитку грошей. Та тилкы щобъ прынись мени того, що цей бычокъ йистъ и пье.

Отъ, той братъ якъ ишовъ пасты, выгнавъ бычка, а винъ якъ кынеця, такъ и поплывъ черезъ ричку. Той сыдыть и плаче, колы увечери прыплыва зновъ бычокъ. Той наймытъ набравъ у глечычокъ воды й травы и прынись до бога. А той давъ бычкови, бычокъ не йистъ. Винъ убывъ того брата и колодою навернувъ. Такъ и зъ другимъ братомъ було. Тоди пишовъ дурень. Такъ винъ, якъ поплывъ бычокъ, очепырьвсь йому за хвистъ и поплывъ зъ йимъ. Быкъ прышлывъ, колы церква стойить и винъ, той бычокъ, зробывсь попомъ, ставъ служыть, булкы йисты и выно пыть. Той дурень набравъ у глечыкъ вына и булкы, очепырьвсь зновъ за хвистъ, переплывъ ричку и прынись до лисового бога. То той тоди давъ йому пидришитку грошей, показавъ пидъ колоду и каже:

— А оце бачышь, де твои браты?

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣза Харьк. губ. отъ хлопця Игнатія Шоломія въ 1884 г.).

81. РУСАЛКЫ.

На русалчынь велыкдень (четверь на зеленыхъ святахъ) не треба ни йиздыты въ лисъ, ни купатыся, бо русалкы залоскочуть. Це ще въ старовину було: одынь чоловікъ йихавъ лисомъ,—такъ його трохи не залоскоталы. «Та все» -- каже,— «таки невелички та кучеряви дивчатка».

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 207: «Русалки».

82. ПРО ВОВКУЛАКІВЪ.

Годивъ за трыдцять тому назадъ у мого дида Кошелівци (*) робылы комору. Дидъ тоди живъ надъ полемъ. Майстри посидалы спидать. На городи бигало козеня; а вовкъ ябось пидкрався, ухватывъ и побигъ; тутъ кынулысь доганять, да куды тамъ доженешъ! А одынь майстеръ каже:

— Не доганяйте, то вже йому Богъ показавъ; уже Богъ якъ покаже, що йому ззисты, дакъ йому вже тее, що думаетъ ззисты, буде показувать красне. Я й самъ бувъ вовкулакою.

Тутъ наши люде стали пытать:

— Роскажить, якъ було!

— Да отъ же якъ. Я любывъ дивку; да такъ прыйшлось, що взявъ другую. У недилю я пишовъ изъ жинкою до церкви; жинка пишла попереду, а я трохи пидождавъ да й соби пишовъ; треба було йты крузь тоей дивкы двиръ, що я любывъ, да не взявъ.

(*) Веркiевка въ 12 верстахъ отъ Нiжина; Кошелевка въ 10 вер. отъ Веркiевки. Кошелевцы—плотники и пильщики.

Тилько що я поривнявся зъ дворомъ, дивка тая выбигла да й каже:

— На тоби ленту, що ты мени купывъ!

Да й кынула на мене, а сама засміялась да й побигла. Тутъ я ставъ миныця и вже не пишовъ до церкви, а пишовъ изъ села, да тамъ за селомъ пидъ клунєю лигъ да й лежу; а вже въ мене и шкура вовча выросла. Отъ, приходять тры вовкы да й кажуть мени:

— Чы ты будешъ намъ служыть? А не хочешъ, дакъ мы тебе ззимо.

— Ни, буду вже лучче вамъ служыть.

— Ну, добре, — кажуть вовкы, — пды за нами.

Я пишовъ. Идемo, — гусы пасуцця; отъ вовкы кажуть:

— Дывысь, котора гуска тѣби показуецця красна, ту й ловы.

Я вловывъ, давъ йимъ. Воны кажуть:

— Йижъ же й ты!

Довго я не хотивъ йисты сырого м'яса; да вже якъ прывыкъ, тоди вже й не розбировъ. Такъ я йимъ прослужывъ сымъ годъ. Наставъ срокъ, дакъ воны мене й одпустылы до дому. Я прыйшовъ, да у хливи й лигъ. Батько уранци прыйшовъ до хлива, одчынывъ двери да якъ закрычить, побачывшы мене:

— Вовкъ! вовкъ! — да скорише двери зачынывъ. Люде збиглысь. Тутъ я бачу, що не перелывкы, давай лизты на тынь, щобъ утекты, да якось зачепывся за ломаку, прорвавъ вовчу шкуру да й вылизъ изъ шкуры. Одчынылы воны двери, дывлюцця — я стою. Маты тоди якъ заголосыть:

— Иванъ!... Иване, сыночку мій, де ты скытався?

Я давай и соби плакать. Мене повелы въ хату, роздяглы, дали билу сорочку, штаны и посадылы йисты. Доб-

рый мени показався хлѣбъ послѣ сырого мѣса; а вони все мене пытаются:

— Роскажи-бо намъ, де ты бувъ?

Я хочу сказати йимъ слово, дакъ вовкомъ и зареву. Диты кричать, бояцця; дакъ я вже и мовчу.

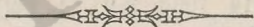
Цилый тыждень я все ревивъ вовкомъ; а у недилю я ппшовъ уранци на двиръ, саме до церкви благовистыло; я увійшовъ у хату да й кажу батькови:

— Уже, тату, до церкви благовистять.

Наши вси зрадили, що я гомоню; батько пійшовъ до попа, дакъ мене исповидали и причастылы. Одъ того дня я вже й старъ говорыть.

Оттакее-то! щобъ воно до мене й не ворочалось!

(Записала отъ своей бабы Анна Сахонова, дѣвочка 13 лѣтъ, въ м. Веркѣвѣ, Нѣжинск. уѣзда. Съ согласія лица, напечатавшаго этотъ разсказъ въ № VI «Кіевской страны» за 1894 г., перепечатаваемъ его оттуда).

V.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

83. ПРО ВДОВУ, ЩО ВНОЧИ ПРЯЛА.

Еге, кажуть стари люде, що не треба ничого довго вночи робыть пры мисяцеви, а то, бачте, одна вдова пряде та й пряде вночи, колы це прыйшло шось пидъ викно та й каже:

Теретынь, теретынь!

На тоби жмутъ веретинъ

Та наряды вси!

Удова взяла та скоришь по тры ныткы на кожне веретено й памотуе; воно прыйшло та й каже:

— Ну, наярала?

— Наярала!

— Ну, такъ давай! та гляды, билшь довго не сыды, а то погано буде!

Потимъ узяло веретена й пишло.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Отъ дивчины записаль М. М. Нечипоренко).

84. ЯКЪ НЫЧИПИРЪ ДИЛЫВЪ ВАРЕНЫКЪ.

Бувъ собі такой богомильный чоловікъ Нычипиръ; щобъ не проспать утрени, то винъ лягавъ бля церкви: якъ ударють у дзвинь, отъ винъ и прокынецця.

Передъ якимсь великымъ празникомъ Нычипиръ, узявшы у карманъ вареныкивъ, и пишовъ пидъ церкву ночувать. Сивъ ото та й йистъ вареныкы; йивъ, йивъ та такъ зъ вареныкомъ у роти й заснувъ. Колы це чуе: бовъ, бовъ—дзвонють; винъ схватывся та мерщій у церкву,—колы тамъ повво мерцивъ. Якъ напалы воны його:

— Дилы та й дилы вареныкъ!

Дума Нычипиръ: «якъ стану дилыть,—не стане усимъ, бытымуть мене». Отъ и каже:

— Такъ ходитъ же на могылы; кожный сяде на свойій, отъ я й буду дилыть!

Пишлы ото воны на могылы,—кожень на свою. Нычипиръ и каже:

— Ни, не такъ! сидайте молоди до молодыхъ, а стари до старыхъ!

Посилы мерци: стари до старыхъ, а молоди до молодыхъ. Нычипиръ и каже:

— Е ни, ище не такъ! сидайте такъ, щобъ умисци булы ти, що въ одынъ годъ умиралы.

Покры посидалы, а нивень: кукурику! Мерци—шарахъ у ямы! Остався Нычипиръ зъ вареныкомъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Записаль М. М. Нечипоренко).

85. НЕВОЯЗЬКЫЙ ПОЛКОВНЫКЪ.

Въ одномъ городи бувъ полковныкъ, такой, що зроду не бачывъ страху. Отъ, винъ узявъ съ собою денщыка и

пойхавъ страху шукать. Йихалы воны, йихалы и прыйихалы до слободы, а вже бувъ вечеръ. Отъ полковныкъ и каже:

— Давай останемось ночувать на гробахъ.

А той денщыкъ и каже:

— Ни, я боюсь, лучше пойду въ слободу.

А той и каже:

— Ну йидь, а я останусь тутъ ночувать.

Ото денщыкъ пойхавъ у слободу, а полковныкъ остався ночувать на гробахъ. Тоди полковныкъ узавъ сидло, положывъ на гробокъ и лигъ на йому. Лежавъ-лежавъ и все не спыть, а слуха, що буде. Отъ, такъ якъ у глупу ничъ, вылизъ мертвецъ изъ гроба та й пишовъ у слободу. А полковныкъ и каже:

— Ну добре, итымешъ ты назадъ, я тебе пиймаю!

Ого пился того винъ заснувъ. Трохы згодомъ слуха,— скрыпъ двери (?), колы це йде той мертвецъ. Тоди винъ запалывъ трубку, сыдыть и куре. Пидйшовъ мертвецъ до гроба та й каже:

— Ты хто такый? вылазь видциль!

А винъ и каже:

— А ты хто такый? де ты ходывъ?

А винъ и каже:

— Вылазь, а то задушю!

— Скажы, де ты ходывъ, такъ вылизу.

Ото винъ вертивсь-вертивсь та й каже:

— Бувъ я въ слободи и тамъ задавывъ у одного купця сына, ище й молодыхъ задавывъ.

Полковныкъ и каже:

— А можно ихъ воскресыть?

Каже:

— Можно, та тилькы йидь скорише, то тамъ найдешъ у

одній хати у печи два пузырькы съ сцилющою и живущою водою; та телячою кровью помажешъ, то вони й оживуть.

А тутъ пивни заспывали, а вишь и впавъ. Тоди полковникъ узавъ того мертвеця, привъязавъ до сидла и ото винъ тилько що розсвило, заразы на коня та й пойихавъ у слободу. Прыйихавъ винъ у слободу, воскресывъ купцевого сына й молодыхъ и пойихавъ изъ слободы зъ девщыкомъ. Тамъ вони йихали, йихали—отъ уже стало вечорить; пидийжчають вони до лису, колы дывляцця,—огонь блыщыть. Вони й пойихали до вогню. Прыйихали до лису, винъ и каже: «я пиду туды, подывлюсь, що тамъ биля вогню». Пишовъ винъ, прыйшовъ, болы тамъ сыдыть трыдцять чоловикъ розбойныкывъ, сыдятъ, кашу варють. Винъ каже:

— Здрастуйте вамъ!

— Здрастуй!

Винъ узавъ ложку, помишавъ кашу, покуштувавъ:

— Ехъ, добра-бъ каша, та писна! нужно-бъ гавъядыны!

Пишовъ, прынисъ ногу, вкынувъ у кашу, покуштувавъ, —не добра. Пишовъ, ище прынисъ цилого мертвеця та якъ кыне въ кашу, а той мертвецъ якъ выскоче съ казана та на одній нози й поскакавъ, — порозгонывъ усихъ розбойныкывъ.

Тоди й пойихали ище дальше страху шукаты. Прыйихали до одного лиса, а въ тимъ лиси дома и сторожъ живе. Винъ поспытавъ у сторожа:

— Чого тутъ ниhto не живе?

— Та,—каже,—у цього пана умерла дочка та каждой ночи ходе у ци дома и не дае жыть, такъ винъ и пойихавъ видциля.

Тоди полковникъ сказавъ:

— Я переночую.

Полковникъ остався ночувать. Тоди якъ прыйшла глупа ничъ,

то вона (дочка) и прыйшла. Винъ ййи пйймавъ, и вона стала така, якъ и була. Тоди того полковныка звинчало и винъ ставъ зъ нею жыть. Тоди вона його й пыта:

— Якымъ це ты родомъ понався сюды?

Винъ ййи и каже:

— Я зроду не знаю страху.

— Хочешъ, я тоби покажу страхъ?

Тоди вона взяла устромыла въ сволокъ булавку и привъязала його за шыю шовковою пыткою, тоди за сволокъ и пустыла. Винъ тоди подывывсь унызь, — тамъ пекло, а вгору, нытка тонка, — то отоди винъ изьякався.

(Славяносербскій уѣздъ, Екатеринославской губ., отъ «хлопца»).

86. УПЫРЬ.

Було соби тры браты, самый меньшый пййшовъ у салдаты. Прослужывъ тамъ годъ чы два й налысавъ додому пысьмо, а йому прыпысало зъ дому, шо отецъ померъ. Дождавъ винъ, москаль годового празныка, выпросывсь у гости до дому. Иде винъ, недалеко вже одъ своейи слободы степомъ иде — чагарнякы, мимо йихъ иты. Дывыться, а скрызъ одынъ коло одного вогни горять. Винъ не заходыть до того огню, а йде соби по дорози; прыходыть у село, нигде не свитыться, бо то ночью.

Прыйшовъ до своейи хаты, — свитыться въ хати и замитывъ винъ прозь вижно: батько сыдыть конецъ стола. Винъ соби й подумавъ: «Отъ — каже, — браты неболи (*): прыпысало, шо батько померъ, а батько жывый». Увойшовъ у хату, поздоровкався зъ батькомъ, поцилувався зъ нымъ. — Батько

(*) Непочтительные (Примчаніе записывателя).

поставывъ сынови на стиль горилкы, ковбасы давъ.— Дае йому пыты, а сынъ и пытае:

— Чомъ-же, каже, вы, тату, не пьете?

— Я вже — каже, — свое одпывъ.

— То берить та йиште!

— Я вже, — каже, — свое одъйивъ.

Повечерявъ москаль, батько пойшовъ запрягать конячку й каже:

— Сядай, сыну, поидемъ на весилля!

Прыйизжають на другу слободу на весилля.

Москаль пойшовъ у хату, а батько сивъ на порози. Поздоровкавъ москаль, його й пытають:

— А съ кымъ-же ты, — кажутъ, — прыйихавъ? якъ ты втрапывъ?

— Зъ батькомъ, — каже.

— А де-же той батько? (Бо вси знаютъ, що батько померъ, ну й думаютъ, що винъ обманюе).

— А, — каже, — отъ сыдыть коло порога. — Уси подывылысь туды, — нема никого, ну й подумалы, що москаль сміється. Гулялы воны довго, а дали полягалы спать: молоди пошлы въ комору; лигъ и салдаты. Ну, все-жъ такы винъ не спыть, а замичае, шо то батько буде робыть. Дывыться, батько вставъ и съ крайнього почавъ кровъ тягты и зо всихъ сколькы було людей, винъ кровъ повысоувавъ, а зъ молодыхъ, пойшовъ, вырвавъ дви пасмы волосся и взявъ, поднявъ вугло (*) и пидстромывъ те волосся, а дали прыйшовъ до сына та й каже:

— Йидьмо, сыну, теперъ додому!

Посыдалы. — Йидуть додому. Сынъ почавъ батька пытать:

(*) Постройка хаты въ срубъ, связь дерева на дерево въ углу — *вугло*.
Говорятъ: „хата построена у угла“ — въ срубъ. (Примыл. записывателя).

— Тату, що то вы робылы людямъ и на шо вы зъ молодыхъ вырвалы дви пасми волосся и пидстромылы пидъ угло?

— То, — каже батько, — вси люде, то вси повстають, а тыйи молоди не встануть.

— Тату, сказалы-бъ и мени: чы можна-бъ що зробыть, щобъ вони встали?

— Можна, — каже, — сыну, тилькы на шо тоби тее знаты?

— Та скажить бо, тату! вы-жъ знаете, шо додому я не на довго прыйшовъ, — побуду свое время, та й пойду зновъ на службу.

— А що, — каже, — йимъ робыты? Тамъ, у сусиды, уродыться чорне теля сьойи ночи; пойты до того сусиды и попросыть, шобъ винъ отдавъ тее теля. Взять, заризать теля и кровью помазать молодыхъ, достать волосся зъ угла и прытулыть до йихъ, то вони повстають. — Е, хто тее буде знаты? — додавъ батько самъ до себе, а дали й каже:

— Ты, знаешь, — каже, — сыну, шо я нежывый, я — вмерлый. — Ты думаешь, чого то такъ огни горять по надъ чагарнякомъ? Се я повыганявъ, теперь никого нема въ сели, я всихъ повыганявъ.

— Ехъ, — каже, — тату, сказалы-бъ вы й мени, чы можна те зробыты, шобъ вы не хедылы?

— Можна, — каже, — сыну, зробыты. — Е, хто тее буде знаты? — зновъ додавъ батько самъ до себе.

— Ехъ, тату, скажить, — каже, — нехай я буду знаты! Адже вы знаете, шо я скоро пиду звидсы.

— А що, — каже, — робыты? Я якъ увыну на свое мнисце, то добре, а якъ-же не ввыну, то й пидъ личчу переночую. (Звычайно, бо пивень заспивае, то вже винъ не вспие сховатысь на свое мнисце).

— Отъ, якъ я ляжу пидъ пиччу, то взять и выбрать стину зъ другого боку одъ диркы. Треба дванадцять паръ волувъ и балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Я сьогодня не ввыну на свое мнисце (бо чувтвуеть, шо скоро йивень заспиваеть).—Отъ якъ прыйидемъ, пивни заспиваютъ, то я заразъ соби пидъ пичъ. Якъ-бы догадалыся, та зробылы ту штуку, а тамъ, у поли, дубъ стойить, якъ-бы до заходъ сонця вывезлы мене туды, то-бъ,—каже,—я тамъ и zostався-бъ и никола-бъ сюды не пойшовъ, а якъ не ввынуть до заходъ сонця, то скилькы-бъ тамъ людей не було — йивмъ усимъ смерть буде.

Тилькы прыйихалы у двиръ, ще й коней не выпряглы, а винъ, батько, ускочывъ у хату й покотывся пидъ пичъ, бо пивни заспивалы. Москаль узавъ, повернувъ коней у те село, де весилля справлялы, и почавъ будыть людей и някъ не мигъ йихъ порозбуджуваты.

Порозбуджувавъ и сказавъ:

— Йдить до такого-то сусиды и чорне теля въ його визьмитъ, шо вродылось сьойи ночи.

Ти прынеслы те теля, помазалы молодыхъ кровью, досталы той волосъ, попрыкладувалы и воны повставалы.

— Ну, теперь,—каже,—ходить батька вывозыть.

Досталы воны дванадцять паръ волувъ, балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Прыихалы, москаль порадкувавъ самъ. Выкыдалы стину, зачепылы батька гакамы, якъ почалы його тягты, то винъ страшно реве, такъ шо йимъ страшно було й стоять тамъ. Дванадцять паръ волувъ не можуть якъ слидъ и йты, а тилькы помаленьку ступають. Ще зъ повъ-версты восталось, а вже и сонце скоро сьдае, а воны ажъ не могутъ иты. Тилькы привезлы його на те мнисце, де винъ сказавъ коло дуба, заразъ винъ скотывся и самъ пойшовъ у землю и тилькы сказавъ:

— Маєте щастя!

Люде одкопалы його могылу, а въ труни його нема и повна труна була набыта шерстю—одъ людей и одъ усякой скотыны.

(Записано отъ Луки Зиневича, Волинск. губ., Острожскаго уѣзда, Ощенской волости, с. Курозвоня. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Нѣкоторыя черты этого разсказа встрѣчаются у Чубинскаго, «Труды», т. II, стр. 417. № 123: «Про упыра».

НИИВУ

VI.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЛЮДЯХЪ СЪ ЧУДЕСНОЮ СИЛОЮ. (ВѢДЬМЫ, ВОРОЖКИ, ВОЛШЕБНИКИ).

87. ВѢДЬМЫ И ВѢДЬМАКИ.

Вѣдѣмы являються или отъ рожденія или научаются искусству отъ другихъ или ставовятся ими невольню. Въ послѣднемъ случаѣ вѣдѣма, бывая кумою, прочитываетъ до крещенія надъ ребенкомъ трижды заклинаніе. Желая научить своего ребенка колдовству, вѣдѣма сажаетъ его некрещеннаго въ кошолокъ (?) и «пробазуе», что слѣдуетъ. Дѣтя уже не забудеть прочитаннаго.

Узнать вѣдѣму можно или по очамъ, кто это умѣеть, или слѣдующимъ образомъ: въ прощеннѣй день взять въ ротъ сыру и съ нимъ во рту переночевать, а въ понедѣльникъ спрятать сыръ хорошенько въ поясъ и тщательно беречь. Въ свѣтлую заутреню явиться съ этимъ сыромъ въ церковь

и когда батюшка скажетъ: «Христось Воскресъ!», сказать: «у меня сыръ есть!» Вѣдьмы еще въ церкви стапуть отымать сыръ, а по выходѣ изъ церкви кинутся въ погоню за обладателемъ, крича: «отдай сыръ!» Для обороны надо имѣть побольше маку-текуна и имъ бросать въ вѣдьмъ, тѣ стануть собирать макъ, а преслѣдуемый тѣмъ временемъ успееть убѣжать. Другое средство: въ продолженіе всего великаго поста каждый понедѣльникъ откладывать по одному полѣну изъ охапки дровъ, идущихъ въ печь. Этими семью полѣнами вытопить передъ пасхальной утреней печку. Вѣдьма въ такомъ случаѣ непременно придетъ просить жару, но давать еѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя,—будетъ бѣда.

Принимаетъ вѣдьма образъ разныхъ животныхъ, чаще всего собаки; въ образѣ свиньи бываетъ наиболѣе лютою. Въ человѣческомъ видѣ она ходитъ доить коровъ и завивать на поляхъ завон. Иногда вѣдьма превращается въ сороку. Однажды на паромѣ перѣѣзжала съ нами одноглазая баба. Паромщикъ по секрету сообщилъ намъ, что другой глазъ выбилъ бабѣ хлопецъ, бросивъ дрючкомъ въ сидѣвшихъ на грушѣ сорокъ. Въ ихъ компаніи сидѣла и эта баба, въ ея то глазъ и угодилъ дрючокъ. Въ конюшняхъ часто вѣшаютъ убитыхъ сорокъ. Вѣдьма посылаетъ разныя напасти на людей, животныхъ. Главное-же ея занятіе дѣланіе завоевъ и доеніе коровъ. Доить она часто кобылъ, сукъ. Масло, добытое изъ такого сборнаго молока, узнать легко—оно все въ слояхъ. Чтобъ не испортилась корова, ей при первомъ теленкѣ просверливають рогъ, кладутъ въ дыру херувимскаго ладану и забиваютъ дыру кусочкомъ троицкой осины. (Такіе рога во множествѣ валяются на выпускахъ).

Рекомендуется много средствъ отъ злоумышленій вѣдьмы. Креста вѣдьма не боится, но бессильна противъ *ярука*

(первороденный щенок); ярчука непременно задушить вѣдьма если своевременно не принять мѣры, заключающейся въ томъ, что щенка трижды протягиваютъ черезъ ступицу въ колесѣ. На купаза, въ огражденіе отъ вѣдьмъ, кладутъ на окна крапиву жигучку, на Духа ставятъ надъ воротами осину. Избѣгаютъ позднимъ вечеромъ здороваться съ незнакомымъ человѣкомъ, боясь наскочить на вѣдьмака. Не слѣдуетъ также загонять въ свой дворъ заблудившихся животныхъ. Одна баба во время грозы загнала въ хлѣвъ заблудившагося козленка, молнія зажгла хлѣвъ и дворъ, а козленокъ убѣжалъ. Успѣшно бороться съ вѣдьмой можно только въ своемъ дворѣ и при помощи кола, взятаго изъ своего плетня. Бьютъ вѣдьму наотмашь. Въ дворѣ вѣдьма ставитъ преслѣдователю разныя препятствія въ видѣ дровъ, рядовъ немлятой пеньки и проч. Вычесанные изъ головы волоса не надо бросать зря, иначе вѣдьма сдѣлаетъ изъ нихъ завои съ наговоромъ. Часто въ поступкахъ вѣдьмъ видна фатальность (по народному выраженію): «вѣдьмѣ приходя время»). Плылъ напр. съ рассказчикомъ на байдакѣ вѣдьмакъ. Въ припадкѣ вѣдьмачества онъ сталъ проситься на берегъ. Выскочивъ на берегъ, вѣдьмакъ бросился завивать на лозѣ завои. «Якъ-бы вы не пустылы мене до берегу,—сказалъ онъ товарищамъ,—то-бъ я вамъ волосся такъ позавывавъ».

Вѣдьма, уходя изъ хаты по ночамъ, оставляетъ дома свою кожу. Такъ, разъ золовки замѣтили ночью отсутствіе своей невѣстки, на ея мѣстѣ лежала какая то шкура. Работникъ взялъ топоръ и изрубилъ ее. «Пришла до окна невѣстка и пытае: «топоръ, топоръ, хто кожу порубавъ?»—Я не знаю, —каже топоръ,—бо якъ рубавъ, дакъ унизъ глядѣвъ.—Съ тымъ и пропала». Сдѣлавъ вѣнокъ изъ купалы (желтый цвѣтокъ какой-то) можно увидѣть вѣдьму на купалѣ, прыгая черезъ огонь. Вѣдьмы невидимками бѣгаютъ за прыгающими

и подбираютъ за ними золу (вѣротно— слѣдъ). Вотъ отчего не слѣдуетъ посѣщать купальныхъ игрищъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Чернигов. губ.).

«Малорус. преданія», стр. 69, № 1—11. «Вѣдьмы».—Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 196. «Вѣдьмы».—Кулишъ, «Записки о Южной Руси», II, стр. 37. «Способы узнавать вѣдьмъ».

88. ВИДЬМА.

I.

А я такъ не боюсь видьмы: я послѣдняя. Видьма николы не лякае тыхъ, хто первый або останній народывся у снѣгѣ.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у. Палажка Ковалева).

II.

Видьма съ сохы (*) молоко дое.

(Х. Бутивка Змѣевск. у. Харьков. губ.).

89. К И Н Ъ.

Зайшовъ я, люде добри, въ одну хату ночувать; обикла-
лись ото вже люде й спать, а въ моеи хазяйки горыть свитло.
Колы це увійшло у хату бабъ зъ десять, трохи згодомъ—це,
ище: повна хата назбиралась. Выйняли вони пзъ печи черепокъ
чогось та й стали мазать нымъ пидъ рукамы. Помаже оце пидъ
рукамы та й полетыть у бовдуръ; такъ уси й повылиталы.
Я й думаю собя: «а чы не помазати бува й мени?» Пидій-
шовъ я до черепка, засуцувъ туды пальци та й тру пидъ
рукамы; колы це лкъ понесе мене въ бовдуръ, вынесло на
двирь, несе та й несе... Лечу я, лечу, колы дывлюсь,—упередь

(*) Соха—подпорка въ хлѣву.

мене летять видьмы ти, що булы въ хати. Ото я наздогнавъ йихъ та й лечу зъ ными. Колы це обернулась до мене старша видьма та й каже:

— Оце й ты тутъ?

— Тутъ,—кажу.

— На-жъ тоби оцього коня, сидай на його, то винь тебе й довезе додому; тилькы не кажы ни тпру, ни но, а то пропало все—будешъ пишкы йты!

Та й дала мени такого билого коня. Сивъ ото я на того коня, якъ повесе винъ мене; лечу я та й думаю: «а чы не сказать мени бува на коня «но», щобъ ище скорише йихавъ?» Якъ крыкну: «но!» Дывлюсь,— я вже на земли та въ такому темному лиси, а у мене въ рукахъ обидрана лыпына. Плюнувъ я та й пишовъ; якъ ставъ иты та йшовъ трое сутокъ, покы знайшовъ свою хазайку!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1-й, стр. 196-я: Вѣдьмы.—Манжура, «Сказки», стр. 138-я: «Чудесные угольки».

См. № 4. Комари. (Ворожка).

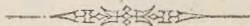
VII.

О КЛАДАХЪ.

90. СКАРБЪ.

И теперь, кажутъ, у Петренковому лиси есть погрибъ, тилкы завалывся,—тамъ шкарбъ похованый. А колысь якъ ничь, то тамъ ведмидь реве, салдаты зъ дзвонкомъ ходе, бережутъ його. До того погриба явленну икону зъ Шпыливкы брали, зъ охрестамы пидходылы, такъ такъ схопыцца заразы бура и все новаля, порознесе. А то ще, кажутъ, два хлопцы пастухы тамъ гралыся, а одиць узявъ и вкынувъ другого шапку. Той почавъ плагаты, а воно йому й выкынуло повну шапку грошей. Другый и соби схотивъ грошей та й кынувъ шапку, а воно йому калу выкынуло.

(Записано въ 1884 г. отъ хлопця Василя Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.).

VIII.

91. Г Р И Х Ы.

Бувъ соби чоловікъ и жинка, и у ѣихъ родылась дытына. Маты узяла дытыну, розризала ѣому жывить, посадила у кошиль та ѣ укынула ѣого у море, а воно плавало до трьохъ мисяцивъ та крычало. А рыбалкы ѣиздылы по морю та ѣ узялы ѣого до себе та ѣ изшылы ѣому жывить. Дытына росла у ѣихъ до висимнадцяти годивъ. А той чоловікъ, що найшовъ у мори дытыну, сказавъ ѣому, каже:

— Андрію! колы хочешъ, то благословляю тоби иты на суху путь.

Андрій каже:

— А чомъ не такъ?

Ото той чоловікъ поблагословивъ того Андрія, винъ и пишовъ та ѣ понавъ саме у ту слободу, де ѣого батько та маты. Ото прыходе у слободу, колы тамъ сторожа наймають. Винъ каже: «наймиць мене сторожемъ!» Мужыкы нанялы и такъ умовылысь, щобъ никого не пускаты у садъ и якъ по-

бачышъ, що хто йде, то пытай його, хто йде; якъ до трьохъ разивъ не озовеця, то бый його зъ ружжа!

Андрій каже:

— Ну-ну!

Отъ, одвели його до саду, винъ и ставъ берегты той садъ и проберигъ тры дни. На четвертый день увечери дывицца.—щось иде до його. Винъ каже:

— Хто йде?

Воно не озвалось. Винъ упъять каже:

— Озывайся, а то убью изъ ружжа!

Воно не озвалось,—винъ и убывъ його. Колы це стало свитать, розвиднылось, винъ объявивъ мужыкамъ. Мужыкы посходылысь, стали пытать його:

— Якъ же ты убывъ?

Винъ розказавъ. Тоди мужыкы й закопалы мертвого. А жинка того убитого почала просыть мужыкивъ, щобъ выйты замижъ за того Андрія. Вони дозволылы Тоди вони повинчалысь и стали жыты вмисти. И одну ничъ вони полягали спать, а жинка положила руку Андрієви на жывить та й каже:

— Що це таке, чоловіче, за рубецъ?

Андрій каже:

— Та це якъ я родывся, такъ мени маты розризала жывить та й укынула у море.

А жинка якъ заплаче та й каже:

— Охъ, мій сыночку!

А Андрій каже соби на думци:

— Це жъ моя маты, а ото убывъ я батька!....

Ото дождалыся дня, жинка побигла по слободи та покыкала мужыкивъ. Мужыкы прыйшлы, вона розказала, що «це мій сынъ». Мужыкы кажуть: «якъ твій сынъ?»—Та такъ!
—И розказала. Тоди мужыкы розійшысь.

Маты Андрієва й каже:

— Ну, сыну, иди до попа, просы, щобъ винъ грихы найшовъ твоеи.

Андрій пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, найдишь мойи грихы!

А пипъ каже:

— Яки грихы?

Андрій каже:

— Та яки? що убывъ я батька, а матирь за жинку взявъ.

Пипъ каже:

— На тоби изъ яблуни горилый пеньокъ та поливавай його ротомъ доты, покы вырасте яблуня и поростуть яблука, —тоди позрывавай та й прынесы до мене!

Андрій понисъ пеньокъ и поливававъ ротомъ чотыри мисяци, доты, покы порослы яблука. Отъ винъ помолывся Богу и ставъ изрывать ихъ. Уси позрывае, а якъ злизе на землю, а яблука упъять на яблуни осталися. Винъ позрывававъ йихъ та упъять злизъ, —колы двое яблукъ осталося на яблуни. Винъ зрывававъ, зрывававъ йихъ, а воны усе остающця на яблуни. Тоди винъ пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, ось я прынесъ вамъ яблука.

Пипъ подывывся та й каже:

— А на яблуни осталося багато?

Андрій каже:

— Двое яблукъ.

Пипъ тоди каже:

— Ну, отожь два грихы твоеи.

Андрій тоди каже:

— Батюшка, заприть мене у сторожку, щобъ я грихы спокутувавъ.

Пипъ тоди заперъ його, а ключи укынувъ у море. Той Андрій сыдивъ у сторожци сорокъ литъ. Наступывъ сорогъ первый годъ. Пипъ захворавъ и схотилосъ йому сви-

жойи рыбы. Тоди винъ пославъ, щобъ уловылы йому свижойи рыбы. Слугы прынеслы йому рыбы. Тоди винъ сказавъ: «изварить мени ййи!»—Слугы стали росчынять рыбу и найшлы ключи. Прынеслы ключи до попа. Тоди пипъ сказавъ: — Ище у мене Андрій у сторожци запертый.

А та сторожка уже й заросла у землю. Тоди воны стали одкопуваты. Одконали, одчынылы двери,—колы дывляцця, винъ сыдыть и коло його свичка горыть, а винъ чытае ивангелію. Пипъ выпустывъ його. Винъ тоди пишовъ до матери и стали жыть удвохъ.

(Записано 1888 года отъ хлопця Ивана Выровскаго изъ с. Костивки Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

Подобные разказы см. «Малор. пред.», стр. 130-я, № 29. Кровосмѣситель. 1—2. Тамъ-же указаны варианты, напечатанные въ иныхъ изданіяхъ.

92. ПРО ПАНТЕЛЕМОНА.

Жывъ на сели парубокъ Пантелемонъ и любывъ винъ дивчыну. Ось скоро вже й весилля малось быть,—а винъ ту дивчыну й покинувъ. Розлютувалась ййи маты (а вона до того та була ще видьма), зробыла видьмою свою дочку й наказала ййи помстыты Пантелемонови. Иде ото разъ Пантелемонъ зъ «улыци», колы це якъ плыгне йому пидъ ноги кишка,—винъ схопывъ рукавыцю та й ударывъ ййи на оддалъ,—та такъ и вывернулась (бо видьмы такъ не вдарышъ, а треба выдать на оддалъ, то попадешъ); дывыцця,—колы тамъ уже лежыть дивка,—винъ скорій до дому. На другой день видьма та, маты, и звистыла судъ, що Пантелемонъ убывъ ййи дочку. Сталы пытать ййи, що вона хоче съ Пантелемона. Видьма й каже:

— Ничого не хочу я зъ його, тилькы нехай переночуе тры ночи у пустій хати.

93. ПРО СВЫРЫДОНА.

Се було дуже давно. Посходились на улыцю дивчата й хлопци и зачали жырувать. Покры жырували, покы Свырыдонъ ударывъ видьмыну дочку на оддали. Та й перевернулася, и духъ выскочывъ. Видьма, маты тыейи, шо вбывъ Свырыдонъ, нишла до правления и пожалилась старшыни:

— Такъ и такъ, Свырыдонъ мою дочку вбывъ.

Його зачали судыть, а потимъ и спыталысь видьмы:

— А ты що хочешъ одъ його?

Та:

— Я бъ не схотила ничего билшъ, якъ бы його посадылы на тры ночи у пусту хату.

Воны взяли и послухалы видьму и сказалы, щобъ винъ готовывся на сю ничъ у пустку. Винъ знавъ, що йому не быть жывому и зачавъ прощаця зъ батькомъ, зъ матиррю, зъ братамы, съ сестрамы. Тоди нишовъ ще прощаця и до хрещеной матери. Вона тожъ була видьма. Винъ зачавъ зъ нею прощаця и росказавъ, за яку биду винъ буде терпить муку. Попроцавшись вона йому додала:

— Гляды жъ, сыну, слухай мене, такъ будешъ жывий! Пиды на смитныкъ, найды тамъ кусокъ сковороды и пиды визьмы одрубай килокъ клечання пзъ осычыны, того, що стояло на зеленыхъ святкахъ передъ порогомъ; визьмы той прыкилочокъ, забый на тій печи на аршынъ одъ себе, очеркнесь тыею сковородою и на ейи самъ сядь. Видьмы скільки будуть мучыця, возыця, а до тебе не доступлять; и я, сыну, тамъ буду мени ниякъ остаця одъ йнхъ.

Винъ скоро побигъ на смитныкъ, узавъ шматокъ сковороды, одрубавъ килокъ осыкы, забывъ на тій печи, де йому сядить, на аршынъ очеркнувъ кругомъ себе сковородою, тоди

Судь и сказавъ Пантелемонови, щобъ переночувавъ три ночи у пустці.

Заплакавъ бідный парубекъ, идучы до дому, — колы це пидійшла до його стара баба та й каже:

— Чого ты, парубче, плачешъ?

— Якъ мени не плакати! одмовивъ Пантелемонъ та й розказавъ усе, якъ було.

— Не плачь, парубче! — каже баба: — пиды ты на смитныкъ, найды сковороду зъ диркою, добудь той осыковый прыкилокъ, що на ордани дирку у хрести забываютъ, пиды у пусту хату, обчеркны тымъ прыкилкомъ кругъ себе, скільки зможешъ, застромы його у сковороду, а на його поставь страсну свичку, сыды та й чытай; хочъ що буде, — не оглядайсь!

Пантелемонъ подякувавъ щиро баби, добувъ усього, тоди пишовъ у пустку, обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромивъ той прыкилокъ у сковороду, поставивъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае.

Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть: прылетилы видьмы въ хату. Якъ кынуцца до Пантелемона, добиглы до круга — та й назадъ! Упъять добижать до круга — та й назадъ! кругомъ бигають, а за кругъ не перебивать; а Пантелемонъ усе чытае, все чытае, никуды не дывыцца. Бигалы-бигалы оттакъ видьмы, — колы це нивень: кукурику! — вони й порозлиталысь. Ось и свитае, — перехрестывся Пантелемонъ та й выйшовъ на Божый свить.

Прышла друга ничъ. Пантелемонъ упъять обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромивъ той прыкилокъ у сковороду, поставивъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае. Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть — ще більша сыла видьомъ налетила у хату; упъять вони кынулысь на Пантелемона и оджахнулысь одъ круга; стали кругомъ бигать,

лаять Пантелемона, такъ ни: той усе сыдыть та чытае. А тутъ и пивень: кукурику!—страшно заскреготалы зубамы видьмы й загуркотилы съ хаты.

Прийшла третя ничь. Видьмы побиглы за порадю до старшой Кыйивськойи видьмы; та сказала, щобъ воны назбиралы страсныхъ недогаркивъ; якъ побиглы видьмы за недогаркамы, назбиралы, тоди запалюють йихъ та й кыдають на прыкилокъ, щобъ занявсь, бо тилькы страснымы свичкамы можно запалыть той прыкилокъ, а якъ бы прыкилокъ згоривъ, то можно бъ и черезъ кругъ переступыть. Покры кыдалы, покы такы й запалылы; горыть той прыкилокъ,—отъ,—отъ уже скоро догорыть... А святи янголы бачуть все це; полетилы воны до пивня та й кажуть йому, щобъ спивавъ.

— Е, ни, не заспиваю,—каже пивень—хыба хай Богъ ночи уменшыть, такъ заспиваю.

Полетилы святи янголы до Бога та й кажуть:

— Господы мылосердный, погыбае безвынна людына: уменшы ночи, хай пивень заспива, щобъ ота нечыста сыла порозбигалась!

Богъ и уменшывъ ночи на макове зерно,—пивень: кукурику,—а видьмы й порозбигалысь. Перехрестывсь святой Пантелемонъ та й выйшовъ на свить Божый.

Ничь одъ тойи поры и стала уменшацця, а день прыбавляцця.

(Записаль М. М. Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьк. губ.).

Сравни: Чубинск., Труды, I, стр. 200—203.—Малор. пред., стр. 71, № 14. Видьма та видьмакъ.—Рудч., Южнорусск. сказки, II, стр. 27, № 12. Упырь и св. Мыколай.—Манжура, Сказки, стр. 136, Видьма.

й самъ сивъ на ей. Посыдивъ трохи, — колы се воны и бижать билымы сучкамы: пыщять, скавучать и до ей не доступлять. И такъ воны провозылысь зъ нымъ дви ночи и ничего йому не зробылы. На третю ничъ воны полетили у Ъыйивъ до старшойи видьмы и зачалы пытаця:

— Що робыть Свырыдонови? Винъ убывъ нашу дочку, молоду видьму, и сыдыть у пустій хати; мы зъ нымъ провозылысь уже дви ночи, — ніякъ не доступно до осычаного прыкылка.

— Шарнить скризь по церквахъ и назбирайте недогаркивъ съ свичокъ, злипить довгу свичку, шобъ хватыло одъ вигна до того прыкылка и палить прыкилокъ. Якъ прыкилокъ перегорыть на двое, тоди винъ вашъ.

Воны якъ шарнулы, назбиралы цылый коробъ тыхъ недогаркивъ, прылетили назадъ до тыей хаты, злипылы довгу свичку и зачалы палить осычыну. Доналылысь до половыны. Богъ бачыть уже це та й пославъ янголя на землю до пивня, шобъ винъ закукурпгавъ.

— Ни, — каже пивень, — не можу!

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

— Пивень не спива.

— Леты упъять, шобъ спивавъ, а то забезвынно душа пропада.

Винъ поленувъ упъять на землю и каже:

— Спивай, пивню: Богъ веливъ!

— Не хочу! хьба Богъ нехай уменшыть ночи, а дня прыбаве, — тоди заспиваю.

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

— Казавъ пивень: якъ дня прыбавышь, а ночи уменшышь, — заспиваю.

— Леты впяты и кажы: нехай спива и нехай по його буде.

Прылетивъ янголь до пивня й каже:

— Спивай, нехай буде по твоему!

Винъ закурикавъ. Видьмы уже зовсимъ спалылы того стовпчыка и хотилы Свырыдона рвать, ажъ ось закурикавъ пивень, воны й порозбигалысь.

Вытерпивъ муку Свырыдонъ, выйшовъ винъ на билый свить и заразы умеръ.

(Записано въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.).

См. указаніе подобныхъ разказовъ при № 92.

94. ЯНГОЛЬ.

Провынывся святыи янголь передъ Богомъ. Богъ його и пославъ на землю на тры роки одбувать свои грихы.

Жывъ тоди бидненькый чоловикъ изъ жинкою; и диткы булы у йныхъ, та повмиралы—осталыся самы. Иде ото чоловикъ у поле сѣять, чы орать; дывыцца,—иде по дорози обидране хлопья. Чоловикъ надйихавъ до його та й каже:

— Здоровъ, хлопче! А куды ты идешъ?

— Иду свить за очи!—одмовыло хлопья.

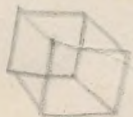
— Спдай-же, я тебе пидвезу!

Хлопецъ и сивъ. Ото чоловикъ и ставъ зъ нымъ розмовлять, якъ булы у його диткы та якъ ихъ одибравъ Богъ, та и каже ото хлопьяти:

— А чы не ставъ-бы ты, хлопче, у насъ за дытыну?

— Немае у мене ни батька, ни ненькы: хай вы будете мени батькомъ,—одмовыло хлопья,—тылькы все, тату, робить такъ, якъ я казатому.

— Робытому!—сказавъ подумавшы чоловикъ.

Ото выйхалы на поле. Хлопья взяло та й проорало навхресть,—отъ и стало рилли—скильки око згляне. Узяло тоди хлопья жменю жыта та й посіяло навхресть,—отъ усе поле й засіялось жытомъ.

Позбиралы ото воны жыто, и багачый уже ставъ чоловикъ. Оттакъ и другый рикъ, и третій, - зовсимъ багатый ставъ чоловикъ. И литомъ, и зимою хлопья спало на двори; воно не спало, а кожду ничъ литало на небо одмлюваты грихы (бо то бувъ янголь).

Идутъ ото разъ батько съ сыномъ; бачуть,—несутъ мерци убогого. Батько й каже:

— Не дай Богъ буты биднымъ: у ями йому погано лежать!

— Е, ни!—каже сывъ,—бидному дай Богъ быть усякому!

Идутъ дали и бачуть,—несутъ мерця багатого: труна такъ золотомъ и сля.

— Багатому дай, Боже, быть усякому: йому гарно у ями лежаты,—каже батько.

— Багатому дай, Боже, никому не буты!—каже сынъ.

Поховалы тыхъ мерцивъ; сынъ и каже:

— А ходитъ, тату, до могыль,—я вамъ щось покажу!

Прыходятъ до могыль, сынъ-янголь и каже:

— А вставай, чоловиче!

Розвернулась могыла; вылизъ видтиля панъ; сынъ и каже:

— А лизьте, тату, въ яму!

Полизъ батько,—колы тамъ усяка гадына: гадюкы, ящиркы, павукы; щыпають, кусають—мука! Чоловикъ полежаваъ трохы та й ставъ крычать, сынъ и каже:

— Вылазьте, тату, а ты, чоловиче, лизь!

Вылизъ тато, а чоловикъ улизъ,—могыла й закрылась. Прыходятъ до бидного могылы.

— Вставай, чоловіче!—каже сынъ.

Вылизъ изъ могылы чоловікъ.

— Теперь лизьте, тату!

Батько полизъ у могылау,—колы тамъ садокъ, зелено, яблука, пташкы спивають—и вылазять не хочецця. Отъ и каже сынъ:

— Вылазьте уже, тату, а ты, чоловіче, лизь назадъ!

Вылизъ батько, а чоловікъ полизъ назадъ, могыла й закрылась.

— Якъ тамъ гарно!—каже батько: и вставать не хочецця.

Каже сынъ:

— Якъ будешъ ты, тату, чесно жыть, будешъ помагать бидному чоловікови,—и ты въ такіи ями лежатымешъ!

Тутъ выйшло тры рокы—хлопья-яголь одбувъ грихы, розвернувъ винъ свои брыла и полынувъ на небо.

(С. Нижняя Сыроватка, Сумскаго у. Харьк. губ.).

95. СВЯТЫЙ.

Иде якыйсь святой дорогою, колы дывыця, плыга чоловікъ черезъ колоду та все каже:

— Оце тобі, Господы, а це мени; оце тобі Господы, а це мени!

Святой пидійшовъ до його та й пытае:

— Що ты, чоловіче, робышь?

— Богу молюся,—одказавъ той.

— Не такъ, чоловіче добрый, Богу треба молытысь,—каже святой; та й почавъ чоловіка вчыты Очынашу. Прокказавъ тамъ разивъ скількы та й пишовъ на греблю, щобъ

ричку перейты, а чоловікъ молывсь, молывсь та й забувъ якесь слово; дывыщя, колы вже той святий насередь гребли.

Отъ винь не ставь обходыты та прямо по води до того святого:

— Такъ и такъ, забувъ...

Той святий баче, що чоловікъ по води йде, наче по земли, та й каже:

— Богъ съ тобою; молысь, якъ молывсь: Богъ баче твоей труда.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. отъ старухи).

Подобные рассказы см. въ книгѣ: «Малорусск. преданія», стр. 141-я,

№ 35. «Какъ молились святыя встарину».

96. ЧОМУ ЦЫГАНОВИ ВРЕХАТЫ ВИЛЬНО.

Якъ мучылы Жыды Хрыста, то пишылы до Цыганаковаля й кажуть:

— Скуй намъ п'ять великыхъ гвиздывъ—на ноги, на руки й на голову!

Отъ винь куде й дума: «Господы! якъ то воно тяжко буде чоловікови, якъ йому й голову проб'ють! Не зроблю гвиздка на голову!»

Изробывъ тилькы чотыри гвиздки.

Якъ расп'ялы Иеуса Хрыста, то и Цыганъ той прыйшовъ прыбываты. Прыбывъ руки й ноги, а голову ни. А ти Жыды прыходять:

— Прыбывъ?

— Прыбывъ!

— А голову жъ прыбывъ?

— И голову.

— Та ты брешешъ!

— Й-Бо,— каже,— прыбывъ!

— А ну ходимъ, подывымося!

Пишлы. А той Цыганъ молыть Бога:

— Господы! хочъ-бы муха на лобъ сила, щобъ подумалы, що гвиздокъ!

Колы прыходять, ажъ муха на лоби у Исуса Христа сыдыть.

— Де-жъ твѣй гвиздокъ?

— А онъ-же чорніе!

И съ того часу всемъ людемъ грихъ брехать, а Цыганамъ ни, бо винъ брехнею Исуса Христа оборонывъ.

(Отъ хлопца Кондрата Григорьева. С. Михайловка, Славяносербскаго у. Екатеринослав. губ.).

97. СОЛОМОНОВЫ ЛИТА.

Кажуть люде, що якъ Исусъ Хрыстось умеръ и пишовъ у пекло выводиты людей изъ пекла, то ти чорты знали, що Исусъ прыйде выводиты людей. Такъ воны робылы цепъ. Робылы и найстаршый казавъ, що «винъ сыльный такый, якъ и я,— такъ робить цепи крипки таки, щобъ я не перрвавъ». — Отъ, воны зробылы такый товстый, шо винъ смыкавъ та й не перрвавъ.

А тутъ саме Хрыстось увійшовъ людскою душею. Увійшовъ та й каже:

— Будь ты, сатано, закованный на тысячу литъ!

И тоди вывивъ усыхъ людей, а премудрого Соломона кынувъ у пекли и сказавъ йому:

— Ты, Соломоне, хытрый та мудрый: выйдешъ самъ хытрощамы та мудрощамы.

Ого Соломонъ выйшовъ хытроцями та мудроцями на землю и пишовъ. Прийшовъ до раю, колы тамъ на раю написано: «жыты людямъ тысячу лить». А Соломонъ подывывсь та й каже:

— Мало!

И прыпысавъ ще своихъ симсотъ годъ...

И ото вже мы Божи лита прожылы, а теперь уже Соломоновы годы жывемо и ось-ось и йимъ уже край.

(Записано отъ хлопця Якова Емченко изъ х. Троецкаго Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

IX
РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНІЯХЪ ЖИЗНИ СЕМЕЙНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ.
и общественной

98. НЕОХАЙНА ГОСПОДЫНЯ.

Одна жинка запустила дижу, шо вона й на дижу не похожа: окдо и въ середины вершка на тры позасыхало тисто, хлѣбъ не удаеця. Чоловикъ пѣи лас:

— Чого такыи недобрыи хлѣбъ? чомъ не такъ, якъ у людей?

Вона одказуе:

— Е, бисъ батькови твоему! У людей святятъ дижу на рикъ разивъ изъ десять, а у насъ изроду не святылась.

— Такъ треба поклыкаты та посвятыты!

Ну, и поклыкалы. Пинъ кадыть дижу и прыговорюе:

— Дижа! дижа! треба тоби вихтя та пожа, а хазяйци батожжа!»

Чоловникъ:

— Ты чуешь, жинко?

А вона:

— Еге, молысь, чоловиче, та бый покловы!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Подобный рассказъ см. у Манжуры, «Сказки», стр. 99-я: «Джжа зджылась».

99. ХАЗЯЙНОВЫТА ЖИНКА.

А то одна жинка задумала пальяныцымы торгуваты. «Купы»,—каже,—«чоловиче, куль мукы,—буду пекты пальяныци та на базари торгуваты». Чоловникъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утїла, вынесла на базарь,—никому й дурно не треба. Прыносе назадъ.—«Ни, чоловиче, на пальяныци нема ходу: люде бублыкивь та й бублыкивь! Иды, чоловиче, товчы въ ступи пальяныци, а я буду сїаты та бублыки пекты».

Напекла, понесла,—те жъ никому не треба. Прыносе назадъ.—«Ни, чоловиче, и на бублыки нема ходу: люде кваши та кваши! Иды товчы,—я наварю кваши».—Наварыла дижку, привязала йому за плечи.—«Ну, несы жъ на базарь, торгуй та гляды: у тебе родычивъ до чорта, то ще дурно пороздаешъ».—Взяла кочергу та на земли й напысала хрестъ: «Цилуй, бисивъ сыну, божысь, що никому дурно не дасы!»—Винъ дурный и нахылавсь цилуваты хрестъ, а кваша черезъ голову додолу й вылылась. Вона й давай крычаты: «отъ бисивъ сынъ! съ такимъ чоловикомъ и пожывы на свиты: якъ схотивъ, такъ мншоць мукы й перевивъ»!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Манжура, «Сказки», стр. 97-я. «Якъ жинка чоловика квашу заставляла несты».

100. ЧОЛОВИКЪ ТА ЖИНКА.

Была жинка мужыка; винъ и заховався пидъ пилъ та звидты:

— А чого ты, жинко, за мене йшла, що я такий страшный?

(Изъ бумагъ Т. А. Зыньковского).

101. ДОВРА ЖИНКА.

Ой чоловіче Марку, чомъ ты не пропавь ізранку,— дала бь тоби я сорочечку-дранку, а теперь ты умерь удень та багато людей,—та треба нову даваты!...

(С. Семеновка (Чунышына) Константиногр. у. Полтавской губ.).

102. ЯКЪ ЖИНКА ЧОЛОВИКА ГОДУВАЛА.

Жинка хотила обманути чоловіка: замисто порося та спекла йому цуценя. Отъ, поставыла на стиль, той подывывсь та й каже:

— Сказавь-бы кувн,—такъ ноги кривв; сказавь-бы будкудакъ,—такъ ноги не такъ: мабуть бисивъ цуцакъ!

(Отъ чоловіка въ 1883 г. въ с. Семеновкѣ (Чунышына) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ.).

103. РОБОЧА ЖИНКА (ДИВКА).

I.

Жинку мужыкъ лае: «та ты, стерво, ни спекты, ни зварыты!»

— Та й тилькы-жь!

- Та ты ни шыты, ни прясты.
- Та й тилькы-жъ!
- Та й ты й хаты не пидметешъ.
- Та й тилькы-жъ!
- Та ты й танцюваты не вмѣешъ.
- Е, ни! за скокы-въ-бокы побью, матери нашій чортъ, и щокы!

Тилькы танцюваты и вмила.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

II.

- Ты, дивко, не вмѣешъ прясты.
- Дарма!
- Ты не вмѣешъ и печи топыты.
- Та дарма!
- Ты не вмѣешъ и хаты выместы.
- Та дарма!
- Ты не вмѣешъ и шыты.
- Та дарма-жъ, кажу!
- Ты не вмѣешъ и танцюваты.
- А брешешъ, трысеця твоему батькови!

(С. Семеновка (Чунышына) Константиноградскаго у. Полтавской губ.;
записано въ 1883 г.).

104. ХЫТРА ВИДМОВА.

Одынъ панъ закълкавъ до себе якусь тамъ горнышну, чы що, почувать. Отъ пани й помитыла сее та що ранку й вьязне до пана:

— Съ кымъ ты почувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!—одказуе панъ, а не прызнаецця.

Отъ, пани узяла та й посыпала передъ пановою кимпатою пилску, чы то попилу. Подывылась уранци — знать следы: щось у черевыкахъ ишло. Вона до папа:

— Съ кымъ ты почувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!

— Хыба Богъ у черевыкахъ ходыть?

— Його святая воля: у чому хоче, у тому й ходыть! — одрубавъ панъ.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.).

105. ВДОВА.

Вдова Одарка Омельченкова, расхваливал свою вдовью участь, между прочимъ, выразилась такъ:

— Теперь мени добре:

Лягла не клята.

И встала не мъята...

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

106. ЛАДЪ У СИМЬИ.

Якыйсь чоловікъ ишовъ пизно увечери и впрохався винъ почуваты до другого чоловіка. Повечерявши вони й полягали вси спаты. А той чоловікъ тилько не спавъ, що прыйшовъ сюды кватирувать. Хотивъ винъ було заснуть у тій хати, що вечерялы, та побачивъ на столи багато гадыны, — побоявсь. Пйшовъ у другу хату, колы тамъ лежать чоловікъ и жинка, а промжъ йихъ лежать гадюка. Винъ и тутъ не схотивъ. Прыходыть у третю хату, — колы тамъ сплять чоловікъ и жинка и съ чоловіка на жинку плыгае жаба: то на чоловіка, то на жинку скака. Винъ и тамъ не схотивъ. Прыходе винъ у четверту хату, — ажъ тамъ бъецца дубынка одъ

стели та до долу, одъ стели та до долу. Винь и тамъ не схотивъ. Выходе на двирь, хотивъ спать у сини,—колы тамъ шось крычыть:

— Охъ тяжко-жь животу моему!

Винь пишовъ у клуню, колы й тамъ крычыть:

— Ой постій, визьмы й мене съ собою!

Такъ той чоловікъ цілу ничъ и не спавъ.

Прыходе винь уранци до того хазайина, а винь уже уставъ.

— Оттакъ,—каже той чоловікъ,—не спавъ усю ничъ у вашихъ хатахъ.

— Чого?—каже.

— Та того: хотивъ я почуваты у тій хати, що вы вечераете,—колы тамъ усякый гадъ лазе по столу,—а того винь лазе що твои невистки лнныви и съ стола не зметуть крыхоть,—ото йнахъ гадъ и збира. Ты кажи свойимъ невисткамъ, щобъ вони що дня змиталы стилъ. Зайшовъ я въ другу хату,—колы сплять твій старшый сынъ и невистга, а мижь нымы гадына лежать,—того-жь вона лежать, по вони не люблють одынъ одного и ненавидять одно одного. А ты йимъ кажи, щобъ вони любылы и поважалы одно одного. Зайшовъ я въ третю хату,—колы тамъ жабка скака то на чоловіка, то на жинку: вона радіе, що вони любляцца и поважають одно одного. Зайшовъ я въ четверту хату,—ажъ тамъ дубынка бьецца одъ стели та до долу. Ця дубынка показуе що твій той сынъ хоче велького багатства и черезъ те мота и дуре людей,—ты йому скажи, щобъ винь такъ не робывъ. Зайшовъ я до сина, хотивъ тамъ спать,—колы шось крычыть: «охъ тяжко жь животу моему!» Прыказуй свойимъ синамъ и самъ слухай, щобъ вы не бралы ничого чужого и не складалы сина багато людей въ одынъ стигъ,—бувае такъ, що й перейде клопотъ сина, або чого и

другого, — те крадене й крычыть: «охъ тяжко жъ жывоу моему!» Зайшовъ я въ вашу клуюю, — колы тамъ крычыть: «постій, возьми й мене съ собою!» Ото крычать ти колоскы, що вы йнхъ покынули въ поли. И приказую я вамъ, щобъ вы забиралы съ поля колоскы усяки, а то воно й крычыть, щобъ и його взяли съ собою.

Отъ, той чоловнкъ показавшы те, пшовъ додому.

(Сумскаго у. с. Нижняя Сыроватка, отъ П. Д. Шоломія въ 1885 г.).

107. ПОЧЕМУ ДѢТИ НЕ МОГУТЪ ХОДИТЬ ТОТ- ЧАСЪ ПОСЛѢ РОЖДЕНІЯ.

Богъ, въ образѣ старичка, явился къ Евѣ, когда у нея родился сынъ, и приказалъ ей перекинуть дитя черезъ ворота; но матери стало жалко своего дитяти, — и она послушалась повелѣнія Божьяго.

— Ну такъ *носись-же* съ нимъ, — сказалъ ей тогда старичокъ. И вотъ съ тѣхъ поръ дѣти до году не ходять.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

108. ЯКО НА НЕБИ И НА ЗЕМЛИ.

— А шо Бигъ давъ?

— Сына.

— А якъ звать?

— Михайло.

— Чому-жъ не Якивъ? Бо и въ молитвахъ про Якова: Якивъ на неби, Якивъ и на земли.

(Изъ бумагъ Т. А. Зивковскаго).

109. МАТЫ Й СЫНЬ.

У одного чоловіка було три сыны. Батько умеръ, а воны осталысь изъ матиррю. Годивъ черезъ два маты роздизыла сынивъ, а сама осталась жыть изъ меншымъ сыномъ. И ти сыны не почытають, що й маты: лають ййп, не дають ййй йнсты, а меншый, той, що вона живе у його, такъ не дае и спать на полу,—лежыть та маты пидъ лавкою и поче тамъ.

Дождалысь празныка велькодня, а маты й каже:

— Пиду до старшого сына розговіюся!

И пишла. Прыйшла, а воны тилькы стали розязувать паску. Побачывъ старшый сынъ, що йде маты та й каже:

— Заховай паску!

Жинка узяла й положила. Сыдили, сидили—не розвивляющця, що маты прыйшла. Тоди старшый сынъ узявъ и пишовъ у садокъ, дума самъ соби:

— Може маты скоришь пиде додому.

Прыйшовъ и сивъ у садку. Колы десь не взялась гадюка и обмоталась кругомъ шып, а голову встромыла у щоку. Винъ тоди у хату:

— Ой мамочко! согришывъ я проты васъ: помылуйте мене! Ййжте у мене, пийте у мене,—тилькы не лайте мене, простить!

И та гадюка така здорова стала, якъ рука. Тоди той чоловікъ узявъ, кынувъ симью й пишовъ у Святи Горы молыцца Богу. По Святыхъ Горахъ ходе й каже:

— Покайтеся, православни хрыстіяне, на мени, якъ матери не шануваты.

Такъ той чоловікъ ходывъ дванадцять годъ, тоди умеръ, а гадюка тоди одчепылась одъ його.

(Записано въ с. Исаковъ Славяносербскаго у. Екатеринославской губ.
отъ хлопця Евдокима Познякава въ 1888 г.).

110. ДИТЕЙ НЕ НАГОДУЕШЬ.

Кажуть, одынь чоловікъ побывсь обь закладъ съ паномъ, що впнъ своихъ собакъ нагодуе, а той своихъ дитей—ни. Отъ, мужыкъ заризавъ тамъ барана, чы двоухъ, и нагодувавъ йихъ добре. А панъ тежъ своихъ дитей. Мужыкъ прививъ своихъ собакъ до пана. Чого вже панъ йимъ не кыдавъ— не йидять. А мужыкъ увійшовъ до комнатъ та зразу якъ сыпне жменю горихивъ, такъ диты такъ и кывулысь за нымы.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

111. ДИТЯ И ЦАРЬ.

Однажды маленькій грудной ребенокъ ухватилъ царя за усь. За такую продерзость стали его судить. Вотъ царь и говоритъ собравшимся судьямъ:

— Положите здѣсь кусокъ золота, а тамъ поставьте зазжешную свѣчу; если ребенокъ схватится за золото,—значить онъ понимаетъ, что дѣлаетъ,—и тогда мы будемъ его казнить. Если же дитя потянется къ огню, то за что же его тогда наказывать?

Такъ и сдѣлали,—и ребенокъ, не обращая никакого вниманія на блестящее золото, потянулся къ свѣчѣ и схватилъ рученками огонь.

(Записаль П. Н. Солопина отъ няньки, бабы Олены, въ Черниговской губ.).

112. ПРЯДИННЯ.

У однійи жинкы та була дочка, та така ледача, що ничего не хоче робить. Отъ, та жинка й давай йийи быть. Иде царь та й каже:

— За шо-жь ты такъ бѣнешъ свою дытуну?

А жинка й каже:

— Та якъ же мазепська дивчына, — така роботяца, що не настачышь йій конопель.

Тоди царь каже:

— Ну, не бый ййи: я возьму за своего сына. Тилыкы, якъ выпряде тры вамбари за тры дни.

Тоди та жинка не хоче отдавать, бо куды ййи спрясты за тры дни тры вамбари! Тоди прыйшлы до нейи тры бабы: у однейи губа ажъ на груди повысла, а у другойи нога якъ полозокъ, а у третьейи рука якъ рукавыця.

Отъ, перва й каже.

— Я буду слыныть пряжу.

А друга, що рука такъ якъ рукавыця, каже:

— А я буду рвать изъ гребня.

А та, що нога якъ полозокъ, каже:

— Я буду крутыть прядку.

И зачалы прясты и спрялы за тры дни тры вамбарн. Тоди царь зачавъ весилля гулять. Отъ, воны, ти тры бабы, прыйшлы й посадалы за столомъ. Отъ царь и пыта:

— Що це у тебе за рука?

— Та це, що все пряжу смычу.

— А у тебе що це за губа?

— Та це, що пряжу слыню.

До третьойи пидходе та й пыта:

— Що це у тебе за нога?

— Та це, що все крутю прядку.

Тоди царь подумавъ та й каже своейи невистци, щобъ вона не прjala и не крутыла ногою ничего и не слыныла ничего.

(Записано въ 1888 г. въ с. Михайловкѣ (Оврамова) Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ. отъ хлопца Кондрата Григорьева.)

113. ЛИНЫВЫЙ РОБОТНЫКЪ.

Жывъ у одного чоловика роботныкъ и такый линывый. що нема мабутъ и на свити линывышаго одъ того роботныка. Ото разъ, саме литомъ це було, васлалы той чоловикъ и роботныкъ гарманъ, тропкы погарманылысь, а то оставылы на завтра, бо сьогоня не успіють. Прыйшовъ вечеръ, посидалы вони вечерять, та й забулы на току ложки. Отъ, хазяйинъ посыла того роботныка, щобъ пишовъ прынесъ ложки съ току. Якъ пишовъ же той роботныкъ на той тикъ, — ждалы вони, ждалы, — нема його съ току. Коны пишовъ той хазяйинъ, а роботныкъ спыть на тому току, ажъ трищыть. Хазяйинъ тоди збудывъ його, узялы ложки й пишы додому вечерять. Повечерялы и полягалы вони спать. Отъ уже стало на свитъ Божый благословыця; хазяйинъ и буде роботныка свого, щобъ устававъ.

Той роботныкъ крєктавъ-крєктавъ, не хотилось йому уставать, сякъ такъ уставъ. Якъ почавъ же винъ убуваця!... И хазяйинови не хочеця уставать. Отъ, той хазяйинъ лежавъ, лежавъ, тоди уставъ и пишовъ на двиръ подывыця, чы ранокъ скоро буде. Та тоди увійшовъ и каже роботныкови:

— Ей, скорышь, хлопче, убувайся, а то уже чогось недурно мисяць обгородывся, — мабутъ щось буде.

А роботныкъ сыдыть, задравъ ногу вгору та стогне, убуваеця й каже:

— Еге-ге, дядьку! коны обгородывеь, такъ намъ його не розгрожувать уже.

Та упъять роззувся, наче погано убувся, та упъять почавъ убуваця. Хазяйинъ упъять выйшовъ та увійшовъ и каже.

— Ну, скорышь, хлопче, убувайся, а то мабутъ уже дощъ доси йде.

А роботыкъ прыбигъ до викна й клыче собаку:

— На, Кудла! на Кудла! на! на!

Та Кудла прыбигла, винъ полапавъ ййи за шереть та й каже.

— Ни, дядьку, Кудла суха.

И такъ воны сыдлы у хати, погы дощъ пишовъ, залывъ йихъ гарманъ, а воны все убуваюця. Воны тоди до його, ажъ його уже половины у яру була.

(Отъ Евдокима Познякава, хлопця, въ с. Исаковой Славяносербск. у.)

114. ВИДНЫЙ ПРОСЕ БАГАТСТВА.

Одынъ чоловикъ лежить уночи та й каже:

— Яки ци багачи скупи! Якъ бы мени багатство, я-бъ усимъ дававъ.

Тилькы це проказавъ,—шоь йому подае у викно гаманъ и каже:

— На оцей тоби гаманъ, у йому одынъ золотый. И ты його возьми,—глянешъ—ище буде. И такъ скильки хочешъ. А якъ натягаешъ, тоди однесы його и укынь у ричку.

Винъ узавъ, тягавъ и тягавъ йихъ (гроши) тры дни, здорову купу натягавъ. А жалко несты у ричку, та ничого робить,— понисъ. Несе та все тяга та ховае. Дойшовъ до ричкы, поглядивъ,—е золотый. Винъ його вынявъ, поглядивъ,—ище е. И жалко йому кыдать, и винъ усе йихъ тягавъ и дотягався, шо коло йихъ и вмеръ, а гамана не вкынувъ у воду.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця Якова Емченка въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

116. ЛЮДСКА ПРАВДА.

Жывь соби на сели убогий чоловік и бувь винь розумный дуже, та тилькы що винь розумие ни казавь, ни хто його не слухавь: вси казалы, що бреше. И давь Богъ тому чоловікови такъ, що винь ставь багатиты, зробывся дуже багатый и наставылы його головою. Зибравь разь голова громаду; довго тамь вони гомонилы про се та про те, а дади голова й каже: «А мени, добри люде, таке случылось: положывь у комори лемишь, такъ мыши його й пройлы!.... —Бувае, бувае,—каже громада. А голова тоди й каже: «От-така то на свити правда: якъ бувь я бидный, то хоть казавь и правду, вы казалы, що брешу, а якъ теперь я багатый, то хоть и брешу, вы кажете, що кажу правду».

(Сумского у. Харьк. губ. с. Нижняя Сыроватка).

117. ДВОЕ ОЧЕЙ.

- *А што, мужичекъ,* гроши я тобі вси оддавь?
— Та не знаю, пане,— ось заразъ полчу.
— Ну-ну!
— Та не вси, пане!
— А ну, давай сюды,— я ще перецытаю!
Надивь очки й почавь личыты.
— Е, правда твоя!—каже.—На-жъ тобі ти, що не додавь.
— Ну, спасыби, паночку, цымь очамъ, а ти хочь бы й повывлазылы!

(С. Великая Даниловка Харьк. у., дидь Иванъ Ковалевъ).

Помисъ, Укр. приказки, № 890 (стр. 283).

118. ГОРЕ.

- Горе, горе! де ты живешъ?
— У коршми та въ бани.
— Шо-жъ ты йнсы?
— Кырпычъ та кампъ.
— Кого-жъ ты берешъ?
— Слипыхъ та пъяныхъ.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

119. РОЗВІЙНЫКЪ СТАРЦЕМЪ.

Одынъ разъ захворивъ якыйсь панъ и сказавъ своему кучерови, шобъ винъ його одвизъ лычыця на тепли воды. Кучерь узавъ, запригъ коня, набравъ хлѣба на дорогу, посадивъ пана на повозку и пойхалы соби помаленьку. Йдутъ вони й йдутъ, прыйхалы на тепли воды, ссадивъ кучерь пана и пойхавъ назадъ. И якось не потрапывъ на ту дорогу, шо йхавъ упередъ, а зайхавъ у лѣсъ, та такый густый, шо й не проглянешя. Йде винъ и йде дорогою,— колы сыдыть старецъ кривый и просе мылостыны.— «Ничого-жъ» — каже — «мени тоби дать: е гроши, та не миняни и панськи» — «Ну, пидвезы» — каже старецъ — «грошки!» — «Сидай!» — каже кучерь.

Винъ сивъ, и тилькы кучерь одвернувся шукать хлѣба попойнысты, а винъ його якъ ухватить за горло и хотивъ ризать. Той тоди съ страху його пырхонувъ, а торбына и зосталась, та така драна — латка на латци. Той старецъ тоди якъ уженеця за нымъ та такъ и хвата за повозку, — хоче його такы заризать. А кучерь погнавъ дужче коней, — винъ и зостався. И зачавъ просить торбынку въ кучеря. — «Ни» —

каже—«не дам!»—И поймавъ соби,—насылу выблудывсь такы зъ лису.

Отъ, прыйижаа винь додому и скинувъ ту торбынку на хливъ.—«На що»—каже—«я взявъ ййи? було бь оддать!»—Лежить та торбынка на хлив и гные. Хто пиде у хливъ, той найде червинця и хвалыця: «у хливи я найшовъ червинця,—мабуть тамъ е скарбь.»—А кучерь соби й каже: «э, се не те, шо мете, а шо зверху йде! А пиду я зниму торбынку,—може червинци и тамъ е.»—Колы якъ знаяв, якъ поглядивъ,—колы вона повна: усе червинци та червинци та все сами! Отъ, винь ти червинци забравъ и поховавъ у скрыню: «се»—каже—«не то мени, не то дитимъ, а онукамъ и правнукамъ хвате на прожытобъ».

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записано въ 1885 г.).

120. ВИРНЫЙ ИВАНЪ.

Його вирнымъ звали за те, що винь бувъ на все вирный: хочъ яку шкodu було здла, такъ признаецця. Жывъ винь у одного багатаго помищыка, пасъ винь тамъ гуртъ быкввъ. На його палъ вирывъ справно, якъ на ридного батька. И винь своимъ словомъ вирный бувъ, хочъ можно було за його спорыть.

Отъ його хазяиниъ та одного разу бувъ на балу. Тамъ багато було помищыкввъ. Отъ винь зъ однимъ паномъ резбалакався, шо въ його есть такый пастухъ, шо у всьому винь вирный, ничого не затайнтъ.

А той помищыкъ ставъ спорыть, шо винь пры очахъ тилько вирный, а якъ за очи, такъ може саме первый мошенныкъ. А цей ставъ спорыть, шо винь у мене вирниый ридного батька. А той помищыкъ взявся у правду спорыть:

— Ушь я увѣряю, что онъ у тебя схвалышуетъ; вотъ я выкладаю въ залогъ тысячу рублей; выкладай и ты тысячу, тогда если онъ схвалышуетъ, такъ я забираю залогъ, а какъ будетъ вѣрный, такъ ты забирешъ.

Той согласылся, надіеця, шо його Иванъ останецця вѣрный.

Отъ воны побувши на базу, поспорылы и выложиылы по тысячи залогу, съ тымъ и розійхалысь. Отъ той помщыкъ, шо спорывъ изъ Ивановымъ хазайшномъ, шо «твій Иванъ змошенныча», ставъ думать, якъ Ивана пидманыть, шобъ збрехавъ своему хазайшнови. Отъ винъ пидкупывъ таку бабу, шобъ його скусыла.

Отъ вона, та баба, нарядыласъ уроди странвыци и пишла до його. А Иванъ Вѣрный бувъ саме главнымъ пастухомъ, а коло себе державъ челядыкывъ. И винъ саме у се время, якъ прыйшла до його баба, лежавъ у курини.

Отъ прыходе та баба и стала його роспытувать:

— Якъ вы тутъ харчытеся? Кто вамъ пере сорочки?

— Нихто намъ не помага, мы сами соби стараемось.

А вона тоди каже йому:

— Прыймать мене до себе, я вамъ буду варыть и сорочки прать.

Иванъ и каже:

— А чо' жь, поступиай: намъ панськыхъ харчывъ не жалко.

Отъ вона осталась у ихъ жить, по жыла тамъ чы день, чы два и стала казать Иванови:

— Шо якъ-бы, Иване, ты отого быка заризавъ, шо зъ золотымы рогамы?

А воно, бачь, у тому стади та саме бильшый бувъ быкъ, и на йому надити золоти рогы, винъ бувъ передовымъ. Отъ Иванъ и одвича тій баби:

— Заризать, то не выныть, та у насъ нема такого вола убизышки: панъ узна и буде насъ лаять.

А та баба и каже:

— Ни, Иване, ты такъ, шобъ и панъ не звавъ, заризаь!

А Иванъ и каже баби:

— То не нужно, шо панъ узна, тамъ не скико убытку, якъ рубливъ шизесять, а то горе, шо нема такого быка, шобъ прыйшысь рогы.

Ну, такъ послухавъ Иванъ бабы, заризавъ быка, рогы звавъ, бросывъ у курини. Та баба дождала почи, спъятазла ти рогы и дала лыпытухы до пана. Панъ тоди, якъ углядивъ, такъ и затрусывся: отъ теиерь моя правда буде, шо Иванъ змошенича, шо быка заризавъ, и ще й къ тому золоти рогы у його вкрала баба. Такъ теиерь уже вишь дума, шо Иванъ не признаеця. Отъ панъ той тоди уже назначывъ и число, шобъ збиралысь усе ти паны, якн булы на балу.

Отъ Иванъ прокывувся, оглядився, ажъ нема ни бабы, ни золотыхъ ригъ. Вишь ставъ тоди думать, якъ одбрехаця одъ пана. Отъ вишь тоди устроывъ палку, а на палку повлывъ шапку та тоди одъ куриня идийшовъ до тий шапки и каже самъ за себе и за пана:

— Здоровъ, пане!

— Здоровъ, Иване!

— О чомъ, Иване, прыйшовъ?

— Ёъ вашій мылосты, пане!

— О чомъ?

— Та отъ о чомъ: быкъ здохъ зъ золотымы рогами.

— А золоти рогы де?

— Не зваю, пане!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Значить, не приходящця Иванова брехня — виновать останецця. Съ тымъ виць пишовъ одъ тійи палкы до куриня та й думае самъ соби:

— Дай я попробую такъ, шо бутто вожа вовкы извылы. Отъ виць одъ куриня упъять пишовъ до тійи палкы. Пидійшовъ и каже упъять:

— Здоровъ, пане!

— Здрастуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ?

— Та отъ о чомъ, пане: золоторого быка вовкы звылы.

— А рогы де?

— Вовкы затаскалы!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Упъять не прыйдеця Иванова брехня, хочъ и скаже, шо вовкы извылы. Та соби и дума самъ соби: а ну, якъ воно выйде, якъ признаюсь?

Узявъ упъять пишовъ Иванъ до палкы, пидійшовъ и балака самъ съ собою:

— Здоровъ, пане!

— Здрайстуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ же ты, Иване?

— Та отъ о чомъ, пане. Прыйшла до мене баба-яга, костяна нога, пидманыла мене, шо я буду вамъ сорочки прать и йеты варыть, та тилько, каже, шоь йій заризавъ того вожа, шо зъ золотымы рогамы. Я заризавъ, рогы положывъ у куринь. Вона рогы ти взяла и до пана подалась.

— Правда твоя, Иване! Прощаю тобі.

— Ну теперь прыйдеця у тахту, — дума Иванъ самъ

собѣ, хочъ и панъ спыта його. И такъ винъ расположивъ, хочъ и пытатыме його панъ, такъ буду казать правду.

Отъ, прыйшло те число, шо назначывъ панъ. Позбиралысь уся ти паны, шо были на балу тоди, якъ панъ спорывъ. Звуть туды й Ивана. Винъ було оторошивъ, самъ собѣ дума: шо ще мени буде за того быка? А тамъ уже уся паны такъ и расположылы, шо пропала Иванового пана, чы пакъ хазайина, тысяча потому, шо быка нема, ище къ тому у йихъ на рукахъ и золоти рогы.

Отъ прѣдставылы Ивана на той балъ. Увійшовъ винъ у комнату, поздрастывався и пытающа своего хазайина:

— О чомъ вы мене прызвали, пане?

— Та отъ о чомъ: де ты того быка дивъ?

— Та отъ де, пане: прыйшла до мене баба-яга, костяна нога, та й каже мени: «прыймишь мене до себе, я вамъ буду йнсты варыть и сорочки прать». Я прыйнявъ. Она мени прысовитувала быка заризать. Я заризавъ, рогы положывъ у курини, а баба-яга, костяна нога, подхватывла ти рогы и понесла до пана.

Тутъ уся такъ и зареготалысь. А хазайинъ тоди й каже:

— А что, господа, я казалъ, что мой Иванъ вѣрный, такъ вѣрный.

А на Ивана сказавъ:

— Ну, а ты, Иване, иди по прежнему паси быковъ, я тебѣ прощаю.

И такъ той панъ вызволивъ своимъ Иваномъ, узавъ тысячу залогу и золоти рогы вернувъ. А Иванъ остався пасты волывъ йому; и за те панъ простывъ, шо вола заризавъ, а бачъ такы остався навсигда Вирнымъ.

(Отъ селянина-хлибороба Артымна Обраловича Сидуна, старше 50 лѣтъ, въ сл. Тышанкѣ Воронежской губернии записалъ Павло Тарасевскій въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Дикаревъ).

Рудченко. Сказки. I. № 81. Вирный крепакъ.

121. ТРЫ БРАТЫ.

Жылы собі тры браты,—таки багати вони були! и не вмилы вони по панському балакати; а якъ-то бажалось умити! Отъ и пишылы вони до панського будынку—слухати, якъ паны балакають. Самый менчий братъ підбигъ підъ вкно та й почувъ одно слово: *мы*; середній підбигъ,—почувъ багато: *ни за се, ни за то*; старшый підбигъ, почувъ: *такъ тому й быти*. Отъ и пишылы вони. Идуть,—ажъ мертвый чоловікъ лежить. Коли тутъ становый йде.—«Це вы вбылы чоловіка?» пыта винь. А браты й радятця міжъ себе: «Якъ-же його, по панському балакати?»—Та по панському-жъ.—«Ну й по панському.» Отъ менчий братъ каже: «Мы!»—За що-жъ вы його вбылы?—Середній братъ каже: «ни за се, ни за то!»—«На Сибирь-же васъ!» А старшый братъ: «Такъ тому й быти!» И попровадылы тыхъ бративъ на Сибирь.

(С Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда Харьковской губ.)

Маижура, «Сказки», стр. 118: «Якъ руськи по нашому балакати вчылись».

122. ПРОПАЛА КОВЫЛА!

Пишовъ одинъ чоловікъ давати объявку у воласть, що въ його вкрадено кобылу. Писарь довго не хотивъ писати объявленія, у сылу його той чоловікъ упросивъ. Отъ писарь пише, а чоловікъ стойти та дывиця. Писарь писавъ, писавъ, а на пры кници підписався та й росчеркнувся. Чоловікъ вернувшись додому и росказуе жинци:

— Довго не хотивъ писати, а потимъ сивъ, писавъ-писавъ, да—писъ! пропала, жинко, кобыла!

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

123. ДЕ ДАЛИ — ПОГАНИШЕ.

Казавъ покойный батько: «мени погано жыть, а вамъ, диткы, ще труднѣйшъ буде, а вашымъ дитямъ ще хужше. Прийдуть таки часы, що буде зелено, да не буде весело.» Дакъ оце вже може й прыйшло тее время, що, мовлявъ, буде зелено, да не буде весело.

(Разказъ переданъ по поводу мочливого лѣта 1887 г., когда мало утѣшительнаго можно было ожидать пахарю: влѣдствіе частыхъ дождей и холода надежда на урожай была плоха, хотя все зеленѣло).

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

124. ЖИНЧЫНЕ ОПОВИДАННЯ ПРО ТЕ, ЩО ВУЛО.

Росказувала Смольниська жинка (Смольня — село Остерського повіту): Колысь лисы якы булы,—Господы! Ще на моюой намети скуолькы йпхъ було! И де воно подивалось, наче й не було. А потимъ попрыизджалы якисъ да стали могылкы росконувать, шукалы якогось золотого коня. А могылкы тые понасыпавъ якыйсь князь, якъ воювавсь.

— Дакъ що-жъ, найшлы золотого коня?

— Понаходылы кости да якесь чериптя, а коня не знайшлы. А послаи сього, якъ ставъ у насъ скоть падать, дакъ нехай Богъ мылуе, якъ здорово падавъ. Отъ одному дидови и прыснылось, що наче прыходуть до його якыйсь дидъ и каже: «бачте, диткы, я вамъ казавъ, не чипайте нерезового гнизда. (Нерезъ—ремезъ, птыця). Дакъ послаи сього стали съ процесіямы ходыть, такъ скуолько можна и по полю. Дакъ Богъ мылосердный змылувавсь и упухло.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.).

125. ПРЫКАЦЫКЪ ТА ГАДЮКА.

Жывъ соби панъ Демьяненко; за людьмы винъ хочъ и не доглядавъ, а бывъ здорово. Отъ воны й наважылысь йому чымъ небудь одячыты. Ставъ у Демьяненка родыця негарный хлебъ: оце пойнде винъ на поле, то у людей гарный хлебъ, а въ його ни; и на другой рыкъ такъ, и на третій. А то якъ пойндуть люде ораты та сїяты на панскій земли, то наберуть мишквивъ п'яць кантохы, посиють хлебъ, тоди печуть кантоху та й жывуть тамъ; а якъ жыто зйде— вона тоди його переволочуть та й пойндуть додому. А жыто одъ цього буде вже не таке.

На третій годъ панъ найнявъ прыкацыка, щобъ винъ доглядавъ за людьмы. Прыкацыкъ и дзававъ про все. Якъ почалы тоди быты людей пугамы: трычи обывалы шкуру и трычи нарастала.

Ото пославъ разъ Демьяненко прыкацыка у городъ, щобъ купывъ панови якоишь матеріи на одижь. Отъ, пойняхавъ прыкацыкъ та й ставъ перейпздыть лисъ. Йнде, йнде... Колы це хтось крычыть:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкацыкъ подывывсь кругомъ—нема никого; винъ и пойняхавъ дали. Колы крычыть уп'ять:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкацыкъ вернувся та й йнде. Колы це плыгъ на його зъ дерева гадюка та й обывалась коло шыи. И не кусае гадюка, и не одирвешъ ййи. Прыкацыкъ прыйняхавъ до пана та й каже:

— Теперь уже якъ хочте, а я не пойнду у городъ.

А самъ сивъ на коня та й пойняхавъ у чысте поле. Йнде та й йнде, колы дывыця — стойить такый велыкый бу-

дынокъ. Прыкащыкъ увійшовъ у той будынокъ; колы це гадюка павыгъ додолу та й каже:

— Це мій будынокъ. Служы у мене: якъ вирно службытымешъ—простю те, що бавъ людей, а не службытымешъ вирно,—голову съ плечей!

Отъ, прыкащыкъ прослужывъ у гадюкы годъ, та такъ уже вирно! Гадюка казала йому, щобъ найнявся и на другый годъ. Прыкащыкъ ставъ одмагатыся, а гадюка каже:

— Якъ послужышь—наградю, а не послужышь—голову съ плечей зному.

Прыкащыкъ прослужывъ и другый годъ. На третій годъ прыкащыкъ и самъ ставъ, бо у гадюкы гарно було жыты: було у вищо одягтыся; було багато усякихъ напыткывъ и найидкывъ.

Якъ выслужывъ прыкащыкъ третій годъ, гадюба стала дивчыною та й каже:

— За те, що ты мени вирно служывъ, я даю тобі коня, шабельку, торбу та сорочку.

(Бо гадюка ця була дивчына, а тилькы зробылась гадюкою).

Отъ, сивъ прыкащыкъ на коня, взявъ торбу, шабельку та сорочку й поихавъ. Йиде та йиде; та такъ схотилося йому йисты. Вяиць и дума: «що-жъ я за козакъ: служывъ, служывъ тры годы та не заробывъ и на горилку?»

Та й вернувся назадъ до дивчыны.

— Такъ и такъ,—каже,—служывъ тры годы, та ни за що й горилкы выпыть.

А дивчына каже:

— Я дала тобі все, та не сказала, що зъ нимъ робыть. Ота торба така, що якъ скажешъ: торбо, давай грошей!—то такъ и насыне купу; шабелька-самобийка така, що сбилкы вийська не буде,—все сама побъе; ота сорочка така,

що черезъ три дни перепираецця и сама на тебе надиваецця. Будь-же ты меня братомъ, а я тоби сестрою.

Прыкащыкъ и пойнявъ у чысте поле. Прыйнявъ до одного пана та й оженився зъ його дочкою.

Отъ и живутъ. Колы це другый панъ пыше йому лыеть: «у твого зятя грошей багато, а вѣська нема. Хай хочъ землю оддае, хочъ высыла вѣсько».

Панъ засумувавъ. Зять и каже йому:

— Чого вы сумуете? я все зробию!

Отъ винъ узявъ шабельку-самобійку та одного чоловика и пойнявъ воювать. Выйнявъ у поле та й ставъ варыть галушкы. Колы це прыйнявъ до його передній козакъ та й пытае:

— Що це въ тебе стільки вѣська?

— Стильки!

— Це мало й поспидать!

— Брешешъ, и за обидь не пойнесы!

Козакъ и пойнявъ.

Уставъ на другый день прыкащыкъ, колы дывиця: йде вѣська десять тысячъ. Винъ якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Шабелька якъ почала рубать: руба та й руба,—усе вѣсько вырубала. Отъ, тоди прыкащыкъ и вернувъ до дому. А панъ зибравъ упяты вѣсько та й пыше лыеть: «у твого зятя грошей багато, а вѣська мало: хай або землю оддае, або йде воювать.»

Панъ засумувавъ упяты.

— Чого вы сумуете? усє гараздъ буде,—сказавъ зять.

Узявъ двоухъ чоловикивъ и пойнявъ у чысте поле. Сталы воны та й варють галушкы. Колы це йде козакъ та й пытае:

— Оце у тебе стільки вѣска?

— Стильки!

— Сього нічого й посядять.

— И за обидь не поїпси,—каже прыкащыкъ.

Козакъ и пойхавъ.

Якъ уставъ на другый день прыкащыкъ, глянувъ—колы стайить вйська двадцать тысячъ. Винъ якъ крикне:

— Шабелько-самобійке, берысь!

Шабелька якъ полетѣла: руба та й руба, поны порубала всѣхъ. Прыкащыкъ и вернувся додому. Отъ, панъ думавъ, думавъ: якъ-бы повоювать прыкащыка? Отъ и каже слугамъ:

— Пидить вы до прыкащыковойи жинкы та роспытайте ййи, чымъ воює ййи чоловикъ.

(А та жинка та зналася съ паномъ).

Отъ, слугы прыйшлы та й сказали. Жинка потимъ и пытає у прыкащыка:

— Скажы-бо мени, чымъ ты воюєшь?

— Не можна,—каже прыкащыкъ.

— Такъ ты мабутъ мене й не любишь, що нічого не кажешъ?

Винъ и сказавъ. Отъ тоди уночи жинка вкрала шабельку-самобійку, а наипецъ ййи положила другу, та й оддала ййи панови. Отъ и пыше упъять панъ: «у твого зятя грошей багато, а вйська нема: хай або землю оддає, або йде воюваты». Панъ зажурывся упъять.

— Чого вы сумуете?—пыта прыкащыкъ.

— Якъ-же мени не сумувать, колы иде на насъ вйною панъ, а въ насъ и вйська нема!

— Не журиця: все такъ буде!—сказавъ зять, узывъ шабельку та трюхъ чоловикивъ и пойхавъ у чысте поле. Выйхалы воны у поле та й стали варыть галушкы. Колы прыйиздыть козакъ та й пытає:

— Оце у тебе стилькы вйська?

— Стилякы.

— Сього не стане й посидать.

— И за обидь не пойисы.

— Ни, пойимъ!

— Ни,—каже,—не пойисы!

Козакъ и пойихавъ. Уставъ на другый день прыкащыкъ, дывыця—стойить вѣська, скилько око гяне. Вяць якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Не береця.

— Шабелько—самобійко, берысь!

Не береця:—А тутъ надбигло вѣсько, рубонулы шаблю прыкащыка, одрубалы голову, тилькы й zostалась на тоненькй жыли. Кпнь злякався та й поннесь прыкащыка ажъ до сестры. Сестра побачыла та й каже:

— Братнику, братнику! що-жъ се ты наробывъ!

Та заразъ поблыкала успхъ гадъ и послала йихъ по цилющу та по живущу воду. Якъ гады прынесли цилющойи та живущойи воды, сестра побрызкала брата цилющю водою,—и голова прыросла до шыйи; побрызкала живущою водою,—и братъ ожывъ.

— Та й довго-жъ я спавъ!

— Ты-бъ заснувъ навикы, якъ-бы кинь не прыиннесь до мене,—сказала сестра и потимъ роспытала, що зъ нымъ було. Братъ розказавъ усе. И сестра дала йому такого зилля, що якъ выпьешь, то зробышся чымъ хочешъ: хочъ птыцею, хочъ звромъ, хочъ рыбою. Братъ узявъ те зилля й нишовъ до пана, до своего ворога. Дывыця, колы панъ ходе коло ричкы, а у його збоку шабелька-самобійка, бо вниъ йийи беригъ и носывъ йийи скрызъ съ собою. Прыкащыкъ зробывся селезнемъ та й плава по води. Панъ дывыця, що такый гарный селезень, та ще й молодой, не вмє, литать,—скынувъ

одыжъ та за нимъ. Селезныкъ одилывъ трохи дази; пачъ унѣять за нимъ; селезныкъ дази. Отъ селезныкъ, якъ заманывъ уже пана на середь ричкы, нырхъ на беригъ, узявъ шабельку за ремничыкъ у ротъ та й поинсе до сестры. Тоди сивъ на коня та й прыйихавъ до того пана, де живъ, одвоювавъ назадъ землю, та й живутъ: есть у нихъ три комори худобы: въ одній макъ, въ другій такъ, а въ третій чорт-ма ппчого.

(Сл. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумск. уѣзда, отъ парубка).

126. НЕПРАВЕДНЕ ДИЛО.

Одѣнъ чоловикъ годувавъ для себе кабана и выгодувавъ його, шо вже ставъ гладкый. Прыйшовъ празныкъ Ряздво. Винъ уже намирився заколотъ своего кабана, а тутъ де невзялася скажена собака и порвала його (кабана) — наказавъ мабутъ його Богъ, шо винъ дуже обманювавъ людей. Отъ той кабанъ ставъ уже казыция, а винъ тоди дывыця, шо беда — и ловкый кабанъ, а пропаде, паробе йому дуже багато убытку. Винъ узявъ його та й повизъ на базарь, шобъ кому небудь продать, дарма, шо грихъ, та жаль штуку, а инде взять, биденькый бувъ.

Отъ винъ навалывъ його на саны и повизъ. Ставъ винъ на площади и жде покупщыка. Отъ прыходе до його мужычокъ бидный-пребидный; и винъ усе бродывъ по базарю, шобъ купыть хочъ съ пивпуда къ празныку. Отъ вивъ видходе и лыта його, якъ неначе нарощне:

- Ну шо, чоловиче, кабана продаешъ?
- Кабана.
- Шо-жъ ты за його думаешъ просыть?
- Десять рубливъ!

А винъ такий, шо стойть рубливъ п'ятнадцять. А цей тоди дывиця, шо кабанъ велькый, а просе дешево проты людей, та самъ соби на думци й каже: «Есть симъ рубливъ, та мабуть не буду купувать саней та чобить та ночовъ, а поторгуюсь за кабана,—хочъ за вси годы цилый годъ полаеуемо, згадаемо, колы Риздво було». Отъ винъ и каже йому:

— Оддай за шість рубливъ—возьму.

А винъ тоди не довго думавшы, каже:

— Отъ шо, чоловиче: для тебе за симъ оддамъ, а бильшь не торгуйся: це вже такъ, шо ты чоловикъ добрый, такъ уважаю.

Цей тоди дума-дума: и кабанъ велькый, и мали гроши, та самъ соби подумавъ, шо може винъ крадений, та тоди й каже:

— Ну шо, якъ за симъ, такъ за симъ. Давай Богу молиця!

— Давай! Помагай тоби Богъ нымъ попользуваця! Одаю тоби дешево.

— Спасыби, шо уважылы на мою бидность.

Ударылы воны по рукахъ, помолылысь Богу. А цей выйнявъ йому гроши, одавъ. Той поблагодарывъ и пойихавъ, а цей тожъ звалывъ кабана на свойи саны и пойихавъ до дому. Прыйихавъ винъ додому, заколовъ свого кабана, она-травъ, прыбравъ, шо куды.

И дождалы воны празныка, розговилысь и стали засувать кабанятыною: кожый день у ихъ борщъ съ свыныною, сало частенько жарылы и не було йимъ ниякого вреда йили та благодарылы того, у кого купылы.

А той чоловикъ та возывъ горшкы. Отъ винъ на сяткахъ та зайихавъ у те село, видкиль у його купывъ чоловикъ кабана. Зайихавъ винъ по тому селу и дойихавъ на-

проты свого уже кабанячого свата. Отъ выходе баба того чоловіка, шо винь купывъ у його кабана, и кунуе горшки. Набрала вона горшкывъ и пишла у хату гроши выносить. На той грихъ выйшовъ и мужыкъ зъ нею на двирь. Колы винь роздывывся, ажъ цей горшешныкъ та знакомый, живо його угадавъ и каже:

— Здоровъ, свату!

А той тоди дывыцца-дывыцца, та й угадавъ, та й соби:

— Здоровъ, здоровъ!

— Зайидь, свату, погрійся, а то ты мабуть змерзъ.

— Спасыби, я ще не змерзъ, теперъ ваче тепло менн показуецця.

— Ну, та шо хыба, зайихать можно, покормышь у васъ коня.

Ну, винь опынався-опынався, а такы зайихавъ, роспригъ коня и пишовъ у хату грицця.

Воны посадылы його за стилъ и подають йому снидать жареного сала. Винь не хоче, а вони кынудысь просыть його:

— Та шо, Богъ зъ вами, хыба вы сердытееь на насъ, шо дешево кабана намъ продалы?

— Ну, шо вы выгадуете ище, чого тамъ я на васъ буду сердыцца: це я не хочу, шо недавно снидавъ. Снидайте самы!

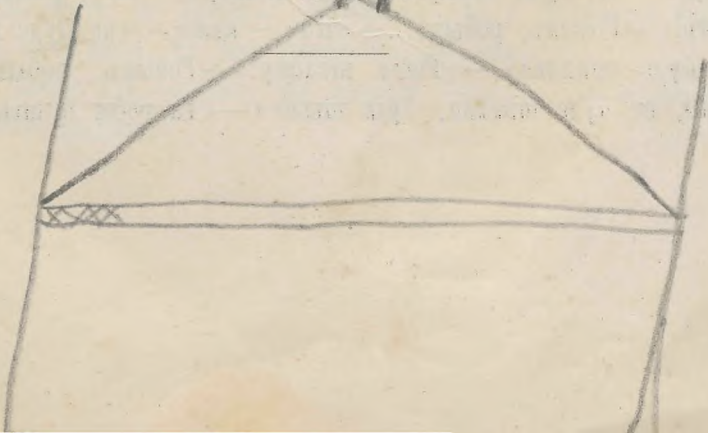
А винь, бачъ, боявся, шобъ не сказыцца, а хотивъ углядитъ, якъ вони будуть йсты, тоди и винь сяде. Отъ вони прыстала дужче до його:

— Та сидайте, покушайте сазьця! Вы хочъ и снидалы, а сала може не йлы—сидайте такы, хочъ покуштуйте: тутъ якъ сало, такъ прямо за уши не одтягнешь! Спасыби вамъ, шо надылылы: и дешево, и сало браве, и кабанъ такы чымалый. Мы оце ймо цили святкы и вамъ усе благодарымо.

А винъ одказуецця и самъ соби торопыцця, бойницця йисты. Ну, воны уже бросылы просыть, а стали самы йисты. Отъ воны йилы-йилы та й стали його упыать просыть, шобъ сцавъ. Винъ тоди дывыцця, шо воны йидять и нема йимъ нѣякого вреда, та самъ соби и дума: «та шо Богъ дастъ, буду йисты,—воно черезъ огонь перейшло».—Отъ съ тымъ ршывся систы. Сивъ винъ, ставъ йисты. Отъ воны посидады, запригъ нашъ горщешныкъ и пойихавъ дади. А воны все йому дякувалы безъ перестану, шо надилывъ йимъ добро, прямо не схвалылысь нымъ, и про це не знали, шо оно скажене, и не було йимъ нѣякого вреда пилея його.

Отъ, нашому горщешныкови на дорози стало нудыть, кружыцця у голови. Винъ побоявся дади йвхать, шось йому стало нездорово. Вернувся додому, а йому все де дади хуже и хуже стало: вертыцця у голови, уже йому не выдно, де й кобыла. Винъ тоди поскорій додому. Не дойихавъ винъ додому, якъ ставъ уже не тямыть самъ себе. Добывся винъ сякъ-такъ долому, дади уже ставъ забалакувацця и драцця на стину. Жынка и диты полякалыся, шо це йому таке сталося и сами не знаютъ. А винъ уже ставъ у правду базицця. Дозналы люде, нараялы жынци, шобъ повезла личыть, такъ вона возыла, куды тилько не куды. Съ тымъ винъ сказывся и пропавъ, а ти, шо купылы кабана, взылы усього и не почувствувалы нѣякого вреда, осталысь жыви и здорови по це время. А той, шо продавъ йимъ скаженого кабана, и самъ сказывся, а тыхъ Богъ спасъ одъ смерты.

(Записалъ г. Павло Тарасевскій въ с. Тышангѣ Воронежской губ. отъ жынки Ульяны Прокоповны Хведьченковой, 68 лѣтъ, въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Динаревъ).

127. РОЗУМНИ ЧУМАКЫ.

Зачагы чумаки когось бытъ за щось. Пидйихалы други и соби прысталаы, не роспытавшысь за що. А ось йдутъ ище та й пытають:

— А за що бьете?

А други одказують:

— Про те першый знае.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.).

128. ОХОЧЫЙ ДО ШЫНКУ.

— Ходимъ до церкви!

— Грязько.

— Ну, дакъ ходимъ у шынокъ!

— Хыба по пудъ плетнемъ да помаленьку...

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

129. КОВАЛЬ.

А то якъ коваль съ пуда зализа зробывъ шыкъ. Одынь хлиборобъ каже ковалеви: «выйде съ пуда зализа лемишь?» — «Выйде та ще й добрый!» — «Ну, на зализо, робы!» — «Отъ вишь робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не выйде лемишь, а выйде чересло». — «Ну, робы чересло!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не выйде чересло, а выйде сокыра». — «Ну, робы сокыру!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не буде сокыра, а буде долото». — «Ну, робы й долото!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не буде долото, а буде швайка». — «Робы швайку!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни, не буде швайка, буде шыло.» — «Та робы й шыло!» —

Заплескавъ, устроивъ у воду загартувать,—воно й запышило. Мужыкъ (тоди): «Еге, бачъ,» — каже, — «що воно выйшло пшыкъ! Ну, прыходъ-же по гроши!» — Коваль иишовъ и хлопця взявъ. — «Гляды-жь,» — каже, — «якъ буду гроши просыты, — и ты кажы: прыбавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато.» — Прыходють. Мужыкъ попавъ коваля за верхивья и давай йому метелыци даваты! А хлопецъ за дверыма крычыть: «прыбавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато!»

(Изъ бумагъ Т. А. Зивьковского.)

Немисъ, Укр. приказки, № 1858 (стр. 284.)

130. Д О Л Я.

Що-весны йдутъ, бывало, зъ нашего села у Таврiю, — ну, й я зъ людмы. Стойимо, бывало, по два, по тры мiсяци у Обытошнiй, у Бердянци, часомъ и въ Марнуполи; доводилось буваты й по тамошнихъ селахъ, збиралы мы тамъ ганчиркы — выминюемо йихъ за обручкы, що намъ, бывало, прысылають зъ хвабрыгъ зъ Одесу та зъ Ростову, а мы йимъ ти ганчиркы одсылаемо и добри, бывало, гроши заробляемо.

Одного разу довелось мени стояты на хуторци, що коло Андрiйивкы, Бердяньського повиту. На першу вичъ попросьвсь до одного чоловика, винъ пустывъ и казавъ, шобъ я що-дня у його ночувавъ. Того року корма тамъ булы дорогеньки, бо неврожай бувъ. На сей разъ овесь у мене бувъ зъ Бердянкы, ну, а сина — дуже скрутно: мени довелось скрызъ выбигать по хатахъ, шукаючы, бо й хазяйинъ мiй не мавъ своего сина, та вже хазяйинъ мiй намовывъ:

— Пиды ты, — каже, — до нашего багатыря, у нього е сино, винъ продасть.

Пишовъ я до того багатыря, продавъ винъ мени зъ десять хуптивъ сына и взявъ за нього двадцать копійокъ. Принись я те сино, а хазяиниъ мій и пыта:

— Що винъ узявъ съ тебе?—Та въ його заразъ-же е двисти четвертей жыта и трыста четвертей ишеници.

Я сказавъ йому, та й пытаю:

— Чы винъ такъ робе, чы доля його така, шо винъ такый багатый?

А хазяиниъ мій бувъ чоловікъ доволи старенькый, литъ йому було надъ симдесять, здаецця, колысь винъ и въ москаляхъ бувъ; ну, такъ хазяиниъ мій и каже:

— Э, сыну, скажу я тоби про долю: доля у кожного чоловіка е, та не кожний ийи найде.

Колысь жыло соби два браты—одынъ убогый, а другый багатый, и у вбогого диты е, а въ того багатого—немае; вбогый ще й калика до того. Браты жылы веуни. Тилыкы багатый и каже:

— Яка корысть мени съ того, що я дитей твоиыхъ годуватыму?

Та взявъ и оддилывъ його: давъ йому одного куцого быка, а билшъ ничего не давъ. Продавъ бидный того быка, выстройивъ соби хатку й живе соби, бидуючы.

А братъ його насіявъ пшеници десятинь зъ двадцать, а може и съ трыдцать; прыходють жныва, а вбогый и говоре до своего сына:

— Ходимъ, сыну, до дядька наймемось, може пшеници скосымо зъ десятину яку.

Наинялысь, рубливъ за п'ять, чы тамъ за шість. Цилый тыждень косылы воны ту десятину, бо, звисво,—той калика, а той малый. Ну й було отакъ бы то: сьогодня сѹбота, а завтра недиля; и воны косылы увесь день, не йившы, а ввечери батько й каже:

— Ходимъ, сыну, до дядька,—чы не дасть винъ намъ повечерять, бо робочымъ своимъ варыть же йисты, то може й намъ шо дасть.

Прийшылы воны, а багатый братъ и пыта:

— А шо, справывеся зъ десятиною?

— Та скосывъ, каже,—зъязавъ, тилькы не зносывъ.

— Э,—каже багачъ,—се вже мени не робота. Заразъ складай у копы!

И не давъ винъ йимъ йисты. Заплакавъ убогий и пишовъ съ своимъ сыномъ на всю ничъ складаты ти снопы, не маючы риски въ роти. Носылы воны такъ, шо отъ уже скоро почне на свить благословиця. Позносувалы, а батько й каже:

— Прыляжмо, сыну, та хочъ одночынемо трохы, бо дядько твій, спасыби йому, нагодувавъ насъ.

Хлопья, звычайно, натомылось, упало й заразъ заснуло, а батько схылывся на ликоть та й журыця, шо нема чого йисты ни соби, ни дитямъ. Дывыця, а по ныви, де винъ косывъ, ходыть простоволоса жинка у билій сорочци. Той убогий и дума: «Господы, шо воно ходыть такее, шо наче бойиця близько до мене й пидходить? Дай я въ нього спытаюся,—шо воно такее е?

— Слухай, шо ты такее е?

— А я,—говорыть,—твого брата Доля.

— Чого-жъ ты тутъ ходышь?

— А ходжу отсе та збираю колосочки та въ снопы застромлюю, шобъ ни жаденъ не пронавъ.—(Багатому и чортъ дытыну колыше. Звычайно, багатому все йде, якъ зъ воды, а въ бидного, колы самъ чого не загубе, то шось украде).

— Эхъ, Господы!—подумавъ бидный, якъ бы мени пиймать ййи та допытатыся, де моя Доля?—(Бо, звычайно,

уже вона знае, де Доля усякаго чоловика).—Прыклькавъ винъ ту долю до себе та й піймавъ.

— Доле мого брата, скажы-жъ мени, де есть моя Доля?

— Э, чы ты-жъ піймаешъ свою Долю? Твоя доля—купцювать. (Усякому своя доля: той купцемъ, той шевцемъ. Коли-бъ я чыю долю піймавъ, то може-бъ тоди розшукавъ десь и свою, та беда шо не всякый чоловикъ такой щасливый).

— Скажы-жъ ты мени: якъ мени знайти мою Долю?

— А такъ,—каже: уставай та йды скорнице додому та выстыгай у городъ и шобъ до ранку ты вже тамъ бувъ. И зостринеця тоби тры панночкы: дви въ однаковому убранни, а третя въ иншому. И якъ вони йтнуть, попереду музыка гратыме, а вони танцюватымуть, и та, третя, — твоя Доля. Зайды ты позадь нейи й вдарь ййи по вуху, шобъ вона ажъ упала.

Прыходе той калика убогый у городъ, ажъ усе такъ зостричае, якъ та йому казала. Винъ и подумавъ соби:

— Господы мылостывый! я теперь бидный, а шо-жъ мени буде, якъ ударю я таку пани по вуху? то ще доведеця жыты у «дядьковий хати.» Эхъ, шо буде, те й буде!

Та якъ луснувъ ййи по вуху! Вона впала та й оглянулась та й каже:

— Э, найшовъ такы ты мене тутъ! Ты думавъ, шо я буду по нывци ходыть та колоскы збирать? Ни, я купцюю. (Бачте, вона купцюе, а винъ горюе).

Узяла вона його й повела до себе, а въ нейи було дви вельныхъ лавкы съ товарамы,—нарядыла вона його, бо винъ бувъ обидраный,—надила на його нови чоботы и усю одежу. (Наряды, каже, пенька, то й пеньокъ гарный буде). Дали давай вона його навчатъ:

— Теперъ у насъ у городи цинують у одного купця два дома. Мы посидаемо та й идемо туды, бо треба намъ на циновку выстыгать. Тилькы гляды, выйдуть два купци, будуть торгувать, а ты выйдешь третій на ту циновку. Будуть говорить: «хто шо дае за си два дома?» То ты не озывайся, а мовчы, хай воны свою цину дають. Одинъ надае дви тысячи, другый чотыри, а якъ брыкнууть у третье: «хто бильше?» — то ты ажъ тоди вже набавляй.

Пойихалы воны на ту циновку, и такъ винъ забравъ обьдва дома.

Прожывъ винъ у тому городи годивъ тры, а мо й чотыри и забувъ винъ бувъ уже про свою жинку й про свои диты. Одного разу згадавъ и сказавъ кучерю, шобъ той запригъ коней, сивъ и пойихавъ до себе въ село, а якъ подйихавъ до хаты — звеливъ спыныты коней. (Якъ живе чоловикъ пры вбозтви, то й хороший зробыця поганый, а якъ пры воли, то й ледацо покажеця гарне).

— Пиды, — говорить кучерю, — спытай, чы не пустяты переночувать.

А вивъ якъ йихавъ, то понабиравъ напыткивъ, найидкивъ, бо добре зна, шо жинка дома не йившы сыдыты. Набравъ и одежи дитямъ.

Кучерь, якъ пославъ його кунецъ, прыбигъ до хаты та й пытае:

— А шо, хазайинъ дома?

— Не то шо дома, а хто його й зна, чы винъ хочъ на свити е жывый, бо вже чотыри годы, якъ його чы вбыто, чы заризано.

— А чы не прыймешь насъ, хазайко, переночуваты?

— Чому не пустыты? Ночуйте!

Кунецъ и пыта: чы нема чого въ нейи повечеряты?

— И-и! сыдю завжды не йившы, и диты мойи голодни!

Скилькы купецъ не балакавъ зъ нею, а вона й не впизнала його (бо дежъ-тамъ и впизнаты!). Пославъ купецъ кучеря наставлять самуваръ; той ставывъ-не ставывъ, а самуваръ вже й кыпыть. Посадывъ купецъ кучеря за стилъ, посадывъ хазяйку й дитей, а скилькы винъ того сахарю понакладавъ у чашкы, такъ и Господы!—Вышылы вони чай, а хазяйка такъ дякуе купцеви, такъ дякуе:

— Хочь у души,—каже,—посолодыло, а то й диты попухлы булы не йившы.

Посыдили, побалакалы; купецъ пославъ, шобъ кучеръ унисъ уси напытки, найдкы: повечерялы вони. Дякують йому, кланяюця йому въ ноги, шо напоивъ, нагодувавъ йихъ. А винъ и каже:

— Ни,—каже,—хазяйко, сымъ ще ты одъ мене не оддякуешся: я ще съ тобою спаты ляжу.

— Ни, ни, вже, пане, сього не можна, бо якъ прыйде болы мій чоловікъ та дизаецца, то ще бытыме мене.

А той и каже:

— Хыба ты вже зовсимъ хочешъ одцуратыся одъ свого чоловіка? Ну, болы такъ, то я соби ще крашу знайду.

— Хыба мій чоловікъ такый, якъ вы? мій чоловікъ бидный та вбогый и калика до того, а вы—панъ.

Ну, винъ тоди давай показувать прыкметы. Пизнала. А якъ пизнала вона його, то винъ понаряжувавъ свойихъ дитей и каже тому сынови, шо зъ нымъ косывъ:

— Бижы, сыну, до того дядька, шо якъ мы косылы, а винъ намъ и шматка хлиба не давъ. Скучывъ я за нымъ, хочу побачыть його.

Дило було вночи. Прыбигъ хлопецъ до дядьковойн хаты та й крычыть:

— Дядьку!

— Чого?

— Идить до насъ!

— А шо-жь тамъ у васъ?

— Батько прыйхавъ тройкою коней и брычка.

— Хыба батькивьсььмы?—смієцця дядько. Ну, а про те пишовъ такы. Прыходыть, поздоровкавь и багатырь не признавь купця.

— Хыба ты мене не признаешъ?—каже купецъ.

— Якъ же я тебе признаю, колы ты бувъ такый бидный, а теперь ставъ такый багатый?

Зознался; давай пыты, давай гуляты. Почавъ багатырь допытуватысь; якъ той забагативъ? А купецъ и розказавъ йому про Долю. Попрощались браты, купецъ забравъ своихъ дитей и жинку и поихавъ зъ ными у городъ. И теперь жывуть у городи у Бердянци.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано отъ Ивана Осадченко. Курской губ., Старооскольскаго уѣзда, с. Обухова.)

«Малор. преданія», стр. 182, № 19. Доля богатаго и бѣднаго.—Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 216.—Манжура, «Сказки», стр. 52. Дви доли.

131. К О З А.

Одынъ чоловикъ водывъ козу на торгъ та й не продавъ.—Отъ якъ вивъ винъ йиши додому, такъ прыйшлося иты лисомъ. - Идутъ воны лисомъ, колы дывлицця, ажъ лежыть нежывый вовкъ; чоловикъ подійшовъ до його та й дума, шо робыть. На той часъ йихавъ поблызу панъ изъ гостей. Винъ побачывъ козу й чоловика та й пытаецця.

— Шо ты тутъ робышь?

— Та це коза моя піймала вовка, такъ я оце думаю, шо зъ нымъ робыть.

Та трохы й почервонивъ, бо збрехавъ.

— Вотъ это харошая каза, што и волковъ беретъ; продай ее мнѣ!

— А шо вы, пане дасте за нейи?—спытавъ чоловікъ.

— Да сто рублей дамъ.

— То й давайте!

Отъ, панъ узявъ козу, повивъ у лисъ та й прывъязавъ на довгій вирьовци до дуба.

Колы це прыходе одинъ вовкъ та й ставъ билия козы, а вона: «мекеке!» та й стойтъ. Панъ и каже:

— Вотъ проклятая коза: одного еще и не беретъ!

Колы це прыйшовъ и другой вовкъ, а коза все стойтъ та: «мекеке!» А панъ:

— Вотъ коза: и двухъ не беретъ!

Колы якъ выскоче зъ лису третій вовкъ, якъ хватылы уси тры козу,—такъ и розирвалы! А панъ стойтъ та:

— Ну, проклятая коза: двухъ не брала, а троиухъ не подолѣла!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

132. ВЕЛЫКІ ВІВЦІ.

Йихавъ разъ панокъ зъ миста додому нанятымы кинь-мы та все хотивъ розмовляты съ пидводчыкомъ, а той не дуже то бувъ балакучый.

— Цо то но, хлопку, то-тамъ на кгурже насе сѣ?

— А де, пане?

— Ну, то нѣ видишь,— то тамъ на кгурже!

— Та то жъ, пане, вивци!

— То таки со(н) у васъ вивци! То якъ у насъ вивци —таки со(н), якъ тѣнь кунь добры, альбо то ещче, якъ тѣнь вуль добры! То со(н) вивци! а то цо то у васъ—вивци!

— Отъ яки, пане, велыки у васъ вивци, а въ насъ—таки, якъ ото вы бачылы!

—слытавъ чоловикъ.

псъ та й правъязавъ

й ставъ била козы,
и каже:

е и не беретъ!

а коза все стойить

вовкъ, якъ хватылы-
нъ стойить та:

брала, а троихъ не

с. у.).

ци.

ому нанятымы кинь-
одчыкомъ, а той не

гурже насе сѣ?

на кгурже!

о якъ у насъ вивци

о то ешче, якъ тѣнъ

у васъ—вивци!

вивци, а въ насъ—

Идутъ мовчы.

— Але цо жъ ты, хлопку, ниць цѣ розмавянѣ? Тпеба жъ, абы цось цикавекго панови розказалъ, цось подзивнекго, цо тутай у сѣбѣ мацѣ, панови показалъ.

— Та цо тутъ, пане, въ насъ е дывного?! Ото жъ бачылы, яки вивци!

— Але цось зезначнекго мусишъ знаць про свойи краинны, абы пану повадалъ!

— Да тутъ, пане, е въ насъ ричка...

— Ричка, но, хлопку!

— Нетекою звецця; да така вже проклята ричка, цо хто хочъ трощечкы скрывдыть, збреше-бъ то, вже тая ричка його не знесе—втопыть!

— Втопыть-но, хлопку? А чы далѣко есть та ричка?

— Та ще верстовъ съ пѣять буде!

Мовчать.

— А я то, но, хлопку цось зновъ за ти вивци.

— А цо, пане?

— Та то цо я мовялемъ про ти, цо со(н) у насъ вивци, такъ они нѣ со(н), якъ тѣнъ кунъ добры, альбо то ешче, якъ тѣнъ вуль добры, але такъ, якъ тѣпъ вовкъ добры! Таки со(н) вивци!

— Ото, пане, яки велыки вивци, а въ насъ таки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко, но, хлопку, есть та ричка?

— Та ще, пане, версты зо тры буде!

— А я то но, хлопку, цось зновъ за ти вивци.

— А цо, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тѣнъ вовкъ добры, але такъ, якъ тѣнъ пѣсь добры!

— Отъ, пане, яки велики вивци, а въ насъ—оттаки-
синьки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко но, хлопку, есть та ричка?

— Та ще, пане, мабутъ зъ верству буде!

— А я то, но, хлопку, цось зновъ за ти вивци.

— А що, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тѣнь пѣсь добры,
але якъ то у васъ вивци, то такъ со(н) и въ насъ вивци.

Мовчать.

— А оце, пане, й ричка тая, що Нетекою звецця!

— Та то жъ, хлопку, рилля! Ой, хлопку, якъ же то
ты збрехавъ!

— Та ни, пане! а бачыте,—ричка та всохла такъ, якъ
ти ваши вивци.

(Записано А. А. Русовымъ въ с. Зикрачахъ Кіевской губ.)

«Малор. пред.», стр. 189, № 29.

133. ЦЫГАНЪ КОСАРЬ.

Бувъ соби багатый хазяйинъ та мавъ соби кума Цы-
гана и просывъ його, щобъ винъ прыйшовъ до його косыты,
а винъ йому каже: «куме, а хто пиде косыть зо мною?»—
А хазяйинъ: «пошлю»—каже—«наймыта съ тобою.»—А Цы-
ганъ хазяйинові: «я пиду, куме, до тебе,—абы твій наймытъ
слухавъ усе, що я йому скажу, й робывъ те. А що въ тебе
йисты, куме, буде?»—«Дамъ хлиба, сала, чарка горилкы
рано, въ полудень и въ вечирь, пѣтдесятъ копійокъ гро-
шей.»—«Згода!»

Отъ хазяйинъ и каже наймытови: «будешъ усе роботы,
що Цыганъ загада, чы роботы, чы що.» То якъ выйшавъ
вонъ на поле и пишы вонъ по первому покосови до поло-
выны гинъ, и тамъ вырисъ берестюкъ крыслатый. Якъ дій-

шли воны до того берестюка, и пыта Цыганъ наймыта: «що, тутъ добре робыты, пидъ цимъ берестюкомъ?»—А наймытъ: «добре спаты на полудень у холодочку.»—А Цыганъ каже: «А ну, трошкы ляжемо!»—Узялы, полягали воны спаты. (Поспалы, прокынувся) Цыганъ та й пытае: «а ну встань, Иване, подывыся, що люде роблють!»—А Иванъ уставъ и каже: «Робылы, робылы, а теперь силы полуднуваты.» А Цыганъ одвичае наймытови: «Егъ, а мы не люде? гайда та й мы будемъ полуднуваты. Давай сало!»—Пополуднувалы воны, а Цыганъ зновъ пыта: «а подывысь, Иване, що люде роблють?»—Иванъ каже: «що люде роблють? пополуднувалы та й спочываты лягають!» Цыганъ каже: «Егъ, мы не люде? Гайда й мы спочываты!»—Взялы якъ ляглы, та й спочывалы до самого пидвечирку. (Попрокыдалыся,—Цыганъ) упъять каже Иванови: «подывысь, Иване, а що люде роблють!»—Иванъ пиднявсь и каже: «що-жь люде роблють? Усталы та й пидвечиркують.»—А Цыганъ: «а мы що-жь не люде? Давай лышь сало, будемъ и мы пидвечиркувать!»—Попидвечиркувалы, а Цыганъ каже: «вставай лышь, панеbrate, подывысь, чы багато мы накосылы. Вставай та ходимъ, ще косыты-мемъ.»—Пишлы упъять по одному покосови, и пыта Цыганъ Ивана: «подывысь, Иване, що люде роблють!»—А той каже: «що роблють!—покосылы, вже Богъ давъ вечиръ, та й йдутъ додому»—А цыганъ каже: «а мы не люде? гайда й мы додому!»

Прийшлы додому. Господаръ пыта: «Куме, добре накосылы?—А цыганъ: «багато накосылы! Треба тры громадильныка, щобъ громадылы».

Отъ, Цыганъ повечерявъ, пишовъ соби додому. Хазяйинъ узявъ кони й пейихавъ на ничъ на ту траву, подывытыся, чы багато покосено. Якъ выйихавъ до тыхъ покосивъ, то ажъ за голову взявся. Прийихавъ додому, уставъ раненько й

побигъ до Цыгана та й каже: «куме, чы не пидешъ ты състо-
дни до мене косыты?»—А винъ одвичае: «ба, пиду куме!
А хто пиде съ косарямы?»—А винъ каже: «пиду я, най-
мытъ и вы»—каже—«куме, пидете.» Винъ упъять пы-
таецця: «що даватымете йнсты?» «Знову дамъ чарку го-
рилкы рано, на полудень и на вечерь и скажу жинци, щобъ
зварыла курку й вынесла въ поле обидать, и паляныци.»—
Потимъ прыйшовъ додому, добре поснидавъ зъ наймытомъ,
загы Цыганъ прыйшовъ,—и сказавъ жинци: «несы обидаты,
щобъ й акурать сонце було у полудень. Потимъ, якъ иты-
мешъ,—дуже помаленьку йды,—хочъ я махатыму рукою—
не квапся. Я визьму косу на плечи, бигтыму до тебе ри-
заты, а ты тикай черезъ гору въ ярокъ, кыдай горшкамы,
въ землю. Я бигтыму за тобою, наймытъ за мною; мы тебе
доженемъ, тамъ и пообидаемъ, покы Цыганъ чекатыме».

Отъ, выйшылы воны въ поле, почалы косыты. Косють
до обиду, Цыганъ уже йнсты добре хоче та й каже: «эгей,
куме,—варто шось попойнсты!»—А кумъ каже: «отъ лукава
жинка: казавъ, щобъ рано выносыла обидъ, а ййи й доси
нема».

Отъ, косылы воны вже до полудня, дывлюцця, а ха-
зайка несе обидаты. А Цыганъ каже: «э, куме,—вже намъ
обидъ иде!»—А кумъ уже одвичае: «ну, колы бъ вона прый-
шла,—я вже ййи дамъ!»—И крычыть до нейи: «Иды»—
каже—«скоро!»—А вона якъ почула його гласъ,—ще пома-
лице почала йты Винъ тоди взявъ косу на плечи й каже:
«пиду зарижу ййи, якъ дожену!»—А наймытъ: «лышить,
хазайине, покы прынесе обидъ, та тоди дасте й духопелу».
—Хазайинъ ухопывъ косу й каже: «Ни, такы пиду! я тамъ
ййи дамъ!»—Хазайинъ бижыть съ косою впереди, а наймытъ
позади: «бійтеса Бога, хазайине,—що вы робыте? Лышить
хазайку жывою, а то гриха наробыте!»—Та хазайка побачыла,

що хазяйинь бижить съ косою, та горшкамы тумы обь землю, а сама дали черезъ гору. Тамъ побигла й сила, до-жыдае. Воны прыйшлы обыдва, пообидалы добре.—Цыганъ прыбигъ на те мѣсте, де горшкы побыто, позбравъ, яка тамъ квасолька була чы бурячокъ, та тымъ и заговивъ

Идутъ воны видтиль, уже пообидавшы, а Цыганъ пы-таецця: «а що, куме, не догнавъ? — А хазяйинь каже: «ни! бисова вира, закы выбигъ на гору, не знаты де й дилась». —Цыганъ одвича: «Ге-э, куме! не такъ треба було робыты! Нехай бы вона, куме, прыйшла та поклала обидь, та тоди бь йй тутъ даты, що даты. — Винъ (хазяйинь) говорить: «ну, вже я йй дамъ увечери!» — «Ну, вже здилай мылость, куме,—я тебе перепрашаю: косимъ хочъ до пидвечирку!» — Сталы упъять косыты, а Цыганъ здорово охлявъ, не може тягты вже ниякъ. Просыть кума: «гей, куме, здилай мылость, йидьмо додому, бо пропалы!»

Давъ Богъ вечирь, прыйшлы додому. А жинка нава-рыла вареныкивъ и заризала курку, зварыла, а впередь наляляла сыроваткы. Та хазяйинь йисть тикы такъ, показуе ложку, и наймытъ; а Цыганъ такы хапавъ добре, бо вы-мерхався не снѣдавши, й ничего. Пѣля, якъ найлыся воны сыроваткы, дала хазяйка молока кыслоого. Тежъ хазяйинь не йисть, и наймытъ, тилкы ложку показуе, а Цыганъ добре попыравъ: нажерся, наперся, якъ гора. Хазяйка подала ва-реныкы й курку. Хазяйинь уже йисть, и наймытъ, а Цы-ганъ тилкы очи вытрищывъ на курку, дывыця й на ва-реныкы та й каже до кумы: «э, кумо! знаете, якъ варыты, та не знаете, якъ даваты!» — Потимъ кумъ уже говорить: «куме, вечерайте!» — Винъ (Цыганъ) каже: «спасыби, куме! — вже повечерявъ». — И впъять кумъ просе: «йдитъ завтра,

куме, до мене косыты ще!»—А Цыганъ: «э, куме,—хочь дай тры карбованци, а завтра вже не пиду!»

(Записано въ 1883 г.—Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

134. ВИДЖИЛЯ ЛЫТВЫНЫ ВЗЯЛЫСЯ.

Колысь давно ходывъ Богъ нєь святымъ Петромъ по земли Отъ, святыи Петро й пытає въ Бога:

— Якъ се, Господы, шо усякыхъ людей на земли до-воли, а отъ Лытвынивь и немає?

Дакъ Богъ и каже:

— Возьмы та й зробы!

Отъ, Петро взявъ пшенишнойи муки та й злипывъ галушку, а съ тїей галушки зробивъ чоловика и настромивъ його на тынъ, на колокъ, сохнуты. Де не взявєь у биса собака,—узявъ та й иззивъ того чоловика. Озырнувєь святыи Петро,—нема чоловика. Якъ ухопыть же винъ того собаку та й почавъ бытъ объ землю. Шо ни вдарыть, то й выскочыть съ собаки Лытвынивь. Та й навывывавъ йихъ стуолькы, шо Богъ йому вже каже:

— Годи, буде! Де ты йихъ и диватымєшь?

А Петро й каже:

— И, Господы! Буде йимъ мисто и по надъ Десною и за Десною.

(Записаль А. А. Гарньє въ 1894 г. отъ козака Ивана Антоновича Лазаря, 75 лѣтъ, въ Черниговскомъ у.)

«Малор. нар. пред. и разск.», стр. 194, № 35. Происхождение поляка.
(Тоже самое о полякѣ.)

135. ЛЫТВИНЫ ПОЗДОРОВЛЯЮТЬ.

Лытвины хотилы поздравыть пана. Отъ наварылы горцыкъ булагы и йдучы нарадылысь казаты тагъ: одынъ скаже:

— Будь здоровъ!

А другый пидхоныть:

— изъ жинкою!

третій:

— изъ диткамы!

четвертый:

— изъ домоомъ твоимъ!

а п'ятый:

— изъ благодаттю!

Отъ прыйшлы до пана и пидходятъ одынъ за другимъ.

Першый каже:

— Будь здоровъ!

Та тилкы що пидступывъ до пана, а задній и наступывъ йому на волоку одъ постола. Сей упавъ и горцыкъ разбывъ та й кривнуувъ, росердившысь на заднього:

— Щобъ ты пронавъ!

А задни одынъ за однимъ и почалы:

— изъ жинкою!

— изъ диткамы!

— изъ домоомъ твоимъ!

— изъ благодаттю!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Нѣжинскомъ у.)

136. ЛЫТВИНЪ — НЮХАРЬ.

Переличувавъ Лытвинъ, яка корысть изъ нюхания:

— Слезу гоня, хряпу чистя и калъ пре.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

137. ЛЫТВИНЫ ТА ЖАБА.

— Цимохъ! Хадзи рака церебиты! — гукавъ одынь Лытвынь другого, піймавшы жабу.

— Идзѣ ты взявѣ?

— Йонъ самъ прыплясавъ.

— Ета-жѣ не ракъ, ета ляга!

— Ужо-жѣ асталась адна нага.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

138. ЛЫТВИНЪ ТА НАШЪ ЧОЛОВИКЪ.

Десь у больницы лежалы Лытвынъ и нашъ чоловикъ. Отъ Лытвынъ стогне швиденько: «о-хо-хо! о-хо-хо! лышечко!»

А нашъ поважно, колы-не-колы застогне: «о-о-хъ, лышечко!»

А Лытвынъ усе скоренько. Отъ нашъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— За проблятымъ Лытвыномъ и постогнаты не вправышся!

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

139. Н А У К А.

Хотивъ Москаль по нашому навчытыся. Отъ нашъ братчыкъ и почавъ його вчыты:

— Слухай: якъ ишовъ я у Полтаву, то найшовъ халаву, та ишовъ на вечерныци та вдарывъ объ лаву ось вамъ, дивчата, на славу! Ну, кажы теперь ты, Москалю!

— Какъ шолъ я, малай, у Платаву да нашолъ галяншшу, нашолъ на насидѣлки да ударилъ абъ скамейку: вотъ вамъ, дѣвки на диваванье-та!

— Не такъ!...

(Записано отъ сапожника Петра Шепелева въ Харьковѣ въ 1881 г.)

140. РОСПЫТАЛЫСЯ.

Якыйсь Москаль та Московка зійшлыся та й живуть собі, а й не знають одне про одного й якъ кого звать хто звидкы. Та вже якось полаялысь, такъ тоди роспыталыся. Вона врычыть:

— Што ты за чортъ такой?

А винъ:

— Какой я тебѣ чортъ?! Я Лева съ подѣ Бѣлѣва. А ты што за вѣдьма?

— Какая я вѣдьма? Я Прасковья съ подѣ Масковья. Отакъ и роспыталыся, а то й не зналы.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьк. губ.)

141. ЧОЛОВИКЪ ИСЪ ТЕРЕБИЛОВКИ.

Попрохався якыйсь Москаль переночуваты. Отъ хазяйка поставыла йому вечеряты. А винъ такъ умынае, що ажъ за ушыма лящыть. Вона й пытаецця:

— Отколь ты, батюшка?

— Съ Тербиловки, матушка.

— Терби, терби, батюшка!

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьковск. г.)

142. ПИДСЛИПА ДОЧКА.

У одній Московкы була дочка, та дуже пидслипа, такъ що й замижъ ййи черезъ те ниhto не бравъ. Отъ маты бачыть, шо лыхо, та й намыслыла одурыты людей и навчыла дочку, шо робыты. Разъ попрыходылы до нейи якысь тамъ гости. Отъ вона гостыть йихъ, а дочка сыдыть на печи. Сыдила, сыдила, а дали й гукае:

— Мамушка, вонъ-вонъ иголушка!

— Идѣ, дочка?

— Подѣ макового зернушка.

Почала маты шукаты и гости туды-жъ кывулысь. Бачуть, и справди лежить макове зернятко, а коло його голка. Отъ воны тоди й подумалы, що то набрихано про дивку, що вона пидслина, а вона дуже бачуча. И пишла по слободи чутка про те. А й не догадалыся, що то маты задалегидь голку коло макового зернятка поклала и дочки показала и навчыла, шо казаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьк. губ.)

143. БАБА ТА САЛДАТЫ.

Назналы солдаты, шо въ старойи бабы гроши е. Прышли та й сватають ййи. Отъ почалы горилку пыты, а одынъ салдаты и каже:

— Давай, баба запаемъ.

— Спивайте, голубчыкы, спивайте!

Отъ винъ почина:

Бабка, бабка,

Де твои деньги!

Рано-рано!...

Де твои деньги?

Ранесенько!

— Што-жъ ты, бабка, не атваешъ?

Баба й заспивала:

У курнычку

Пидь штовпчыкомъ!

Рано-рано!...

Пидь штовпчыкомъ...

Ранешенько!

Отъ тоди салдаты за лонату та до грошей. Другыи ждавъ-ждавъ:

— Што эта ево такъ долго нѣту?—пайду пазаву!

А третій посыдивъ та й каже:

— Што они тамъ сидять? Пайду пазаву!

И той побигъ.

Тоди баба ждала-ждала—нема. Колы оглядилась, ажъ нема казанка зъ гришмы—сама ямка. Отъ тоби й посваталы!
(С. Новая Водолага Валковского у. Харьк. губ. отъ чоловіка въ 1883 г.)

144. ВАБЫНЪ САЛДАТЬ.

Прывелы салдатывъ у село та по квартирахъ в розводють. Отъ одынъ иде въ ту хату, куды сказано, та тилкы на поригъ та якъ крыкне:

— Тренечись, бабка: твой салдаты идьотъ!...

Дакъ та бидна такъ перелякалась, що тилкы жыва.

(Константиноградскій у. Полтавской губ.)

145. НЕПАМЪЯТКЫЙ СЫНЪ.

Пишовъ одынъ парубокъ на службу, прослужывъ девять мисяцивъ. Прийшовъ додому та й ходе по селу, а маты углядила, выбигла съ хаты та й гука на його: «Сынку! сынку! чого ты ходышь? иды въ хату!»—А винъ: «Да чортъ васъ знае, гдѣ вы живъйте!»

(Отъ хлопца Якова Емченка въ 1890 г. въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.)

См. № 13. Черезъ що собака съ кишкою грызущя.

Х.

ПРЕДАНІЯ О ЛИЦАХЪ И ЯВЛЕНІЯХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ (ИСТОРИЧЕСКИХЪ).

146. ДАРІЙ ТА МАКЫДОНЪ.

Жывъ у Персіи царь Дарій. И винъ бувъ такій войовыткій, шо усю землю завоювавъ. И у його було дви дочки. Тоди винъ змурувавъ високу башту, зробывъ соби одержу, пошывъ ййи золотомъ и сыдыть, якъ Богъ. И здумавъ винъ: «Тамъ ще есть Македонія,—пошлю, щобъ и ййи звоуваты!» Пославъ туды посла. Той пойхавъ, сказавъ йимъ. Тоди царь македонскій одигъ у просту одержу и пойхавъ Пидйиздыть, колы винъ (*Дарій*) якъ Богъ сыдыть. Тоди Дарій:

— Ну, шо—будете воуваты?

Винъ и каже:

— Та будемъ воуваты.

Тоди винъ (*Дарій*) звелывъ податы мишокъ маку. Йому дали. Винъ якъ сыпнувъ изъ башты той макъ, та й каже:

— Якъ перещытасшъ макъ, тоди мое войско перещытаешъ. А то ще ты побьешъ! (*куды тоби!*)

А винъ ягъ узавъ у жменю маку, якъ придавывъ, а снѣгъ и побигъ, а винъ и каже:

— Оттакъ съ твоего войска побижыть снѣгъ, якъ зъ оцього маку!

Подавъ йому:

— На, ты такъ придавы, якъ оце я!

Винъ (*Дарій*) давывъ-давывъ—не придаве.

А то (*той, що приходывъ до Дарія*), бувъ самъ Ма-
кыдонъ Винъ пишовъ, зобравъ войско и пишовъ И Дарій
зібравъ страшенно вельке (*військо*) и зачалы воювать. Такъ
на персыцкыхъ—страхъ напавъ. Македонський царь зачавъ
гнать. Такъ самъ Македонъ убывъ Дарія и його одѣжу самъ
надивъ. А дочки сыдили и углядили,—тамъ и умерлы.

Такъ винъ його покорывъ... И ще одныхъ—летючихъ
покорывъ... И устроивъ струны,—такъ якъ витерь подме,
такъ струны й грають, а воны (*летючи*) лякаюця та кры-
чать: «Македонъ иде! Македонъ иде!» Такъ усю пошты
Азію завоювавъ

(Записано на х. Троицкомъ Славяносербск. у. Екатор. губ. отъ хлопця
Якова Емченка, учившагося въ школѣ, гдѣ онъ и могъ слышать объ
Азіи и прибавить ее въ концѣ; но онъ ничего не слышалъ въ школѣ объ
Александрѣ Македонскомъ. На вопросъ: «одъ кого чувъ це?» онъ отвѣ-
тилъ: «та у насъ це люде розказують»).

XI.

ПРЕДАНИЯ О МѢСТНОСТЯХЪ.

147. МАЗЕПЩИНА.

Туть же колись была мазепщина. Мазепа и пещеру сюю издѣлавъ. Говорять, шо изъ звиницы она идетъ до Рыкова (*), а другіи, шо бутто тилъки до собору. Ходили у ее, какъ нельзя, говорять, далеко пройтить, шо якъ до самыхъ уже послѣднихъ дверей дойдуть, дакъ такъ свѣчки и потухнуть.

Ходивъ и архимандрить туда: якъ изъ страстей вышли, дакъ такъ прямо уси и пишли, якъ до 12-ой двери дошли, дакъ свѣчки у усѣхъ и потухли. Говорять, шо сійи двери заговоривъ Мазепа, а тамъ стойтъ стовпъ желѣзный, а на стовпу висить шабля мазепская и надѣта шапка. Якъ стануть его проклинать у церкви, дакъ уся пещера тады гудеть здоровосильно, а стовпъ изъ шапкою такъ и трусицца, а

(*) Село въ 20 верстахъ.

нельзя къ нимъ достуицца потому самъ Мазепа ихъ заговорывъ.

(На дверяхъ пещеры этой надписано краской: Жилище Мазены).

(Записано М. В. Рклицкимъ въ г. Новгородѣверскѣ отъ городской мѣщавки Лукеріи Шишихи въ 1894 г.)

148. МАЗЕПИНЪ ЗАМОКЪ.

По выраженію пѣвца «слова о полку Игоревѣ», Сула посылаетъ свои серебристыя воды къ Переяславу городу. Это было бы такъ, если бы она у города Глинска и ниже его не встрѣтила края возвышенностей, заставляющихъ ее измѣнить направленіе своего теченія съ западнаго почти на южное. Правый возвышенный ея берегъ уже у г. Ромна очень живописенъ; таковъ же онъ и у впаденія Артополота, затѣмъ Олавы, рѣчекъ, по своимъ именамъ, переносящихъ насъ во времена варяжской и греческой цивилизаціи на берегахъ Сулы. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться отсюда по теченію Сулы внизъ, тѣмъ болѣе и болѣе повышается берегъ надъ долиною рѣки: у Глинска высоты достигаютъ 74 саженой надъ поверхностью моря, тогда какъ высота воды въ долинѣ Сулы въ межень составляетъ только 50 саженой; здѣсь, слѣдовательно, высокій берегъ превышаетъ долину Сулы на 24 сажня. Ниже же по ея теченію, между селеніями Залатыхою, Закроихою и Свырьдовкою (Лохвицкого у.), есть возвышенность въ 80, 85 и 90 саженой надъ поверхностью моря, слѣдовательно до 40 саженой надъ долиною рѣки. Мѣстность эта напоминаетъ собою нѣкоторые пункты высокаго берега Днѣпра — Кіевъ, Княжу гору и др. мѣста, гдѣ замѣтны слѣды старыхъ городовъ. Подъ с. Свырьдовкою на второй терасѣ крутого

берега помѣстился хуторъ Отрада въ нѣскольکو хатъ; а надъ нимъ на кручѣ расположено городище, называемое *Мазенинымъ замкомъ*. Здѣсь теперь на площади въ 4 десятины расположенъ огородъ, принадлежащій становому приставу, живущему въ Свиридовкѣ. Площадка эта съ нагорной стороны отдѣлена отъ остальной возвышенности глубокимъ валомъ и канавою; обрывъ, спускающійся къ низу отъ нея, заросъ лѣсомъ. Среди лѣса идетъ оврагъ (провалье), отдѣляющій главную гору съ помянутою площадкою на вершинѣ, отъ другой, меньшей возвышенности, очевидно до образования оврага соединявшейся съ первою горою. Вторая, меньшая, возвышенность называется *Дытынцемъ*.

Мѣстность обоихъ горъ командуетъ надъ другими близлежащими горами праваго берега, и такъ какъ у Свиридовки Сула дѣлаетъ излучину съ довольно широкимъ діаметромъ ея дуги, на периферіи которой расположена Свиридовка, то отсюда видно громадное пространство въ обѣ стороны версть на 25—30: среди зелени поемнаго луга Сулы и лѣсовъ, покрывающихъ какъ высокій правый, такъ и пологій лѣвый ея берегъ, въ ясную погоду можно различать 9—10 селеній, раскинутыхъ по обѣимъ ея берегамъ, и даже городъ Ромень, лежащій выше по теченію, но на болѣе низкой горѣ въ разстояніи отсюда не менѣе 30 версть. Когда Сула была границею русскихъ поселеній, когда ржанье коней Игорева войска за Сулою обозначало вступленіе его въ Половецкія земли, пунктъ этотъ былъ очень выгоденъ для наблюденій за движеніями кочевниковъ «за Сулою». Можетъ быть, археологическія раскопки когда нибудь опредѣлятъ время нахожденія здѣсь крѣпости съ цитаделью (дытынцемъ), какъ онѣ уже опредѣлили его для бывшаго поселенія на Княжей горѣ. Теперь же мы можемъ пока знать только преданія, не восходя-

ція въ нашихъ мѣстахъ далѣе временъ Шведской войны и Мазепы.

Вотъ что говорятъ эти преданія.

У Мазепы была любимая имъ жена Марія. Онъ былъ старъ, она — молода. Оттого онъ не чуждъ былъ ревности и въ минуты проявленія этой страсти обходился съ нею жестоко. Когда она родила «дытynu», онъ выстроилъ на второй, меньшей, горѣ особый замокъ и замуравалъ въ стѣнахъ его Марію съ ея «дытыною». Оттого и гора эта зовется «дытынцемъ». Богъ покаралъ за это ревниваго старика: онъ погибъ въ войнѣ, которую велъ противъ Шведовъ.

Разсказъ этотъ, который удалось намъ слышать въ Свырьдовкѣ, отъ лица, близко стоящаго къ сельскому населенію, очевидно пріуроченъ къ мѣстности, называемой Мазепинымъ замкомъ. Что въ немъ есть правдоподобнаго и насколько вѣрно присвоеніе имени Мазепы городку у Свырьдовки, — пусть рѣшаютъ историки и археологи.

А. Русовъ.

149. МАЗЕПИНЪ ДОМЪ *).

Къ числу историческихъ памятниковъ XVII столѣтія въ Черниговѣ самымъ сохранившимся и примѣчательнымъ по своей архитектурѣ и крѣпости постройки можно отнести домъ, — бывшая войсковая канцелярія, Гетмана Малороссіи, Мазепы. Лежитъ онъ въ южной окраинѣ города на природной сплошной грядѣ, которая тянется вплоть до Днѣпра, параллельно такъ называемому «старому шляху» кievскому.

*) Благодаря любезному согласію г-на Журавскаго, перепечатаваемъ №№ 149—152 изъ его книжки „Народныя легенды. I. К. Журавскій. Черниговъ, 1890 г.“ а №№ 153-й изъ іюньской книги Кіевской Старины“ за 1893 г. Г-нъ Журавскій придалъ слышаннымъ имъ преданіямъ стихотворную форму. Было-бы весьма желательно, чтобы кто либо записалъ эти преданія точными выраженіями разсказчиковъ и доставилъ свои записи для напечатанія въ нашемъ изданіи.

Каждый историческій памятникъ имѣеть свои народныя преданія и легенды, тѣсно связанныя съ исторіею тѣхъ лицъ, коимъ они, эти памятники, принадлежали, или въ память которыхъ воздвигнуты. Въ числѣ легендъ дома Мазепы существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной дѣвушки (Кочубей—какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ Гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе, что душа (проклятая) осуждена стеречь клады, спрятанные Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи,—клады (скарбы), взятые имъ у полковника. И вотъ душа, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подь «Пречысту» блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осѣнили ее святымъ крестнымъ знаменемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери.

Легенда. У Пречысту саме въ пивничъ, якъ ще пивень не спивае, вкругъ будынку гетманського якась постать похожае... Вся въ золоти... довги косы, мовъ гадюкы зъ плечъ спадають; биле чоло—розубрано клейнодамы, що й такъ сяють. Ти клейноды такъ и зорить, вылыскують въ ночи темной... (Люде кажутъ, що то скарбы ти—що Гетманъ позаховавъ..) Ходыть постать, кого стрине, просыть вняты ййи мукамъ и хрестомъ святымъ преславнымъ охрестыты... (знять покуту.)

Преданіе. Кажуть: здавна, якъ той Гетманъ, що згубивъ Украйны славу, якъ съ своими козакамы утикавъ винъ у Молдаву,—съ тый поры и постать-видмо въ льохахъ темныхъ все блукае, а на пивночъ у Пречысту вкругъ будынку похожае... Стерегты вона ти скарбы за покуту тяжку мусыть... Тылькы разъ въ кожду Пречысту знять хрестомъ покуту просыть...

Бо якъ хто хрестомъ преславнымъ благословить клятву душу, то ти скарбы и клейноды генъ розсыпатыся мушуть...

Существуетъ еще разсказъ, слышанный мною отъ крестьянъ с. Золотинки. Указывается мѣсто между сс. Слабинымъ и Козерогами—на поляхъ отрыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по разсказамъ стариковъ) женскую «постать» всю въ золотѣ, «такъ и йсея», по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: душа-ли то «заклята» или кладъ въ образѣ существа.

Сходство двухъ разсказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ-же:

А якъ третій (*) заспивае, съ тяжкымъ стогномъ: «Хреста!» въ льохахъ темныхъ пропадае...

150. ЧОРНА МОГИЛА. **)

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ въ Черниговѣ курганъ, стоящій въ сѣверо-западной части его, во дворѣ нынѣшняго духовнаго училища.

Преданіе объ этой могилѣ чисто народное и сохранилось оно до нашего времени еще настолько, что народъ, ожидавшій увидѣть во время раскопокъ «волшебницу-бусурменку», похороненную здѣсь, по окончаніи раскопокъ могилы, когда въ ней ничего не было найдено, разошелся съ тупымъ, упорнымъ сознаніемъ, что—«не даецця... безъ хреста ничего не буде... увійшла у землю...»

*) Пивень.

**) Названіе „Чорна“ означаетъ символъ, противоположный символу св. креста; отсюда „Чорна могила“, т. е. не освященная крестомъ, знаменемъ. І. Ж.

Преданіе. Найихали зъ за полудня гости непрошены... Ой не гости—орда клята, бусурмены нехрешены. Та не зъ ханомъ бородатымъ, а изъ съ ханшей молодою, уродливою, презлющей, чаривныцей проклятою... Ой у церквахъ поганыйи копей понасають, на эвангельи святому овса засыпають...

Ой не витерь доли віе, то стогне, завывае... Плаче бидна зъ жалю маты, по дытны упадае... По городу зъ гайдукамъ люта ханша розйизжае, малыхъ дитокъ копытамы знарочыто розчавляе... Ой учуе те владыка, зъ монастыру вырушае, а на зустрічъ йому ханша глүзуючы выйизжае та на коню на воронымъ шыпаецця, грае; преподобный пихотою зъ молитвой поспышае... Якъ зустрілись—ошатнувся самъ Владыка Преподобный; отшатнувся и наперснымъ вдарывъ *) кляту бусурменку. Застогнала... Повалылась, почорнила вража сыла; такъ у землю й провалылась... Ажъ пидъ нейю загуло.

Дни и ночи йлютувалы у городи нехрешены, людей биньмы тратувалы, розпыцалы бусурмены. Здовольнылысь... Насыпалы високу могылу на тымъ мисти де пропала бусурменська вража сыла.

151. ПРЕДАНИЕ О ДУВѢ, НАСАЖЕННОМЪ ПРЕПОДОВНЫМЪ АНТОНІЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ ВЛИЗЬ ЦЕРКВѢ СВ. ИЛІИ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Съ боку холма, на которомъ находится церковь св. Іліи, растеть старый, почти засохшій громаднѣйшихъ размѣровъ

*) Характерное народное выраженіе—„ударывъ наперснымъ“—понимается не въ точномъ значеніи этого слова—ударивъ, а въ переносномъ: ударивъ—приподнявъ крестъ, какъ-бы ограждая себя отъ грозящаго предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ призывая въ защиту силу святыхи того-же креста.

дубъ. Изъ корня выросло три совершенно отдѣльныхъ ствола, каждый въ полтора человѣческихъ обхвата; два изъ нихъ совершенно высохли, третій еще зеленѣетъ. Дубъ этотъ слыветъ за святыню, съ него берутъ кору, считая ее цѣлебной.

Преданіе. По на горахъ зъ по за лису свята церковь выглядае, коло нейи та тройчатый дубъ велькый поростае... Насадывъ той дубъ преславный самъ Антоній Преподобный, якъ и зъ братьей у печерахъ проживавъ винъ, богозбранный... (Дубъ могучый—слава виры, що Хрыстомъ на землю дана; а тройчатый—слава Троицы Пресвятой, непрестанна...) Вмеръ Антоній, у Києви його въ Лаври поховано; выростае же дубъ на славу, бачывъ вику винъ чымало! Бачывъ винъ, якъ церкву Божу нехрещены рабувалы, якъ иконы пресвятыи Бусурмены зневажалы... Чувъ и бачывъ: обступылы його самого зрубаты; нехрещены память ченця хтылы зъ дубомъ доконаты... Обступылы, собырамы бьють по дубу—«стыльки стогне»—поламалы ий сокиры. (А на дуби кровь холоде...) Отжахнулысь бусурмены, бачуть—чудо Бога Вышнихъ!... Розбижалысь нехрещены...

И стойить ще й доси (въ память) вже застарый, пошарпанный—дубъ тройчатый та похылый за (святыню) шанованный... Видусиль збиралысь люде у печеры помолытысь, зъ дуба взять коры цилющей видъ хворобы поличытысь.

152. МОНАСТЫРЬ СВ. ТРОИЦЫ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Монастырь Св. Троицы, съ небольшою церковью Св. Ильи, расположенный на возвышенности, посвящей прежде названіе Балдиныхъ горъ, принадлежитъ къ числу древнихъ историческихъ памятниковъ, относящихся еще до времени господства Татаръ. Преданіе сохранило рассказъ о спасеніи отъ

Татарь въ одинь пзъ набѣговъ на Черниговъ Троицкаго монастыря чудомъ Божьей Матери, вызваннымъ молитвами одного старца-монаха, имя котораго въ преданіи не уцѣлѣло.

Преданіе. Темна хмара ростягнулась, небо закрывае; на монастырь орда-хмара видъ полудня настунае... Орда городъ заступае, зрабувала церкви; скаженіе и люте въ червонимъ бенкетн. У пожежи весь палае городъ, (хмару нагривае); орда риже и мордуе у новолію забирае... Здовольнылась орда хмара городъ рабуваты, потягнула на монастырь святой руйнуваты... У монастыри святому ченци Бога молятъ, молятъ Тройцу Пресвятую стать имъ въ оборону. Тыльки старецъ преподобный занедужавъ, не выходить и й у келіи свойй маты Божу мольтъ. Винъ молывся не за себе, а за „церковку“ святую, щобъ не дала Божа Маты тамъ иконы зневажаты. Заступыла Божа Маты и прыказуе старому: йты церковь ратуваты, орду прогонаты... И выдужавъ старецъ сывый, вышовъ зъ келіи святойи—попрочатъсь, помолытысь разомъ зъ братьею своею... Помолывшысь, попрошався, вышовъ глянуть за монастырь, а тутъ орда обступыла — «ратуй церкву, Божа Маты!» И о чудо! Свята церковь въ землю заховалась, а орда якъ божевильна генъ порозбигалась...

Разсказывається еще въ преданіи, что скрывшаяся подъ землю «церковка» появилась снова въ день св. Ильи, почему будто и названа Ильинскою—во славу этого пророка. Преданіе это исключительно относить къ св. Троицко-Ильинскому монастырю нельзя, ибо передававшіе этотъ разсказъ монахи (одинъ старикъ и другой—Харьковскаго Куряжскаго монастыря) спорили: одинъ относилъ его къ церкви св. Ильи, а другой къ Елецкому Монастырю—къ какой-то капличкѣ—«церковкѣ», въ которой хранилось чудотворная икона Божьей Матери, нынѣ обрѣтающаяся въ Харьковѣ. Въ мѣстномъ преда-

ни, насколько удалось его прослѣдить и разузнать, дѣйстви-тельно подтверждается фактъ исчезновенія и появленія церкви, какой — неизвѣстно.

153. ПРЕДАНИЕ О ВОЛОТѢ „ЗАМГЛАЙ“ *).

Проѣзжающему по шоссе, что соединяетъ два губер-скихъ города, Черниговъ и Могилевъ, верстахъ въ 40 отъ перваго, съ обрыва открывается безконечная даль. Предъ вами цѣлое море зелени самой разнообразной и по характеру и по колориту, кое-гдѣ перебитой словно серебряными блестками — узкими свѣтящимися полосками воды; а тамъ... далеко на горизонтѣ синева сосновыхъ лѣсовъ, мягкая бархатистая, приятно ласкающая глазъ, и нѣтъ, кажется, конца ей!... Предъ вами болото — «Замглай!»

Было когда то время на этомъ широкомъ, теперь цвѣ-тистомъ, коврѣ несла свои воды широкая и глубокая рѣка. Кишѣла по берегамъ ея жизнь — торговля, судоходство..., но это же самое время затерло слѣды этой жизни, оставивъ лишь жалкіе остатки догадокъ о быломъ.

Много-ли могутъ сказать намъ теперь находимые по берегамъ Замглая остатки: якоря, сгнившія бревна съ боль-шими двойными гвоздями такъ наз. сшивами, и другія мел-кія принадлежности мелкихъ судовъ?!

Вѣка прошли... Дѣды отошли въ область забвенія, но внуки ихъ и дѣти твердо помнятъ, держатъ въ завѣтѣ ихъ слово живое — это «казки батькивъ»; и вотъ въ этой народ-ной сокровищницѣ сохранилось преданіе о рѣкѣ Замглай — объ ея ширинѣ и глубинѣ.

*) Болото Замглай находится въ Черниговской губ. Городнянскаго уѣзда.

Записывая это преданіе отъ старика-крестьянина, я не имѣлъ совсѣмъ въ виду впослѣдствіи излагать его въ стихотворной формѣ. Сами собой вылились эти стихи и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая то гармонія въ самомъ разказѣ старика, самъ собой сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова.— Старикъ разказчикъ—крестьянинъ, дворовый человѣкъ, побывавшій съ своимъ бариномъ въ качествѣ деньщика въ Варшавѣ, отчего и слышны слова, занесенныя съ польскаго языка.

Вотъ что гласитъ эта легенда:

«Було колысь!... Текла отутъ широка быстрая вода; у море гевъ а мо' въ Двипро зносыла хвыли... И здаля бувалы тутъ и байдакы, байдары, судна... А теперь усе повіялось кудысь. Замглай широкий пересохъ; зарпсь ракитою, лозою и лисомъ-боромъ въ берегахъ. Багно та нетры,—де вночи блука голодный вовкъ, гуде, шука пожывы; а удень щебечуть пташкы у куцахъ, куде зузуля на верби; та часомъ чайка надъ багномъ заквылыть жалибно отакъ и понесе той сумъ луна далеко въ нетры та и тамъ загубыть десь... Вгори орелъ лита вкругы, мовъ зорить винъ широкий, дужый та рясныи весной заквитчаныи Замглай—зелене море; и по нимъ де-де маячать викови столитни сосны, мовъ свидкы колышней славы та жыття...

Було колысь!... Де бувъ Замглай, теперь тамъ нетры та багно. Таке зробыла удова за смерть свой ридній дочки. Давно-давно було колысь! Жыла въ сели соби вона; того не знаю: де и якъ,—по надъ Замглаемъ тилько тутъ зъ дочкою гарною такой, що слава та росла шо-день и розійшлась, якъ мовъ весной самъ дужый той Замглай не плывъ. Вдова уродою дочки пышалась дуже, берегла ййи якъ око!...

Хто-жь те зна—де горе ходить?—а бува його не ждалы, а воно отутъ, якъ тутъ!... У ричци вразъ дивчата тамъ купалысь вси, утопла вдовына йидна...

Ой не чайка ранымъ-рано стогне-вудыть надъ Замглаемъ; плаче бидна удивонька, свою доню выглядае... День вже третій, а ще й доси,—якъ утопла, не зрынае; бидна маты зъ горя того що робыты вже не знае... И не плаче, бо и слезы дрибни зъ горя вже не ллюця; и не стогне, бо и сердце вже у грудяхъ мовъ не б'єцця...»

И сидить б'єдная мать, дожидая, что выдасть р'єка т'єло ея дочери. Отъ изнеможенія она почти застыла; восходящее солнце будать ее, съ жалобою обращается она къ р'єкѣ:

«Ой ричко широка зъ далекого краю, ой ты и глубока, тебе-жь я не знаю! Ой я тоби, ричко, *даньку* носыла, ой за що-жь ты доню мою утопыла?... Де-жь ты мою доню, де ты заховала, чомъ разомъ изъ нею мене ты не взяла? Ой ридный Замглаю, широкий та дужый, не вынесешъ дони,—возьмы мою душу!...»

Напрасны мольбы б'єдной матери,—отв'єта н'єтъ! Гуляетъ лишь в'єтеръ сердитый, нав'євая ей черныя мысли, да—

«Ходыть хвыля по Замглаю, у просторомъ звай гуляе; одна другу гень у море ажъ у сыне зазывае... може доси дивчыньку въ саме море вже й заслала, або може уродлыву въ очеретахъ заховала?! Або може русалочки на гуляночкахъ за косы, за шовкови, дивчыньку у корчагы за-таскалы... А тамъ рыба, тамъ йий п'єявки, тамъ и раки доси выплысь...»

Бидна маты! твой дони вся краса вже помарнила. Посыниле биле лычко; ой закрылысь ясни очи! Уже й не зглянуть, не зазорять та й никому середъ ночи...»

Другой вариантъ исчезновенія тѣла гораздо интереснѣе.

«Ой не плачь ты, удово, не диждешся, бидна! Десь краса твой дони Замглаю прыхыльна... незабаромъ межъ нымы найкращу винъ зъочывъ; бачъ, гуляе вже старый тры дни и тры ночи. Розгулявся шырокий, радіють йій хвыли! Не йидну вже й байдару розбылы, втопылы. А твою, мабуть, доню сховавъ десь глыбоко; ой не зглянуть, удово, тоби карооку!...»

Этой картины сердце матери не въ состояніи вынести; оно отъ боли нестерпимой залилось желчью. Въ ней пробуждается жажда мести. Но чѣмъ же мститъ рѣчкѣ—неодушевленному, недоступному никакимъ страданіямъ предмету? И вотъ тутъ-то мать своею внутреннею силою души («сама по соби») обращается въ «чаривныцю», чтобъ своею властью быть въ состояніи сдѣлать зло. Она заклинаетъ рѣку, т. е. съ проклятіями соединяетъ дѣйствія.

Она бросаетъ въ рѣчку слѣдующіе предметы:—*миску* или вообще какую нибудь плоскую посуду, *) повторяя при этомъ слова проклятія: «ой будь же проклята ты, ричко шырокая, глыбокая! будь проклята ты до вику, до страшного вуду!» *лозовую палку*,—отчего рѣка поростаеъ лозой и, наконецъ, *чесальный гребень* (какимъ лень чешутъ),—отчего рѣка заростаеъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ; и каждый разъ повторяетъ слова проклятія.

Проклятіе матери—«чаривныци» сбылось; такъ гласитъ народное преданіе... И дѣйствительно еще и теперь стоятъ по Замглаю лѣса—дремучіе боры.

Изъ другихъ остатковъ старины сохранились по берегамъ Замглая такъ наз. «Городки»,—это возвышенныя про-

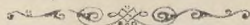
*) Отъ этого рѣка мелѣеть.

странства, окруженный ровомъ и валомъ съ однимъ или двумя выходами. Еще на памяти дѣдовъ, передававшихъ мнѣ рассказъ крестьянъ, городки эти были заняты шайками разбойниковъ подъ предводительствомъ атамановъ, прозванныхъ почему то очень своеобразно—*телепнями*; разбои свои они совершали оригинальнымъ образомъ: шайка располагалась «курень» возлѣ «шляха», и, какъ знакъ своего господства, телепень выставлялъ на дорогу булаву или копьё; всякій проходившій или проезжавшій обязанъ былъ зайти въ курень атамана «поклониться»—т. е. заплатить дань. Кто не исполнялъ этого и проходилъ мимо, тотъ подвергался совершенному ограбленію, въ назиданіе другимъ.

Телепень, по народному повѣрью, считался знахаремъ и былъ заговоренъ отъ пули и отъ другихъ «напастей».

Разсказчики, старики—крестьяне, хвалились, что ихъ предки—дѣды считаются освободителями окрестныхъ селъ отъ шайкъ разбойниковъ. Дѣло было во время ледохода. Повстрѣчались на мосту главный телепень и крестьянинъ и поговорились; послѣдній, угнувъ минуту, ударилъ сзади телепня дощечей, отчего тотъ свалился въ рѣку и льдомъ затерло его. По смерти главнаго телепня шайки разбѣжались.

И. Журавскій.

XIII.

СКАЗКИ ФАНТАСТИЧЕСКІЯ, ИГРА СЛОВЪ И ОСТРОУМІЯ.

154. ВЕДМИДЬ, ДИДЪ ТА ЛЫСЫЦЯ.

Гвалысь охотныкы за ведмедемъ, а ведмидь прыбигъ до
дида та й каже:

— Диду, диду, сховай мене!

Дидъ исховавъ його пидъ возомъ; прыбиглы охотныкы,
пытають, чы не було тутъ ведмеда; дидъ каже, що не ба-
чывъ. Тилькы одійшлы охотныкы, а ведмидь и каже:

— Диду, диду, я тебе ззимъ! Диду, диду, я тебе ззимъ!

А лысыця вылезла зъ норы та й каже:

— Ди-иду!

— Чо-го?

— Що въ тебе пидъ возомъ?

— Ко-олодочка.

— Якъ-бы колодочка, то-бъ на вози лежала.

— Положы мене, диду, на визъ,—каже дидови ведмидь.

Дидъ и положывъ його на вози. А лысыця вылезла зъ
норы та й каже:

— Ди-иду!

— Чого?

— Що въ тебе на вози?

— Колодочка.

— Якъ-бы колодочка, то бѣ увязана була.

— Увьяжы мене,—каже ведмидь дидови.

Дидъ увязавъ. Лысыця вылизла зъ нирѣы та й каже:

— Ди-иду!

— Чо-ого?

— Що въ тебе на вози?

— Ко-олодочка.

— Якъ-бы колодочка, то-бѣ собыра стремила.

— Ну, востромляй, диду, та помаленьку,—каже ведмидь.

Дидъ якъ рубонувъ його по голови, такъ и розвалывъ черепъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумского у. Харьк. губ.)

Рудченко, Сказки, I, № 8. Лысыця, ведмидь и мужыкъ.

155. ЯТЛЫКЪ — КУМЪ И ЛЫСЫЦЯ — КУМА.

Вывивъ ятлыкъ дитокъ и забажавъ винъ йихъ похрестыть.

Отъ летыть та: «никъ-пиеъ! хто буде мени кумою—хто похрестыть мени дитокъ?»—«Я буду кумою, я похрещу дитокъ!» озвалася лысыця. Отъ и повивъ ййи ятлыкъ до своего гнизда. Лысыця й каже: «леты-жъ ты, ятлыку, въ лись, а я сама буду хрестыть!» Ятлыкъ и полетивъ.—Лысыця скороишь до гнизда та за ятлынятко... потимъ за друге, трете, такъ йисть!... Ятлыкъ прылетивъ та й пытаецця: «а що, вже похрестыла?»—«Та вже похрестыла, тилькы одно осталось!» Ятлыкъ хотивъ подывыцця, якъ вона тамъ ихъ хры-

стыть, та й глянувъ до гнизда, — коли лысычка уже останне держыть у роти; ятлыкъ якъ заплаче!...

Отъ ставъ винъ тоди думать, якъ-бы оддячыть за це лысыци, и надумавъ...

Заразъ полетивъ до хорта та й каже йому: «піймай лысыцю, я покажу тобі ййи нору!» — «Нагодуй хыба мене, такъ тоди піймаю!» — одмовывъ хортъ. — «Нагодую!» — сказавъ ятлыкъ, — «иды тилькы за мною!» Отъ и пішли; коли це несуть бабы на базарь пырогы, паляныци, сметану. Ятлыкъ сивъ попередъ бабивъ та й скака.

Бабы поставлялы все та й ловлять ятлыка; вони такъ близько до його надійдуть, то винъ тоди й підлетыть трохи; бабы вп'яять за нимъ; а хортъ йисть, йисть усе.

Ятлыкъ глянувъ назадъ, коли вже хортъ стоить — не хоче йисти. Винъ прылетивъ до його; хортъ каже: «теперь же мене напій!» — «Напою; тилькы йды за мною!» — сказавъ ятлыкъ.

Отъ и полетивъ ятлыкъ на панську загороду; коли тамъ коровныци саме доили коровы та й идуть зъ молокомъ. Ятлыкъ сивъ напередъ ихъ та й скака; коровныци поставылы дйныци та й стали ловыть ятлыка; отъ-отъ піймають, а винъ и підлетыть трошкы; коровныци вп'яять за нимъ; а хортъ глыта, глыта молоко. Якъ хортъ напывся молока, ятлыкъ прылетивъ до його та й пішли вони шукать лысыцю. Ятлыкъ скоро лысыцю знайшовъ; хортъ и погнався за нею; отъ-отъ дожене... лучылось бигты йимъ черезъ дорогу, а тамъ стоявъ зъ возомъ чоловікъ; винъ побачывъ лысыцю та й кывувъ на нейи дрючокъ; не понавъ лысыцю та хорта и вбывъ...

Ятлыкъ якъ почавъ тоди плакати!... Та й каже чоловікови: «на що ты вбывъ хорта? я теперь тобі все побью!» Та заразъ скочывъ на кобылу та й клюе въ лобъ. Чоловикъ злякався та за сокыру та й хотивъ ударыть ятлыка, ятлыкъ пурхнувъ, а чоловікъ кобылу... и

вбывъ. «А що!»—крыкнувъ ятлыкъ и полетивъ до хаты того чоловика; чоловикъ и соби додому. Ятлыкъ сивъ на виено та й клюе, а чоловикъ хотивъ его вдарыть та й выбывъ викно... Ятлыкъ тоди сивъ на голову дытныни та й клюе; чоловикъ хотивъ одигнать його та й кынувъ палку та по дытныни и вбывъ. Чоловикъ ставъ плакать.

Ятлыкowi стало жалъ того чоловика, винъ и полетивъ та бильшь и не займавъ його.

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда, въ 1885 г.)

156. ДИДЪ ТА ВАБА.

Ягъ живъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бивъ, бивъ—не розбивъ, баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть. Прылетила сорока та й пытае у воритець: «воритця, воритця, чого вы скрыпочете?» Воритця й кажутъ: «ягъ-бы ты знала, то-бъ на соби пирьячко обирвала!»—Ягъ?—«А такъ: ягъ живъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бивъ, бивъ—не розбивъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Сорока й обирвала на соби пирьячко та й сила на дубочка; а дубочекъ и пытае: «на що ты, сороко, на соби пирьячко обирвала?»—Э, ягъ-бы ты знавъ, то-бъ на соби гиллячко опуствывъ и лыстячко обирвавъ.»—Ягъ?—«А такъ: ягъ живъ соби дидъ

та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидь бивъ, бивъ—не розбивъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидь плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Дубокъ и опустывъ гиллячко и лыстячко на йому обсыпалось. Пасся баранецъ пидь дубкомъ и пытае: «дубочокъ, дубочокъ, на що ты на соби гиллячко опустывъ?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ и рижкы позбывавъ.»—Якъ?— «А такъ: якъ живъ соби дидь та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке, дидь бивъ, бивъ—не розбивъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидь плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ баранецъ и позбывавъ на соби рижкы та й пишовъ до крыныци пыты воды; а крыныци й пытае: «баранецъ, баранецъ, на що ты на соби рижкы позбывавъ?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и замуравылась!—«Якъ?»—А такъ: якъ живъ соби дидь та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидь бивъ, бивъ—не розбивъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидь плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ крыныци й замуравылась. Прийшла попова наймычка воды браты до крыныци та й пытае: «крынычко, крынычко, чого ты замуравылась?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и видра побыла!—Якъ?— «А такъ: якъ живъ соби дидь та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидь бивъ, бивъ—не розбивъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидь плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Наймычка

й побыла видра. Прыходе до дому, а попада й пытае: «на що ты видра побыла?»—Э, якъ-бы вы знали, то-бъ и косы на соби обирвалы!—«Якъ?»—А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба та була въ йихъ курочка ряба; та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ попада и обирвала на соби косы, а пинъ и пытае: «На що ты на соби косы обирвала?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ усихъ святыхъ зъ церкви повиносывъ и людей повиганявъ». —Якъ?—А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба та була въ йихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось. Дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ пинъ и повиганявъ людей изъ церкви и всихъ святыхъ повиносывъ.

(Записано отъ парубка въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.)

Сравни.: Манжура, «Сказки», стр. 6.

157. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ, ЩО ПОВЫВЪ ЗМІЙИВЪ.

Бувъ соби чоловікъ та жинка, а у йихъ була кобыла; отъ жинка породыла сына, а кобыла привела конька; чоловікъ и подарувавъ сынови те лошятко, а самъ незабаромъ умеръ. Рoste той хлопчыкъ, росте й кинь, и вырисъ хлопчыкъ уже такый, що ставъ у школу ходыть; у школу йде, то зайде до коня и зъ школы йде, то зайде. А до тіей жинкы та литавъ змій; отъ винъ разъ прылетивъ та й каже:

— И литавъ-бы я до тебе, такъ боюся твого сына й духу; якъ-бы його звесты, тоди-бъ литавъ.

— А якъ же його звесты?

— Я дамъ тобі сала, то ты навары йому борщу съ тымъ саломъ, то такъ и вмере.

Давъ змій сала.

Отъ иде той хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь за копыта въ землю вбывся; хлопець ставъ його лаять.

— Не лай мене,—каже кинь,—якъ мени не вбывацця, колы я потугу чую.

— Яку-жь ты потугу чуешъ?—пыта хлопець.

— А таку: якъ насыпе маты тобі борщу, то ты не йижъ та за вишко выльй, бо якъ попойисы, то билшъ тобі не жыть.

Насыпала маты борщу; отъ хлопець не йивъ та й выльвъ за вишко; де не взявся собака, попойивъ того борщу та заразъ и пропавъ; иззивъ хлопець шматокъ хлиба та й пишовъ, заплакавши, съ хаты. Прылетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Выльвъ борщъ за вишко, а собака попойивъ та заразъ и здохъ.

— Ну, я тобі дамъ порошокъ, то ты всыпъ йому у чай.

Ишовъ хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь по колена вбывсь у землю; хлопець ставъ його лаять.

— Якъ мени не вбывацця, що я потугу чую,—каже кинь.

— Яку-жь ты потугу чуешъ?

— Якъ будуть тобі подаваты чай, то ты не пый та за вишко выльй.

Увійшовъ хлопець у хату; йому маты й поставыла чаю; отъ винъ не пывъ та й выльвъ за вишко; де не взявся

собака, полызкавъ, полызкавъ та заразъ и здохъ; а хлопецъ иззивъ шматокъ хлеба та й пишовъ, заплакавши, съ хаты.

Прылетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Выльвѣ чай за викно, такъ собака полызкавъ та тамъ и здохъ, — каже жинка.

— Ну, я тоби упъять дамъ сала, то ты йому нанечешъ пырогивъ.

Иде хлопецъ изъ школы та й зайшовъ до коня; ажъ кинь по черево въ землю вбывся; хлопецъ ставъ його лаять.

— Ягъ мени не вбываця, колы я потугу чую! — каже кинь.

— Ягу-жъ ты потугу чуешъ? — пыта хлопецъ.

— Ягъ подасть маты тоби два пырогы: одинъ велькый, а другый маненькый, то ты маненькый иззижъ, а велькый за викно выкынь.

Увйшовъ хлопецъ у хату, маты й подала йому два пырогы: одинъ велькый, а другый маненькый; отъ вивъ маненькый иззивъ, а велькый за викно выкынувъ; де не взявся собака, иззивъ той пыригъ та заразъ и пропавъ; а хлопецъ заплакавъ та й пишовъ съ хаты. Отъ змій прылетивъ та й пыта:

— А що?

— Маненькый иззивъ, а велькый за викно выкынувъ.

Тоди змій и догадався, що то все кинь каже, та й каже:

— Треба коня попереду звесты, а тоди й його не трудно буде.

Отъ маты прыставылась хворою та й каже:

— Ягъ бы ты, сыну, заризавъ коня та помазавъ його сердцемъ проты мого сердца, то я-бъ одужала.

— Ну, мамо, хочъ пройду я на йому по двору, а тоди й заризу.

Маты вийшла съ хаты на поригъ, а сынъ пройихавъ разъ та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно,—одказала маты.

Пройихавъ удруге та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно.

Пройихавъ утрете та й пыта:

— А що, мамо, гарно?

— Гарно, сыну.

— Будь-же ты, мамо, трычи проклята!—сказавъ та й пойихавъ зъ двору. Выйихавъ у поле, пустывъ коня, а самъ загорнувсь у шкуру та й лигъ на дорози. Йихавъ царь до-рогою, колы дывыця—лежыть щось у шкури; винъ пид-йихавъ та й пыта:

— Кто тутъ такой?

— Не знаю!

— Кто тутъ такой?

— Не знаю!

— Кто тутъ такой?

— Не знаю!

Царь положывъ його на визъ та й пойихавъ додому, а дома пидкывувъ його пидъ прышчокъ,—тамъ винъ соби й жывъ.

Було у того царя тры дочкы; отъ найменча й полюбыла його. Царь такой тоди ставъ сердытый, каже, що «ничого й не дамъ, якъ за його йтымешъ.»

Колы це переказуе якыйсь змій цареви, щобъ винъ або тры возы золота давъ, або старшу дочку на пожырення. Де скилькы золота взять? стали ййи вырывать. Одправылы молебинь, нарядылы та й одвезлы у поле въ шатро. А Иванъ вылизъ изъ шкуры, выйшовъ у поле та якъ свысне!—прыбигъ до його кинь; винъ сивъ на його та й пойихавъ до шатра; увйшовъ у шатро та й каже царивни:

— Ськай мени у голови, а якъ буде гремитъ та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкнешъ мене у бикъ шыломъ, щобъ я прокынувезя.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугонить, якъ посыплюцця гыскры,— царивна й стала плакать; сльоза впала на лице Иванови, а винъ и прокынувезь. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня.

— Завоня ще ё съ тебе!

Отъ и пишы на гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и ничого, а якъ ударывъ Иванъ змя, такъ по колива вбывъ у землю. Якъ ударывъ змій, такъ тилкы по кисточки вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змя,— такъ по поясъ вбывъ у землю. Якъ ударывъ утрете змій, такъ по колина вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змя, такъ по шыю вбывъ у землю и голову йому одрубавъ. Царивна тоди и перевъязала йому руку червоною стьожкою, а винъ пишовъ додому, загорнувезь у шкуру та й полизъ пидъ прыпичокъ.

Колы це прысылае другый змій, що хочъ тры возы золота дай, хочъ середульшу дочку на пожыренія. Сталы выряжать, зибралы родычивъ, одправылы молебинъ та й одвезлы въ поле у шатро. А Иванъ вылизъ изъ шкуры, выйшовъ у поле та якъ свысне!—прыбигъ кинь, винъ сивъ на його та й поихавъ до шатра; увійшовъ до царивны. та й каже:

— Ськай мени у голови, а якъ буде гримотить та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкны мене пидъ бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугонить, якъ загуде, якъ посыплюцця гыскры,— царивна й стала плакать: сльоза впала на лице Иванови, винъ и прокынувезь. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Отъ и пишли на камъяну гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и ничого, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по колина вбывъ у каминь. Якъ ударывъ змій удруге, такъ тилкы по кисточки вбывъ у каминь, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по поясъ вбывъ у каминь. Якъ ударывъ тоди змій, такъ тилкы по колина вбывъ у каминь, а якъ ударывъ той змія, такъ по шюу вбывъ у каминь и голову одрубавъ. Царивна перевъязала йому руку зеленою стьожкою, винь и пишовъ додому.

Колы це прысылае третій змій, що або тры возы золота, або найменчу дочку на пожьренія. Царевнѣ не жаль йиіи було, винь и молебниа не одправывъ, такъ и одвизъ у поле. Иванъ выйшовъ у поле, свыснувъ, прыбигъ кинь; винь сивъ на його, прыйхавъ до шатра, тоди увійшовъ туды та й каже:

— Съкай мени у голови, а якъ буде гримотить та гыскры сынатумуцця, то ты штрыкны мене пидь бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ загримотить, якъ посыплюцця гыскры, вона й стала плакать; сльоза внала йому на лыце, винь и прокынувся. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Отъ и пишли на чавунну гору быцця. Якъ ударе змій, такъ сразу вбывъ по колина въ чавунъ, а Иванъ якъ ударывъ, такъ и ничого; а змій якъ ударывъ, такъ по поясъ вбывъ у чавунъ. а Иванъ якъ ударывъ, такъ тилкы по кисточки вбывъ змія у чавунъ; а змій тоди якъ ударывъ, такъ по поясъ и вбывъ у чавунъ. Иванъ тоди впъять якъ ударывъ, такъ по колина вбывъ змія у чавунъ; а змій якъ ударывъ,

такъ по шью вбивъ у чавунъ. Винъ тоди дывиця, що
лыхо, такъ якъ плыгнувъ на змя, такъ його й затоптавъ.
Царивна й перевязала йому руку голубою стьожкою.

Винъ пишовъ додому, зализъ пидъ прыпичокъ та й
высунувъ незнарошне руку видтиля, а на тій руди три
стьожкы. Старша царивна побачыла та й каже:

— Ось де та стьожка, що я перевязала, ось идить!

Середульша царивна прыйшла та й каже:

— А ось та стьожка, що я перевязала!

А найменша каже:

— А ось де та, що я перевязала.

Сказалы цареви; царь такый радый и дочку тоди вже
одавъ за його; живутъ вони соби и хлибъ жууть.

(С. Нижняя Сыроватка Харьковск. губ. Сумскаго у. отъ дивчины.)

158. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ.

У якомусь царствѣ та жывъ царь изъ царыцью и въ
йихъ була дочка, и тій дочци сказано, що у ейи родыця
сынъ. Колы вона й родыла, а царь изъ царыцью ййи и
прогналы: дали ййи того сына на плечи, руки поодризу-
валы и сказалы, щобъ вона ишла одъ йихъ и щобъ вона
бильше не верталась.

Отъ, вона взяла того сына на плечи у торбынку и
ишла. Иде вона та й иде,—колы крыныця выкопана у земли.
Ййи схотилось дуже пыты; вона ишла и зачала пыты,—
колы ййи сынъ у торбыни крычыть:

— Добре здоровья, мамо! А умочы лышь руки у кры-
ныцю свойи!

Вона вмочыла и сталы у ейи руки. Вони тоди ишлы
дали. Идутъ та й идутъ,—колы стойить здоровый лисъ, а

въ тому лиси стойить такый домъ здоровый та гарный. Воны тоди пишли у той домъ, — колы нема никого: воны й зачалы тамъ жыть.

Жывутъ тамъ та й жывутъ... А тому Иванови (його було звать Иванъ) и схотилось побачыть, що у хазяйстви е. Винъ и пишовъ. Ходе скризь тамъ и зайшовъ у хливець лычкомъ завъязаныи, а каломъ замазаныи, и дывыцца, колы тамъ на дванадцаты цѣпахъ высилы дванадцать головъ змиевыхъ, и пидъ ными стойить видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ його, и зачавъ його просыть, щобъ давъ йому выпыть видро воды и кровь, а винъ видказавъ:

— Не я ставлявъ, не я буду й давать!

Узявъ та й пишовъ, а ти двѣри знову зачынывъ, лычкомъ завъязавъ и замазавъ.

Той Иванъ часто ходыть на охоту и матери усе прыказуе, щобъ вона не йшла туды, де лычкомъ завъязано, а каломъ замазано. Отъ, винъ пишовъ на охоту и довго барывся, а маты його ходыла, гуляла скризь, а потимъ и подумала: «шо я за дурна, шо не пиду я туды!» И пишла туды. Колы прыходыть туды и бачыть, — змій высыть на дванадцаты цѣпахъ и въ його було дванадцать головъ, а пидъ нымъ стояло видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ ййи, то й зачавъ ййи просыть, щобъ вона йому подала воду й кровь. Вона йому подала, и винъ якъ выпывъ, то ставъ такый гарный, що маты Иванова його дуже полюбыла и почала изъ змиемъ балакаты, щобъ Ивана съ свиту звесты. И прыдумалы:

— Давай мы його пошлемо по перетни, що миждо двома горами, а ти горы бьюцца одна объ одну, а поломня йде до небесъ.

Колы се прыходыть Иванъ изъ охоты, маты його лезыть така наче хвора и каже йому:

— Пойди, мій сынку, де гора зъ горою б'юцця, а поломня иде до небесъ,—тамъ есть перстеныкы, и ты добудь мени йихъ, и може я выдужаю.

Иванъ зачавъ збирацця у дорогу и пойихавъ. Коли винъ йиде та й йиде, дывыцця,—хатка стойить. Винъ увійшовъ у ту хату, дывыцця,—сыдыть дивка и вышывае пошь.

Винъ пидійшовъ до ейи и зачавъ ййи роспытувать, куды дорога до тыхъ гиръ, що б'юцця одна обь одну, а поломня иде до неба.

А вона каже:

— Возьмы мого коня, винъ туды дорогу знае.

Иванъ узявъ того коня и пойихавъ до тыхъ гиръ. Прыйиздыть туды, кинь на його каже:

— А лизь у вуху у праве!

Винъ улизь и вынявъ видтилъ бандуру. Якъ загра,—ти горы и утыхлы, винъ ускочывъ, набравъ тыхъ перстнивъ и пойихавъ. Прыйиздыть до тиейи дивкы, бере свого коня и йиде до дому. Прыйихавъ, дае матери ти перстни, вона йихъ забрала, позакыдала и зновъ занедужала. Посылае ще його по змійяне сала. Винъ зновъ пойихавъ и зайихавъ до тиейи дивкы, роспытуе, куды дорога до змійиноного сала. А вона каже:

— Беры мого коня винъ дорогу туды знае.

Винъ узявъ того коня и пойихавъ шукать змійиноного сала. А той кинь и каже йому:

— Якъ змія мовъ спатыме, то ты ейи не бый, а ягъ не спатыме, то тоди ййи бый.

Отъ винъ такъ и зробывъ: якъ змія не спала, то винъ ййи ягъ ужарывъ, то вона одынадцять сутокъ трусалась, а на дванадцяти суткы здохла. Винъ изризавъ сала изъ змійи и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, дае матери

сало. Вона його десь закинула и сказала, що їй не допомоглося и щоб винъ їй доставъ ведмежого молока. Винъ поїхавъ упрять до тїєї дивки, взявъ того коня и поїхавъ до ведмедици. Приїздыть туды, а кинь каже:

— Выймы шаблю, прыв'язжы до мойихъ ушей и йидь!

Винъ такъ зробывъ, прыв'язавъ шаблю до ушей и поїхавъ. А ведмедиця якъ побачыла и зачала просыть, щобъ воны їйи не рубалы. А воны кажуть:

— Мы тебе не будемъ рубать, а дай намъ свого подію.

Вона їмъ удойила. Винъ узявъ те молоко и поїхавъ на тыхому кони додому (у його кинь якъ ударе копытъ объ копытъ, такъ на дванадцять верстовъ голосу летыть). Приїздыть додому, колы маты держыть голуба, а винъ такый плохий, (а то бувъ змій). Винъ хотивъ його взять у руки,—а винъ вырвався и полетивъ та въ викно (викна булы одчынети) и вылетивъ. Полетивъ та на хливъ и сивъ, а Иванъ за нымъ, шабли не скинувшы. А маты каже:

— Скинь шаблю, а то урижешся.

Винъ скинувъ, а той голубъ перекинувся у змія та й убывъ Ивана, роскыдавъ його кисткы скрызъ по полю. Колы иде тры русалкы. Ти русалкы та булы родычи тїй дивци, що винъ до ейи їздывъ. Отъ одна каже:

— А переступлю я черезъ його по Божому велинію,—чы не сцилыцца?

Переступыла, и винъ исцилывся. Отъ друга каже:

— Переступлю я черезъ його, по Божому велинію,—чы не встане винъ?

Переступыла, и винъ уставъ. А третя каже:

— А ну я переступлю по Божому велинію,—чы не заговоре винъ?

Переступыла, и винъ заговорывъ. Воны тоди понадризувалы нитгыкывъ и злипылы коржыкъ, а потимъ и злилы.

Тоди той Иванъ пишовъ до тѣйи дивкы, оженивсь изъ нею, а потимъ убывъ винъ змїа, а матирь посадивъ надъ двома цебрамы: одынъ одъ його, а другый одъ змїа. И якъ по змїеви буде плакать, такъ змїивъ цеберъ буде повный а колы по йому, дакъ його. А самъ пойихавъ. Трохы згодомъ упгъять вернувся,—колы дывыцця, — змїивъ цеберъ повный. И винъ узнавъ, шо маты його жалила по змїеви, то такъ винъ йїи й оставывъ, а самъ теперь живе та хлибъ жуе та постоломъ воду возе, а коромысломъ дрова носе.

(Записана въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьковской губ. отъ хлопця).

159. ЧУРЫЛО, ИВАНЪ ЦАРЕВЫЧЪ ТА ЕЛЕНА ПРЯКРАСНА.

У якомусь царствї, у якомусь государствї живъ соби Иванъ царевычъ. У його була жинка.

Жинка та Иванова зъ молоду була гарна и смырна, покы у ейи жила сестра Елена, а якъ змїй укравъ ту Елену, а вона заступалась за ейи, то змїй йїи и поробывъ такъ, шо вона стала змїею и стала дуже злою.

Въ тому жъ царствї живъ сылногучый багатырь Чурыло. Отъ Иванъ разъ прыйшовъ до Чурыла, розказавъ йому свою биду и просывъ його, шобъ винъ прыйшовъ до його вночи и провчывъ його жинку, шобъ вона його не была (а вона його все дуже была).

Отъ якъ настала ничъ, Иванъ кудысь заховався, а Чурыло пишовъ до його дому вночи и лигъ спать на Ивановыхъ кроватяхъ. Його жинка думала, шо то прыйшовъ Иванъ, и сунулась на кровати бытъ Чурыла.

Ефименко Андрей

Чурыло якъ схопывъ ййи у свои руки та якъ зачавъ ййи быты! Бывъ, бывъ,—ажъ вона й зачала просыцца:

— Пусты мене, Йване, я билшъ не буду.

Отъ винъ ййи пустывъ, а самъ скоро побигъ, шобъ вона не пизнала його й не была упъять Ивана. На другой день прыйшовъ Иванъ додому, вона стала така ласкава и одъ тыхъ пиръ уже не была Йвана, а просыла його, шобъ винъ доставъ йй сестру Елену прекрасну. Иванъ пообищався достать.

На другой день винъ пишовъ до Чурыла и зачавъ совещанца, якъ бы достать Елену изъ змievыхъ рукъ. Отъ Чурыло й почавъ йому казаты:

— Не йды ты, Йване-царевычу, я пойду, а ты абыде заховайся и жды, покы я прыйду.

Иванъ заховався кудысь далеко одъ дому, а Чурыло взявъ осидлавъ коня, набравъ у торбу хлеба й пойхавъ. Йихавъ винъ днивъ не мало и пройхавъ не коротко,—дывыцца, щось недалечко сыплецца, мовъ искры. Пойхавъ винъ туды, ажъ дывыцца,—то бьюцца змйи. Два змйи бьють одного змя, того, шо въ його була Елена прекрасна. Отъ Чурыло взявъ та й оборонывъ його. Воны й порозлиталысь. Пройхавъ винъ ще трохи, колы бачыть,—упъять воны бьюцца ти два змйи, упъять лупцюють сього. Винъ оборонывъ упъять того змя. И такъ винъ його оборонявъ ажъ трычи одъ тыхъ двоухъ змйивъ.

Оборонывшы втрете, винъ пойхавъ дали, дывыцца,—таки теремы стоять гарни та высоки на улыцю викнамы; тамъ сыдыть Елена прекрасна та все плаче. Чурыло пидйхавъ до ейи и сказавъ, шо-бъ вона зъ нымъ тикала до своейи сестры. Вона й согласылась; воны й пойхалы. А у змя бувъ говоручый голубъ. И якъ Елена пойхала съ Чу-

рыломъ, винъ заразъ и полетивъ за зміемъ и почавъ йому казати:

— Ты тутъ усе гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйиздывъ чоловикъ и укравъ вашу Елену прекрасную.

Отъ зміи полетивъ додому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й каже:

— А шо, мій коню, шо, мій любый! доженемо мы чоловика, шо вкравъ Елену?

— Э,—каже кинь,—ще мы насіемо жыта, зберемо, на-молотымъ, наварымъ пыва, напьемось и тоди наженемо.

Отъ зміи узявъ, насіавъ жыта, зобравъ, змолотывъ, наварывъ пыва, напылысь вони й рушылы въ дорогу. Гналысь, гналысь и нагналы. Отъ зміи и каже:

— Подавай Елену честю, а то смерты не мынешъ!

Потимъ роздумався, шо винъ його оборонывъ одъ зміивъ, та й каже:

— Ну, щастя твое, шо ты мене оборонывъ трычи,—и я тоби трычи услужу. Се первый тоби разъ прощено и ще два разы, а якъ четвертый разъ шо зробишь, тоди засичу.

Чурыло и вбывъ бы змія, такъ ничымъ убытъ: нема ни ружжа, ни меча, ничогосинько. Отъ винъ и оддавъ Елену зміеви назадъ.

Прийихавъ зміи додому, посадывъ упъять Елену, а самъ упъять пойихавъ кудысь гулять. Вернувся Чурыло назадъ, упъять до зміевыхъ палатъ, шукавъ скризь якого небудь орудія, не найшовъ, а Елену узявъ такы впъять и пойихавъ. Голубъ упъять полетивъ за зміемъ та й каже:

— Ты тутъ гулять гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйихавъ упъять той чоловикъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Зміи прылетивъ до дому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й пыта:

— Коню мій мылий, коню мій любий, чы доженемо Чурыла? Винъ укравъ Елену прекрасну удруге.

— Ще, — каже кинь, — насіемо гречкы, поспіе вона, тоди зберемо, намолотымъ, навіемъ, насушымъ, намелемъ, гречаныкивъ напечемо, ще й тоди наженемо.

Отъ змій узявъ, насіявъ гречкы, зобравъ, намолотывъ навіявъ, змоловъ, напикъ гречаныкивъ, найилысь и рушылы у дорогу. Нагналы, однявъ змій Елену прекрасну и повизъ додому, а самъ пойхавъ упъять кудысь гулять.

Прыйхавъ Чурыло, укравъ упъять Елену и пойхавъ. Голубъ упъять полетивъ за зміемъ и каже:

— Ты все гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйздывъ чоловікъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Змій прылетивъ додому, — колы правда. Винъ пишовъ до коня, сивъ на його й пойхалы. Прыйхалы не довго и нагналы. Однявъ упъять у Чурыла Елену и сказавъ:

— Се тоби тры разы прощено, а четвертый разъ я тебе убою, якъ ты ще вкрадешъ Елену.

А самъ пойхавъ додому, посадивъ Елену и полетивъ кудысь на роздобычу. Чурыло прыйхавъ, узявъ упъять Елену на коня и поскакавъ шо есть духу. Прыйхавъ змій додому, — глядь, ажъ нема Елены. Винъ заразъ ухопывъ мечъ и пойхавъ скоренько. Нагнавъ, узявъ Елену, а Чурыла посикъ, порубавъ на дрибни кускы.

Лежало Чурылове тило ажъ цилыхъ тры дни, колы прыбигае до тила вовкъ, ридный братъ Чурыливъ, и сивъ сторожемъ. Сыдивъ винъ не довго надъ нымъ, колы прылитае воронъ зъ вороненяткомъ, силы на Чурылове тило й почалы його клювать. Вовкъ такъ и ухватывъ старого ворона. Закрываъ воронъ до вовка:

— Чого тоби треба одъ мене, шо ты мене піймавъ? пусты мене!

— Ни, — каже вовкъ, не пуцу, а пошлы свое вороненя, нехай воно злита по цилющу воду и по живущу, тоди я тебе пуцу.

Воронъ пославъ вороненя, воно й полетило и прылетило уже черезъ тры дни зъ двома пляшечкамы съ цилющою й живущою водою. Вовкъ узавъ ти пузыркы, полывъ зъ йихъ по Чурыловому тили, винъ и оживъ. Дывыцця, биля його стоить його братъ вовкъ. Отъ винъ йому й каже:

— Якъ я довго спавъ!

— Ты й доси спавъ бы, якъ бы не я. Ты хотивъ достать Елену, такъ тебе змій и вбывъ, я се почувъ та й прыйихавъ и сцилывъ тебе. Колы хочешъ достать ты Елену прекрасну, то пиды ты на Царь-гору уночи, тамъ е багатырська кобыла недалеко, маты того коня, шо у змія; вона що-вечора бига на ту гору и родыть лошадь, а вовкы йихъ зсидають. А ты такъ прыхытруй и украдь те лошя, шобъ ти вовкы и не побачылы, а то воны у тебе його однимуть.

Отъ Чурыло пишовъ на ту Царь-гору, прокопавъ нору ажъ до того мистя и ставъ стеретты до вечера. Увечери прыбига кобыла, и за нею вовкывъ цила ватага, шобъ йисты те лошя.

Вона привела те лошя, а Чурыло його ухопывъ та въ нору. Вовкы шукалы-шукалы, не найшлы и съ тымъ пишлы. Чурыло вынисъ те лошя на свить зъ норы, колы воно просыцця у його.

— Пусты, — каже, — мене до матери покормыцця, я билше стану.

Винъ пустывъ.

Колы воно прыбига уже до його здорове, стрыгунцемъ. И такъ винъ його пускавъ до матери ажъ тры дни. На третій день воно прыбигло таке здорове, билше, низъ у змія

кинь, и лучше. У змія кинь бувъ тилькы на трьохъ ногахъ. Змій сыдивъ ажъ дванадцять годъ, поky його ухопывъ съ пидъ кобылы, та вовкы такы ногу у його й одирвалы, винъ и остався на трьохъ ногахъ. Чурыло бувъ дуже радый, шо йому такъ скоро пощастыло піймать и выгодувать такого славного коня.

Писля того, якъ прыбигъ до його на третій день кинь, винъ и зачавъ казать йому:

— А шо, мій коню, шо, мій любый, украдемо у змія Елену?

— Ище бъ, — каже, — мы еъ його не вкралы, мы й його вбъемо, онъ якъ! Сидай, — каже, — на мене та пойдьмо скоренько!

Отъ Чурыло сивъ на коня и побиглы. Прыбиглы вони до Елены, а вона все плаче. Чурыло пидйихавъ до ейи та й каже:

— А ну, давай теперь тибать: теперь насъ не наздожене.

Вона його злякалась: вона думала, шо винъ прыйихавъ мертвый до ейи й не хотила йихать. Винъ тоди самъ ййи ухватывъ на руки й побиглы скоро-скоро. Говорючий голубъ упъять полетивъ за зміемъ и каже:

— Ты все пъешъ та гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйихавъ Чурыло и упъять укравъ Елену.

— А хыба винъ жывый? я жъ його зарубавъ! — каже змій.

— То шо, шо ты зарубавъ, а винъ жывый. Леты скорыше, а то не наженешъ: у його кинь луччый за твого.

Змій полетивъ додому та заразы до коня:

— А шо, мій коню, наздоженемо йихъ?

— Э, ни, — каже кинь, — не наженемо, хоть ты мене й зарижъ! А все такы давай спробуемъ!

И пойхавъ змій доганять Чурыла. А Чурыло, нарощне спынывъ свого коня та жеде змія. А винъ ось скоро й летьть.

— А що, утикъ?— крикнувъ змій на Чурыла и погнавъ свого коня, щобъ убыть його. Чурыливъ кинь заразъ до того й заговорывъ:

— На що ты, брате, таку гадыну на соби носышь? Я бь давно його вбывъ! Винъ злый, винъ тебе не пускавъ до матери кормыцця, а мій хазайинъ мене пускавъ ажъ на тры noci и винъ мене зь матери такъ ухопывъ, шо мене вовкы и не зачепылы, а тоби, бачь, одирвалы ногу. Леты пидъ хмары та кыдай його обь землю! Се хазайинъ буде луччий.

Якъ схватыцця той кинь и полетивъ ажъ пидъ сами хмары зь зміемъ, а тоди якъ кыне його обь землю, такъ сами кистылы осталысь! Отъ тоди Чурыло посадывъ Елену на зміевого коня, а самъ сивъ на тому и пойхалы соби помаленьку додому. Чурыло знавъ, де Иванъ живъ, дождався, покы винъ прыйиде,—зайхавъ винъ до його, оддавъ йому коня свого й Елену, и самъ остався у своему доми жыть. Иванъ узявъ Елену и коня, прыйхавъ додому. Жинка його не знала де дицця зь радощивъ и почалы воны зь радощивъ гулять, и я тамъ бувъ, медь-выно пывъ, по бородини текло, а въ роти не було.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопця.)

160. ЗМІЕВА ДОЧКА.

Жывъ соби багатый чоловикъ та й пойхавъ винъ у друге царство, въ друге государство торгуваты, а въ тому царствы та не було воды, а чоловикови тому такъ схотилося

пыты, що хочъ умирай! Отъ винъ и пашовъ до царя (бо вже, звисно, въ царя вода ё), а царь и каже:

— Якъ дасы, чоловіче, те, що въ тебе дома, то дамъ воды.

— Окриме жинки, усе дамъ!—каже чоловікъ. А въ того чоловіка та не було дитей и жинка була важка, а якъ чоловікъ пойхавъ, привела сына та такого хорошего, що й не сказати!

Отъ и росте той сынъ та й вырись уже чымалый. Черезъ яку тамъ годину пойхавъ чоловікъ додому; прыйхавъ, колы выбига до його назустрічь парубокъ. Чоловікъ и пытае його, чый винъ.

— Я-жъ вашъ сынъ, парубокъ каже.
Чоловікъ зрадивъ, а дали якъ заплаче!

— Чого ты, тату, плачешъ?—запытавъ парубокъ.

— Та це я такъ!—одмовивъ батько.

Отъ росте та й росте той сынъ и городывъ винъ разъ изъ батькомъ хливъ та й найшовъ у загати запысочку; подыввися сынъ у запыску та й каже:

— Чомъ-же вы, тату, мени не сказали, що я одданный цареви?

А то була та запысочка, що въ йій батько обещавъ цареви за воду оддати те, що дома, бо батько якъ прыйхавъ додому, то заткнувъ запыску у загату. Дали й каже:

— Выражайте-жъ мене, тату,—пойду я до царя.

Заплакалы батько та маты та й стали выражаты сына.

Прыйхавъ ото вже той сынъ до царя; а въ того царя та було тры дочки, отъ, найменша його зразу й полюбыла; а царь той бувъ самъ змій и знавъ багато чаривъ, а найменша дочка була ще билша чаривныця одъ батька. Отъ змій заразь поклыкавъ того парубка та й каже:

— Щобъ ты мени оцю рику за ничъ загатывъ и выоравъ и пшеныци насяявъ; щобъ пшеныця выросла й поспила; щобъ ты ййи выжавъ, помолотывъ, перевіявъ, помоловъ и щобъ уранци мени булку приньсь изъ нейи!

Сумный выйшовъ парубокъ изъ хаты и пишовъ до найменчойи дочки, а та й пыта його:

— Чого ты такый, Иване, сумный?

— Якъ мени не сумуваты, колы твій батько загадавъ, щобъ я оту рику за ничъ загатывъ, выоравъ, насяявъ пшеныци, зибравъ, намоловъ и щобъ уранци булку пшенышну приньсь!

— Не журьсь: все гараздъ буде!

Отъ, якъ поляглы вси спаты, дочка свьснула,—прыбигло два молодци; вона й каже:

— Щобъ вы мени оцю рику за ничъ загатылы, насяялы пшеныци; щобъ та пшеныця поспила, щобъ вы ййи зибралы й помолотылы, змололы и щобъ приньслы мени зъ нейи булку.

— Добре!—сказалы молодци и позныкалы.

Прокынулась уранци дочка,—колы вже на столи стойть горяча булка; вона заразъ однесла ййи Йванови, а той змиеви. Заскреготавъ той зубамы, бо хотивъ якъ небудь стрьбыть Ивана, а теперь и не пощастыло, та ничего робыть! Отъ винъ и каже:

— Ну, на сю ничъ щобъ ты выйиздывъ коня, що стойть за дванадцятьма дверыма!

Прыйшовъ Иванъ до змиевой дочки та й каже:

— Загадавъ батько роботу, щобъ я за-ничъ выйиздывъ коня, що стойть за дванадцятьма дверыма,—се вже не така трудна робота!

— Ё, ни! се ще трудниша: кинь—то мій батько; якъ тилько ты пидешъ туды, то винъ тебе и вбѣ!—каже зміева дочка.

Тоди подумала, а дали й каже:

— Та вже дарма, я поможу тобі!

Тилькы ото вси полягали, вона заразъ свыснула, колы прыбигло два молодци; вона йимъ и каже:

— Пидить у конюшню, тамъ за дванадцятьма дверыма стойить кинь: щобъ вы його за ничъ выйиздылы!

Молодци пишы та заразъ у конюшню. Якъ узялы вони йиздыть на тому коневи, такъ уже йому й не хочеця; такий ставъ, якъ зъ воды вытягнений! Бигавъ, бигавъ той кинь, а дали й ставъ; молодци його й одвели въ конюшню.

Отъ уранци змій поклыкавъ Ивана та й каже:

— Ну, теперь же прыходъ до мене увечери!

Иванъ прыйшовъ до дочки та й каже:

— Теперь казавъ батько, щобъ я прыйшовъ до його увечери.

— Якъ пидешъ, Иване, до батька, то винъ теперь тебе задушить!—каже дочка.—Треба тикаты. Мы удвохъ утечемо!

Отъ заразъ вони зибралысь скорише та й пишы. Идутъ та й идуть, колы це щось застугонило; прытулыла зміева дочка вухо до земли та й каже:

— Це за нами женуця. Ну, ты будь сторожемъ, а я стану пшеницею.

И стала зміева дочка пшеницею, а Иванъ сторожемъ. Отъ, прыбиглы слугы на конихъ до пшеници та й пытають Ивана-сторожа:

— Чы не бачывъ, не биглы сюды двое: дивчына й парубокъ?

Иванъ и каже:

— Ни, бачывъ: биглы тоди, якъ сіялась оця пшениця.

Слугы й поихалы додому, а змій и пытае:

— Що, не нагналы?

— Не нагналы.

— А не бачылы никого?

— Ни, бачылы сторожа, стеригъ ишеныцю.

— Ото-жъ воны й есть! треба-бъ вамъ тилькы найбильшый колосокъ ишеныци зирваты, то бъ вы взяли ййи за голову!

Отъ змій пославъ и вдруге. А Иванъ та змиева дочка упъять пишлы; идуть та й идуть, — колы шось застуговило; дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Це за намы упъять женуця! Ну, ты будь попомъ та чытай книгу, а я стану церковкою.

И стала дочка церковкою, а Иванъ попомъ и ставъ служыть пипъ. Прыйиздять слугы та й пытають у попа, чы не бачывъ винъ, не биглы сюды парубокъ та дивчына. Пипъ и каже, що бачывъ тоди, якъ стройилась ця церква; слугы й поихалы назадъ. Прыйиздять додому, а змій и пыта:

— Не догналы?

— Ни!

— А не бачылы никого?

— Бачылы церкву, а въ церкви попа.

— То-жъ и воны!

Отъ излизъ тоди змій на хату, та якъ крыкне:

— Подайте мени выла!

Подалы змиеви выла; отъ винъ пидиперъ одвымъ кивцемъ вію, глянувъ та й каже:

— О, ще дожену!

Та заразь и побигъ. А дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Теперъ мы пропалы: за намы женеця батько. Ну,

ты будь козакомъ, а я стану крыницею; якъ стане батько пыть воду, то ты йому й одрубай голову!

И стала вона крыницею, а Иванъ козакомъ изъ шаблею. Прыбигъ змій до козака та й пыта, чы не бачывъ винъ, не биглы дивчыла й парубокъ? Козакъ каже, що не бачывъ.

А змій тилькы глянувъ, то заразъ и догадався та й каже козакови.

— Дай же мени воды напыцця!

— Не можно: зъ цієї крыници тилькы отаманъ пье воду.

А змій не слуха та заразъ и нахылвся до крыници, а козакъ йому й одрубавъ голову. Тоди крыница стала упъять змиевою дочкою, а козакъ Иваномъ. Прыйхалы вони додому и загулялы весилля.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 40, Незнайко, — Рудченко сказки, I, №№ 47, 48 и 52; II, № 30. — Чубинскій, Труды, II, отд. 1, №№ 4 и 5.

161. БАТЬКО Й ТРЫ СЫНЫ.

Жывъ соби чоловикъ, а въ його було тры сыны; найменчый бувъ дурный. Отъ, якъ умиравъ батько та й сказавъ своимъ сынамъ, щобъ вони кожни Риздвяни святкы носылы йому вечерю. Прышла черга старшому братови несты вечерю; винъ узявъ цеглыну, воды та й пишовъ. Прыходыть на могылу та й каже:

— Тату, вставай, йижъ вечерю!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, напывсь воды, спытавсь одъ якого сына вечера та й полизъ упъять у могылу. Прышла черга середушому несты; винъ бойицця та й ставъ просыть найменчого брата, щобъ той за його понисъ вечерю.

Середулшый братъ давъ наименчому цеглыну й воды, той и понись. Прийшовъ на могылу та й каже:

— Уставай, тату, вечерять!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, наився воды, спытавъ одъ якого сына вечера та й полизъ упъять у могылу. Надійшлы трети риздвяни святкы; наименчый братъ узявъ борцу, хлеба, горилкы та й понись вечеряты батькови. Прийшовъ на могылу, поклыкавъ батька. Батько наився та й спытавъ:

— Одъ якого сына вечера?

— Одъ наименчого.

Батько тоди якъ свыснувъ! Колы це прыбигае до його тры кони,—таки гарни!—Батько вырвавъ зъ йихъ по волосынци, давъ сынови та й каже:

— Якъ шо тоби треба буде якого коня, то ты запалы зъ його волосынку, винъ такъ и буде.

Сынъ узявъ волосынкы, поклонывся та й пишовъ додому.

Колы це пишла чутка по вьсому царству: хто доскоче конемъ до царивны (а царивна сыдила у высокому терему), зниме зъ нейи перстинь, то той визьме ййи за себе. Браты повыбиралы соби коней та й збирающця въ дорогу. Наименчый сынъ попросывъ и соби кобылу.

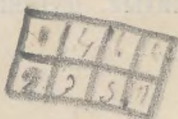
— Та куды тоби!—казалы браты, а проте дали поганеньку кобылу. Винъ выйхавъ съ села, узявъ ту кобылу убывъ, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мясо.

Тоди самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку, колы прыбигъ до його сывий кинь. Винъ и каже йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылый, пане мій любый! лизъ у ливе

вухо, а въ праве вылизъ та беры мени убрання хороше, а соби ще й лучче.

Найменчый братъ полизъ у ливе вухо, а въ праве вылизъ та зробывся такимъ козакомъ, що й не прыдумать! Кинь и пытаецця його:

— Якъ же тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ, чы о половыни деревъ?

— Несы о половыни деревъ.

Кинь якъ понисъ його! Ото нагнали воны бративъ; найменчый братъ и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ.

Браты йому й послали сирякы. Отъ розигнався кинь, якъ стрыбоне! доскочывъ до половыны терема та й назадъ. Люде ажъ роты пороззявлялы.

А братъ найменчый прыйихавъ додому, полизъ коневы въ праве вухо, а въ ливе вылизъ такимъ дурнемъ, якъ и бувъ, прыйшовъ додому та й сыдыть у груби. Прыйихалы й браты та й хвалюцця: «отъ такъ пльгнувъ,—ополовыни терема!» Дурень выткнувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

Браты ажъ за животы беруцця та сміюцця. Дурень и полизъ упъять у грубу.

Сталы збирацця браты удруге.

— Дайте й мени кобылу, и я пойиду!—просыть дурень.

— А та-жъ де?—спыталы браты.

— Здохла!

Браты засміялысь та й дали йому другу кобылу. Дурень убывъ и ту, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свеже мнясо!

А самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку,—до його й прыбигъ кинь гнидый. Дурень и сказавъ йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылый, пане мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь та беры мени гарне вбрання, а соби ще й лучче!

Дурень полизь у ливе вухо, а въ праве вылизь такимъ козакомъ! Кинь и пытае його:

— Якъ тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ чы ополовыни деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь и понисъ його поверхъ деревъ. Нагнали вони бравивъ, дурень и крычить:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ.

Браты й прослали сирякы. Отъ розигнався кинь, якъ стрыбнувъ,—на сажень до царивны не доплыгнувъ тоди назадъ и вернувъ.

Якъ прыйхавъ найменчый братъ додому, влизь коневы въ праве вухо, а въ ливе вылизь такимъ дурнемъ, якъ бувъ и перше; прыйшовъ додому, зализь у грубу та й сыдыть. Прышли браты та й хвалюцца тымъ, що бачылы.

— Може то я?—сказавъ дурень у грубы. Браты тилкы засміялысь.

Отъ збиралысь браты и втрете. Дурень и соби попросывъ кобылу.

— А та-жь де?—спыталы браты.

— Здохла!

Воны дали й третю кобылу. Дурень обидравъ зъ нейпшкуру й крычить:

— Сорокы, вороны, свиже м'ясо!—та й кынувъ. А самъ выйшовъ у поле та й запалывъ волосынку,—до його прыбигъ вороний кинь. Дурень и сказавъ йому!

— Несы мене до царя!

Кинь каже:

— Пане мій мылий, пане мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь; та беры мени убрання хороше, а еоби ще й лучче!

Дурень полизь у ливе вухо, а въ праве вылизь такимъ козакомъ, шо й Господы! Кинь и каже йому:

— Якъ-же тебе, пане, несты, чы поверхъ деревъ, чы ополовыни деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь якъ понисъ його выше лису, ныжче хмары. Отъ догналы воны бративъ; дурень и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ!

Браты й попростылалы сирякы. Отъ кинь розигнався, якъ стрыбонувъ,—доскочывъ до царивны. Найменчый братъ узявъ у ней й перстинь, поцплувавъ ййи та й пойихавъ назадъ. Якъ прыйихавъ додому, полизь коню въ праве вухо, а въ ливе вылизь такимъ дурнемъ, якъ бувъ перше, прыйшовъ додому та й зализь у грубу. Прыйихалы й браты та й балакають:

— Отъ такъ пляга! Винъ хороший та й кинь до його!...

Дурень выткнувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

— Чы не згубывъ ты останнього розуму?—засміялысь браты. Дурень и полизь назадъ у грубу.

Тымъ часомъ царь упъять пославъ сказать, щобъ збиралысь до його въ дворець уси: й старе, й мале, й ка-лишне.

Браты й балакають мижъ себе:

— Якъ намъ весты дурня—соромъ; та треба весты—такий прыказъ!

Отъ якъ зибралысь уси въ дворець, царь ставъ йнхъ гостыты и медомъ, и выномъ,—усього такого багато! На останци стала частувать усихъ царивна. Частувала вона, частувала; колы прыйшла й до дурня; дурень и бере чарку ливою рукою. Вона спытала:

— А правую чого-жъ ты не берешъ?

— Та збывъ палець.

— А ну покажы, чы здорово?

Дурень розъязавъ палець, а перстинь такъ и осіявъ хату. Царьски слугы взяли тоди та того дурня умылы, вымылы зъ головы попилъ, прычесалы, винъ п оженився съ царивною та й живутъ собі!

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ Нижней Сырваткѣ Сумск. у.)
Чубинскій. Труды, II, стр. 269—281, № 70—73.

162. ЯКЪ ЧОЛОВИКЪ У ЦАРИВНЫ ПЕРСТИНЬ УЗЯВЪ.

Одынъ царь звеливъ зибрать зъ усього своего царства людей. На другый день зибралысь уси люды. Тоди царь выйшовъ и сказавъ усьому народови:

— Хто доберецця до моеи дочки и зниме зъ ней перстинь, тому оддамъ половину царства и дочку замижъ оддамъ за його.

Якъ царь проказавъ оце усе, тоди люды мовчалы; тилькы одынъ чоловікъ обизвався до царя:

— Я доберусь до вашой дочки и перстинь зъ ней зниму.

Тоди царь сказавъ на того чоловіка:

— Иды сюды!

Тоди той чоловікъ пишовъ до царя, а людамъ царь сказавъ:

— А вы уси идить додому!

Царь повивъ того чоловіка въ свою свитлыцю та й каже тамъ йому:

— Якъ що ты найдешъ мою дочку черезъ мисяць, такъ оддамъ за тебе ййи и половину царства тоби оддамъ, а якъ що не найдешъ черезъ мисяць, такъ голову теби зниму.

Тоди той чоловікъ пишовъ одъ царя туды, де часы роблють, та й каже тамъ одному чоловікови:

— Зробы мени таки часы, щобъ я у йихъ сыдивъ, и якъ часъ буде времени, такъ щобъ грала у йихъ музыка, щобъ тамъ танцювало у часахъ; а якъ зробышь, такъ никому не продавай, тилькы цареви; а якъ продасы ихъ цареви, такъ скажы йому, щобъ винъ никому не визъ поправлять, якъ спортюця, тилькы тоби.

Тоди той чоловікъ зробивъ часы таки, якъ було сказано, а той чоловікъ, що отдававъ йихъ робыты, сивъ у йихъ у середину й сыдыть. Коли ось царь йиде. Якъ побачивъ винъ оци часы та й каже цьому чоловікови, що зробивъ часы:

— Продай мени оци часы!

А цей чоловікъ, що зробивъ йихъ, каже:

— Купить!

А царь каже:

— Щожъ тоби за йихъ?

— Сто рубливъ.

Царь каже:

— На сто рубливъ.

Майстеръ узявъ гроши, а царь узявъ часы та й повизъ додому. Якъ прывизъ, то поставивъ йихъ у своей свитлыци.

А дочку винъ заховавъ у одну комнату и до нейи одна тилькы прислуга ходыла, а то нихто до нейи не ходывъ. Якъ почувла дочка, що въ часахъ грають и танцюють, то

вона попросыла въ батька оти часы. Винъ и давъ йй, вона прыйшла, взяла йихъ и понесла до себе въ хату и поставыла йихъ. Якъ настала ничъ, то царивна скинула перстивъ и положила його на викно, а сама лягла спать. Тоди вночи чоловікъ той вылизъ изъ часивъ, узявъ той перстивъ и упъять улизъ у часы и сивъ. Якъ устала царивна, такъ и ахнула, що немає перстиня та ще й часы спортымысь. Вона сказала батькови, що часы спортымысь и перстиня нема. Тоди повезлы ти часы поправлять до того чоловіка, въ кого купувалы. Якъ привезлы, то той чоловікъ, що бувъ у часахъ, вылизъ и пишовъ до царя. Якъ прыйшовъ до його та й каже цареви:

— Уже найшовъ твою дочку и перстивъ узявъ.

Тоди той царь отдавъ дочку за його и половину царства отдавъ йому.

(С. Елизаветовка Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ. отъ хлопца Мирона Высоцкаго.)

163. ПРО ДВОХЪ ВРАТИВЪ: УВОГОГО ТА ВАГАТОГО.

Якъ жыло соби два браты: одынъ багатый, а другой убогий. Отъ, бидный ходе до багатого та й просе:

— Дай, брате, хлеба!

А той каже:

— Выколю я тоби очи, то й дамъ хлеба.

А той каже:

— Выколюй, а такы хлеба давай!

Винъ повыколювавъ и давъ йисты. Отъ, той убогий покы ходывъ просыть йисты, то той йому повыколювавъ очи, поодризувавъ уши, поодрубывавъ руки й ноги,—все за той сердешный хлебъ. Отъ, той чоловікъ, що безъ ушей и

безъ усячыны, покотывся тоди слипуючы та й укотывсь у лысыччыну норку та й лежыть. Колы се в очи якъ брязне, якъ свысне,—колы прыбигае Юрій изъ вовкамы, зъ лысыччыны и зъ усякымъ звиромъ. Ставь била норы, що той чоловикъ у йій лежавъ, та й каже:

— Ну, глядять, не розказуйте нікому шо я скажу: завтра буде така роса, що всякый, хто хворый, той выличыцца. И въ царя дочка хвора, та якъ бы йій помазавъ сією росою, то вона бъ исцилылась. И въ людей воды нема, та якъ пиднять на такому то мисци каминь, и вода стане текты.

Отъ той чоловикъ прокынувсь уранци та якъ качнецца по трави,—колы руки й ноги стали. Винъ тоди помазавъ очи,—воны зачалы бачыть. Отъ винъ мазавъ себе, покы зовсимъ сцилывся, а потимъ набравъ тіей росы и пишовъ до царя, выличывъ дочку його, а за те його царь дуже наградывъ. Сцилывшы царивну, винъ пишовъ до тихъ людей, що воды немае, пиднявъ каминь, и потекла вода. Люде радіють и зновъ його наградылы щедро такъ, що винъ ставъ багатый; а той, що бувъ багатый, ставъ убогый, та й ходе просыть хлеба:

— Дай,—каже,—хлеба, та повыколюй мени очи, поодрубуй руки и ноги и одвезы мене у ту нору, що ты лежавъ тамъ.

А той братъ, що бувъ убогый, каже:

— Не треба, йижъ такъ!

— Ни,—каже,—поодрубуй ноги та руки та везы мене! Треба йому везты! Одвизъ його у ту нору.

Колы се якъ середъ пивночи стукотыть, грюкотыть,—колы се бижыть Юрій, ажъ спотыкаецца, та крычыть на звира:

— А сяки-таки! розказалы; я буду васъ вишаты!

А кривенька лысычка у нору, колы лежить той чоловікь. А вона й каже:

— А, ось хто сказавъ!

Тоди звиря якъ ухлопяця, такъ и розирвалы того чоловіка.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у., отъ хлопця въ 1885 г.)

Рудченко, Н. сказки, II, № 35. Чубинскій, Труды, II, стр. 45—52.
№ 10 и 11. Стр. 386, № 108.

164. ДВА БРАТЫ.

Було соби два браты: одынъ багатый, а другый убогий. Отъ прыйшовъ меныныкь багатого; винъ называвъ повну хату гостей, а убогого брата не поклыкавъ. Отъ убогий братъ и каже:

— Шо Богъ дасть, пиду!

Та й пишовъ до брата въ гости.

— Брате,—каже, - ридный! хочъ я й не буду йисты й пыты, а тилькы надывлюсь на твое щастя та побажаю тоби ище билшого.

А багатый братъ якъ закрычыть на його:

— Мени не треба такыхъ волоцюгъ, якъ ты, убирайся къ чорту!

— Дарма, я пиду й до чорта,—одказавъ убогий та й пишовъ.

Прыйшовъ до мирошныка та й пытаецця:

— А скажить, будьте ласкави, де тутъ е чорты?

— Та отутъ у кручи; пlyingай—такъ и найдешъ!—одказавъ мирошныкь.

Отъ, тоди убогий пlyingнувъ у воду та й дывыця; колы стойить хата; винъ увійшовъ у ту хату; колы тамъ никого

нема; такъ винъ и заховавсь пидъ прыпичокъ. Колы це увійшовъ у хату одынъ чортъ, дали—другый... третій... и багато йихъ насходилось та й хвалюцця:

— Отъ мы такъ надосадувалы мирошныкови: усе розрываемъ та й розрываемъ йому греблю, а ййи поправыть не трудно: тилькы треба назламувать дубцивъ зъ усякого дерева та й замостыть: тоди вже нишо не розирве гребли...

И довго ще такъ воны хвалылысь, а дали й поросходылысь. Отъ тоди убогий братъ вылизъ съ пидъ прыпичка, выйшовъ съ хаты та й выпливъ знову на верхъ. Потимъ прыйшовъ до мирошныка та й каже:

— У васъ тутъ усе греблю розрыва щось, чы що?

— Та еге-жъ,—одказавъ мирошныкъ.

— А я знаю, чымъ ййи поправыть.

— Ни, мы вже шо не робылы, такъ усе розрыва.

— А я якъ поправлю, такъ уже цила буде.

— То вы тилькы скажить, якъ поправыть, такъ вамъ панъ за це багато грошей дастъ.

Отъ бидный братъ и сказавъ. Греблю поправылы и вже ййи ништо и не розирве.

Панъ за це давъ бидному братови цилый визъ червинцивъ. Якъ прыйихавъ той додому, то й пославъ свого маленького хлопця до багатого брата по кружку, щобъ мирыты гроши, бо своейи у йихъ не було.

— Шо воны будуть мирыты? — спытавъ багатый братъ у хлопця.

— Та я не знаю!—одказавъ хлопецъ.

Отъ тоди багатый братъ вымазавъ усередыни кружку медомъ, щобъ прыстало те, шо мирытымуть, та й оддавъ хлопцеви. Убогий братъ помирывъ червинци та й оддавъ кружку назадъ багатому. Той глянувъ у кружку, колы-жъ

тамъ прыставъ одынъ червинець. Винъ такъ и сплеснувь руками:

— Теперь уже братъ богатный одъ мене!

Та й пишовъ до його.

— Де ты стилкы грошей набравъ?

Той розказавъ багатому усе, якъ було. Отъ, тоди багатый братъ пишовъ до кручи та й плыгнувь у воду. Колы й побачывъ хату, якъ казавъ бидный братъ. Отъ тоди увійшовъ у ййи и сховався пидъ прыпичкомъ. Колы це посходылысь чорты та й балакають:

— Теперь уже не можна розирвать гребли намъ: замощено дубцямы зъ усякого дерева; та хто-жь воно довидався про це? Може тутъ у насъ хто слуха, шо мы розказуемъ? А ну пошукаемъ!

У багатого брата и пишовъ морозъ по за спыною. А чорты дуже чують духомъ, такъ скоро й найшлы багатого.

— Ага, такъ оце ты тутъ пидслухавъ!

И розирвали його на шматкы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

165. ИВАШКО—ВЕДМЕЖЕ ВУШКО.

Якъ ото колысь бабы зибралысь у лись по опенькы. Ходылы-ходылы, колы одна баба, Кулына, та й упала у ведмидячий барлигъ. Прышовъ ведмидь и не розирвавъ ййи, а ставъ изъ нею жыты. Тамъ и жыла вона ажъ тры годы. Отъ, у ейи родывся сынъ. Вона його прозвала Ивашко—Ведмеже вушко,—у його та булы ведмидячи уши.

Отъ, той Ивашко росте та й росте та такъ швыдко. Вырись здоровый хлопецъ та й пишовъ свить за очыма. Иде та й иде. Колы стойить Дубовыкъ и пытае його:

— Куды ты идешъ?

А винъ каже:

— Свить за очыма.

— Ну, й я съ тобою пиду.

— Ну, йды!

Пишлы воны вдвохъ. Идутъ,—колы такой чоловікъ исъ такими довгымы усамы, шо нымы винъ ловывъ рыбу, и пытае йихъ:

— Куды идете?

А воны кажутъ:

— Свить за очыма.

А винъ и каже.

— Пиду й я зъ вами!

— Ну и йды!

Отъ воны пишлы втрехъ. Идутъ та й идутъ колы убачылы хатку на курячыхъ нижкахъ. Воны тоди пишлы у ту хату, колы тамъ сыдыть такой дидъ старый, у його борода у аршынь; винъ сыдыть у ступи, зализнымъ товкачемъ поганяе, а митлою слидъ замитае. Винъ на йихъ якъ за-крычыть:

— Чого вы прыйшлы, чы быцця, чы мырыцця?

Воны кажутъ:

— Давай быцця!

Отъ выйшовъ Дубовыкъ, дидъ той якъ ухвате того Дубовыка, такъ його и вбывъ та ще й голову на килекъ на-стромывъ.

Тоди выходе той чоловікъ, шо зъ довгымы усамы, быцця, а той дидъ його якъ ухвате, такъ його и вбывъ та ще й голову його на килекъ настромывъ. Тоди на прыпослидеу выходе быцця той Иванъ. Отъ той Иванъ якъ ухватывъ съ тымъ дидомъ,—той дидъ ажъ захрыпывъ и каже:

— Коли ты поборовъ мене, то я тоби дарую усе мое добро и мою дочку беры соби замижъ; и якъ буде тоби чого треба, то на тоби оце яйце и скажы: ячку, одчынысь и выпады, то шо тоби треба, те воно й выпаде.

— И той чоловікъ, шо зъ ведмежымы ушыма, узавъ те яйце, оженивсь съ тією дивкою, а той дидъ скоро умеръ, а вони осталысь одни, жывуть та поживають та добра наживають.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковской губ. отъ хлопця въ 1885 г.)

Сравн. Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 212—216.—«Малор. преданія», стр. 255. № 1. Манжура, «Сказки», стр. 43. Кириакъ-Кобылячій сынъ, Верныдубъ, Верныгора та Прутьвусь.

166. ХЛИВОРОВЪ.

Жывъ соби такый багатый панъ, шо мигъ-бы закупыты сель зъ десятокъ, и въ того пана та було багато земли; тилькы де винъ уже не шукавъ, не мигъ найты такого чоловіка, щобъ добре знавъ хлиборобське дило. Коли це разъ прыходыть до його чоловікъ та й каже:

— Я добре вмю хлибъ робыть и служыть буду вирно; прыймишь мене, пане!

Панъ прыйнявъ. Служыть той чоловікъ уже п'ять годъ, и хлибъ пры йому такый родыть, шо, здаецця, кращого уже й не бува. На п'ятыи рикъ хлиборобъ и каже панови:

— Прослужывъ уже я вамъ, пане, чымаленько, теперь и росчытайте: пиду въ свою дорогу!

А панови не хотилось утратыты такого чоловіка. Помиркувавъ соби, а дали й каже:

— А шо-жъ тоби, чоловіче, дать за службу?

— Та дайте, пане, мени оцього билого коня.

Панъ згодывсь. А той кинь та бувъ такый, що на війни якъ почне скакати межы неприятеlemъ, такъ такъ усього й перетопче; а його ніяка ни куля, ни шабля не бере; тилькы про це нихто не знавъ, окрімъ хлибороба. Чоловикъ-хлиборобъ узявъ тоди коня, подякувавъ панови та й поїхавъ. Йиде та й йиде та зайихавъ у такый густый та темный лисъ, що й Господы! Дывыцця, ажъ стойть маненька хата... Хлиборобъ увійшовъ у ту хатку, ажъ тамъ сыдыть така стара та жовта баба; винъ запытавъ ййи, куды це винъ зайихавъ. А баба похытала головою та й каже:

— Несчастый ты, що сюды зайихавъ: тутъ що-ночи злитающа видьмы, все хочуть звесты мене съ свиту.

— Та вже-жъ що Богъ дасть те й буде! видказавъ чоловикъ и зоставсь у тій хати.

Баба дала йому повечерять та й каже:

— Поможы мени, чоловике добрый: переночуй у цій хати хочъ тры ночи, а я за це дамъ тоби вельку плату: я навчу тебе, якъ и оборонятысь.

— То й навчить, а я вже й переночую,—згодывсь хлиборобъ.

Баба каже:

— На тоби оцей хрестъ, пиды въ ту хату, обчеркны кругомъ себе оцымъ хрестомъ, тоди визьмы хрестъ у руки та й сыды, а якъ назлитающа видьмы, то ты не бійсь.

Хлиборобъ узявъ хрестъ, пишовъ у другу хату, зробивъ такъ, якъ казала баба, та й сыдыть. Колы це якъ загуде щось коло хаты, колы и влетила видьма у хату, дали друга, третя... та багато такыхъ назбиралось, що не помистяцца и въ хати; танцюють, крычать, у долони выбывають, кругомъ хлибороба бигають, та ніякъ не можуть перейти черезъ кружокъ; оце рожженеця видьма, добижыть до кружка, та такъ назадъ и одскоче; що вже не робылы,—ничого не вдіють.

Болы пивень на хати у бабы: «ку-ку-ри-ку!» Видьмы такъ и шелеснулы у вѣкна, ажъ хата затрусылась. Хлиборобъ перехрестывсь и пишовъ у хату до бабы. Та, якъ побачыла його, такъ и зрадила:

— Ты щаслывый, чоловиче, ты ще не багато нагришывъ, и видьмы тебе бояцца.

— Та я-жъ) чесно робывъ дома хлибъ, а дали тежъ чесно служывъ у пава, а може й нагришывъ, то нехай Богъ, простыть!

Оттакъ переночувавъ хлиборобъ ще дви noci. Якъ переночувавъ третю ничъ, баба каже:

— Спасыби тоби, чоловиче добрый, що ты вызволивъ мене зъ велькойи биды, бо мени труднише сыдиты: я бильшь нагришыла; на-жъ тоби за це оцей мечъ-самобіецъ: якъ трапыця тоби воюваты, то ты тилькы скажы: «мечъ-самобіецъ, берысь!» то винъ тоби перебъе усе вѣско. Ище я тоби даю пораду: якъ оженыся, то ничего велького не вирь жинци до семы годъ и семы тыжднивъ.

Хлиборобъ уклонывся баби, подякувавъ та й пойхавъ. Прыйхавъ у той городъ, де живе царь, колы тамъ тривога: наступае велькый ворогъ на городъ, уже побывъ усе царьске вѣсько и скоро визьме й городъ. Хлиборобъ и каже:

— А ну, поведить мене до царя!

Ти й повелы.

— Чого тоби треба?—запытавъ царь.

— Та кажуть, що на городъ наступае велькый ворогъ!

— Эге-жъ.

— Я вамъ, якъ Богъ поможе, побью його; тилькы що-жъ вы мени дасте за це?

— Половычу царства дамъ.

— Ни, мени не треба царства, а отдайте за мене свою дочку, я ийи люблю!

Царь поклякавъ свою дочку и запытавъ її, чы вона-жь справди любыть хлибороба.

— Таточку-голубыку! виддайте мене за його; я його люблю, виддайте—я за васъ Бога благатому!

Царь згодысь. Отъ тоди хлиборобъ и каже:

— Дайте-жь коневи тры миркы вивса, а мени видро вына.

Царь дававъ усього, що тилькы хлиборобъ запрошувавъ. Отъ тоди винъ сивъ на коня й поихавъ. Выйхавъ за городъ, колы-жь дывыця: стойить вйська така сыла, що й лику нема. Хлиборобъ якъ крыкнувъ:

— Мечъ-самобіецъ! берысь!

Мечъ самобіецъ якъ полетыть по надъ головами та й валыть одну за одною. А кинь якъ скаконе помпжъ вйськомъ, такъ и бѣе копытамы. Оттакъ усе вйсько й перебылы. Хлиборобъ вернувь назадъ у городъ. Царь щыро подякувавъ йому. А ворогъ такы не хотивъ покынуты свое дило; винъ зибравъ упъять вйська ще бильшь. Упъять зробылась тривога. Хлиборобъ поихавъ бытысь упъять. Винъ побывъ в рога и вернувь назадъ. Други цари позавыдували своему цареви, зибралы свои вйська умисце и пшлы вйною. Царь боявь: винъ думавъ, що сійи сылы хлиборобъ уже не побѣе. Та хлиборобъ побывъ и се вйсько. Тоди вернувь у городъ и оженысь ись царською дочкою. Щыро винъ любывъ свою жинку, любыла й його жинка. Промынуло тры рокы. Жинка стала пытать у хлибороба, чымъ винъ такъ бѣе в рога. Хлиборобъ не втерпивъ и сказавъ. А ворогъ такы не кыдавъ свого, винъ ставъ выпытувать та пидкупаты хлиборобову жинку, щобъ вона сказала, у чому ййи чоловікъ мае сылу. Та поласувала на велыки гроши и вврала мечъ-самобіецъ и виддала ворогови, а чоловікови пидложила другый, а коня не змогла вкрасы: хлиборобъ беригъ його якъ

ока и спавъ зъ нымъ укупи. То той ворогъ и распочавъ війну упяты. Хлиборобъ сивъ на коня взявъ мечъ и поихавъ супроты ворога. Якъ прїихавъ туды, такъ и крыкнувъ:

— Мечъ-самобіецъ, берысь!

Не берецця.

— Мечъ-самобіецъ, берысь!

Не берецця Хлиборобъ здывувався; колы якъ роздывывся на його, то дизнавсь, що це вже другый; винъ догадавъ, де мечъ-самобіецъ дився и заплакавъ. Та робить було ничего, мечъ-самобіецъ чесавъ уже його війско; ось винъ прылетивъ и до хлибороба; зъ одного разу винъ зризавъ йому голову. Бинь тоди дуже росердывсь, що вбылы його хазайина, и пшовъ лютувать; винъ перебувъ усе війско, тоди прїйшовъ до трупу хлиборобового та й стойть. Царь той трупъ перевизъ у городъ и хотивъ ховать; колы прыходе така стара баба зъ иконкою та й каже:

— Пустить мене до хлиборобового трупу.

Ййи пустылы. Баба взяла, умочыла икону въ воду; тоди тїю водою облыла трупъ хлиборобивъ. Хлиборобъ оживъ. Баба йому й каже:

— Бачъ, ты не послухавъ мене: сказавъ вельку тайнисьть жинци та трохи й не згынувъ навикы. На-жъ тоби знову мечъ, я його знайшла, тилькы бильшь не кажы велькойн тайности жинци до семы годъ и семы недиль, а то згынешъ!

Хлиборобъ оженивъсь изъ другою жинкою й живутъ у двохъ соби. Жывутъ не горюють, хлеба не купують. Оттака-то казка!

(С. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумскаго у. отъ парубка. Записано грамотнымъ много читавшимъ крестьяниномъ по памяти.)

167. ЧОЛОВИКЪ ВОЛТАНСЬКЫЙ, БАГАТЫРЬ ВУ-
СУРМАНСЬКЫЙ.

Жывъ, бувъ соби мужычокъ убогий; найнявъ винъ соби, значыця, выорать чвертку на парь. Отъ прыйшлося йому жыто сіять, а наймыты й кажуть: той—дай п'ять карбованцивъ, а другый—четвертыну горилкы куны. Мужычокъ подумавъ соби, подумавъ: «що-жъ, каже, я п'ять карбованцивъ дамъ, або четвертыну куплю... ни, дорого буде,»—та й пишовъ соби на ярмарокъ и купывъ коня, давъ за нього тры злоты и десять шагивъ. Отъ винъ теперъ купывъ соби, значыця, ту коняку, зробывъ рало й пишовъ ралыть самъ,—а чвертка його пидъ лисомъ була. Ну, отъ винъ теперъ ставъ ралыть, а на коня насидало комаривъ и оводивъ, за бобы його ти оводы й комари кусають и ралыть не дають; отъ мужычокъ вкрывъ коня рядныною, а витеръ схопывся и рядныну скинувъ. Мужычокъ ухопывъ ту рядныну, махнувъ по коню и убывъ 30 оводивъ, а комаривъ и щоту нема. Ставъ винъ тоди, дывыця та й думаетъ: «чого я буду по-невираця? я теперъ такый багатыр, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема.» Отъ винъ соби и надумався: «пойиду я по свитахъ, бо дома въ запичку сидитъ та цвиркунивъ слухать надокучыло.» Заклавъ винъ сокыру за поясъ, напынувъ на свою коняку рядныну, сивъ и пойихавъ.

Отъ винъ и йиде соби, та й йиде и прыйиздыть на перехресну дорогу, а тамъ стовпъ стойть. Мужычокъ подумавъ, подумавъ, а дали злизъ съ коня, пидйшовъ до стовпа и напысавъ табычку, (а винъ бувъ чоловикъ грамотный), напысавъ, значыця, «що пройиздывъ чоловикъ болтанськый, багатыръ басурманськый—за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема»,—та й пойихавъ дали.

Отъ бижить Бова-Королевычъ,—наскочивъ на той стовпъ, дывыця та й думае: «що це таке?—прыйздывъ чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема. Проты насъ трюхъ нема въ свити дужчого, а це дужчий найшовся.» Ну й давай винъ по тій дорози гнаця. Гнався винъ, гнався, дывыця: йиде якийсь мужычокъ на такій коняци, що тилько шкура тилипаецця та кость гнецця. Бова-Королевычъ и каже: «здрастуй, мужычокъ!» А той каже: «здоровь!»,—«Чы не ты,—пытае,—чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема?» А мужычокъ каже: «я».—«Ну, выбачай, що мужычкомъ назвавъ.»—«А ты хто?»—пытае мужычокъ.—«Бова-Королевычъ.»—«Ну, ставай рядомъ—пойдемо.»

Отъ теперъ бижить Ярусланъ Лазоровычъ; подывывся на той стовпъ та й каже: «що це таке: проты насъ двоухъ нема дужчого, а цей дужчий выходить, бо винъ за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема?» Отъ винъ прочытавъ ту табличку та й давай гнаця, потимъ доганяе: «здрастуй,—каже,—Бова-Королевычъ! чого ты зъ мужыкомъ йидешъ?» А той каже: «мовчы!» Ну винъ догадався та й пытае мужычка: «чы не вы,—каже,—чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема?» А той каже: «я».—«Ну, выбачайте, що мужыкомъ назвавъ.»—«А ты хто?» пытае мужычокъ.—«Я Ярусланъ Лазоровычъ.»—«Ну, ставай уноручъ—пойдемо!» Та й поихалы.

Теперъ бижить Иляя Муромецъ та й чытае на стовпи: «Господы,—каже,—проты мене нема дужчого, а цей дужчий буде, бо за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а

дрибнойи сылы и щоту нема!» Ну й давай гнацця та й доганяе багатыривъ. «Чого вы,—пытае,—зъ мужычкомъ йидете!» А ти кажуть: «цыть, мовчы!» Отъ винъ и догадався та й пытае мужычка: «чы не вы чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнойи сылы и щоту нема?»

А той каже: «я». — «Ну, выбачайте, що мужычкомъ назвавъ.» — «А ты хто?» пытае мужычокъ. «Я Илля Муромецъ, дужчый видь усихъ багатыривъ на свити.» — «Ну ставай въ середыну!» — И поихалы.

Теперь тры багатыри радаяця, щобъ йихать у дыки степы, тамъ царивна така е, що хто до неий дойиде, за того вона й замижъ пиде. Отъ воны йихалы та й йихалы и прыйиздять у ти дыки степы, роблють тры курини и выкыдають тры хлакы. Мужычокъ съ коня ряденце знявъ, коня въ степъ выгнавъ на нашу, а самъ ряденцемъ укывсея та й лигъ соби, спыть.

Отъ царивна глянула въ пидзорну трубу, дывыцця та й каже до свойихъ князивъ: «на мойи степы выйихалы тры багатыри, выкынули тры хлакы; вырядить,—каже,—мойи люби князи 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы, щобъ и щоту не було, та нехай воны побьють цихъ багатыривъ и мени головы йихъ на показъ привезуть.» Князи заразъ вийсько збодувалы и у степъ послаалы.

Отъ Бова Королевычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до своего товариства: «що будемо робыть: выходыть проты насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема?» Товариши й кажуть: «спытаймо мужычка.» Прыходыть Бова-Королевычъ до мужычка и каже: «чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, давайте намъ раду: йиде на насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема,—що теперь намъ робыть?» А мужычокъ и каже: «ты,

— каже, — славный багатырь Бова-Королевычъ, сядь на своего коня, та й пойдь йимъ на зустрічъ; ты 6 багатыривъ, якъ шість оводивъ побьешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче.» Бова-Королевычъ сивъ на своего коня, пойихавъ и давай быцця: 6 багатыривъ и 6 звиривъ порубавъ, а дрибну сылу конемъ вытоптавъ, одного тилько зоставивъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Отъ тоди царивна выпускае на ихъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, а дрибнои сылы и щоту нема

Ярусланъ Лазоровычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до товариства: «а що будемо робить: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнои сылы — щоту нема?» Товариши й кажутъ: «иды спытай мужычка!» Прышовъ Ярусланъ Лазоровычъ до мужычка та й каже: «чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, давайте намъ раду: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнои сылы — щоту нема, — що намъ робить?» А мужычокъ и каже: «ты славный багатырь Ярусланъ Лазоровычъ 9 багатыривъ, якъ 9 оводивъ, побьешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче: выходи йимъ на зустрічъ.» Ярусланъ Лазоровычъ коня осидлавъ, сивъ та й пойихавъ. Ну, отъ давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 9 багатыривъ и 9 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кинь вытоптавъ, одного тилько зоставивъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Тоди царивна вырядыла проты ихъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, а дрибнои сылы и щоту нема.

Отъ Илля Муромецъ раненько вставъ, у пидзорну трубу глянувъ та й каже до товариства: «а що будемо робить: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибнои сылы — щоту нема?» Товариши й кажутъ: «иды спытай мужычка.» Прышовъ Илля Муромецъ до мужычка и пытае: «чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, давайте намъ

раду: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибной сылы—щоту нема,—що намъ робыть?» Мужычокъ и каже: «ты славный багатырь Илля Муромецъ, сядь на своего коня и поидь йимъ на зустрічь: ты 12 багатыривъ, якъ 12 оводивъ, побъешь, а дрибну сылу твій кивъ вытопче. Илля Муромецъ осидлавъ коня, сивъ и пойихавъ. Ну, давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 12 багатыривъ и 12 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кивъ вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ.

Отъ царивна бачыть, що не перелывкы, клыче до себе своихъ князивъ та й каже: «що будемо робыть: ци тры багатыри побылы всехъ нашихъ багатыривъ, всехъ звиривъ, а дрибной сылы и щоту нема.» А князи й кажуть: «выпустымъ ще на йихъ дванадцятый-главного змія, що сыдыть закованный на 12 ценахъ; якъ той зъ нымы не виравыцця, то тоди мусымо йихъ до себе за гостей прыймать.» Такъ воны порадылысь та й спустылы съ цепивъ дванадцятый-главного змія. Змія той летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лись ховаецця, а дрибне птаство за море втикае.

Отъ Илля Муромецъ равенько вставъ, у пидзорну трубу глянувъ, та й каже до товариства: «погано, панове товариство, на насъ дванадцятый-главный змій летыть, пидъ нымъ земля двыгтыть, звирря въ лись ховаецця, а дрибне птаство за море втикае»—«Що-жь,—кажуть товариши,—ходимъ до мужычка.» Отъ прыйшлы до його та й кажуть: «чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, мы свое одбулы, а теперь ваша черга прыйшла: летыть на насъ дванадцятый-главный змій,—идить теперь справлятысь зъ нымъ.»

Чоловичокъ ставъ та й думае: «ну, кинецъ моему лыцарству! Пойыздывъ я трохы по свиту, побачывъ людей, теперь прыходыцця живцемъ змиеви видатысь, бо тутъ не

выкрутыся.» Отъ винъ уставъ, рядною своего коня вкрывъ, собырку за поясъ заткнувъ, сивъ и йиде. Багатыри й кажутъ йому: «визьмитъ у котрого зъ насъ коня, бо вашъ ледви дыше, ще й до змя не довезе.» А винъ каже: «не треба: ваши кони мене не выдержатъ, а цей выдерже.» Та за обротьку смыкнувъ и пошкандыбавъ. Ото пидйиздыть винъ до того змя. Змій на нього летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лисъ ховаецця, а дрибне птаство за море втикае. Мужычокъ соби и гадкы не мае, за обротьку смыкае коня, а кинь потыхеньку шкандыбае. Глянувъ змій на цього лыцаря, та й ставъ и стойить: «що це таке, — каже змій, — посмишка зъ мене?» А мужычокъ каже: «эге!» Та съ коня скочывъ, сокыру зза пояса вытягъ и махнувъ змя по голови, такъ одна голова и покотылась, потимъ по другій и друга спала. Тоди тры багатыри бачуть, що змя чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый побывае и у нихъ славу одймае, силы на кони и вдарылысь на того змя зъ двоухъ бокивъ, а третій за хвоста схопывъ, — побылы його, порубалы, на огни спалылы и попилъ по витру пустылы.

«Теперь, — каже мужычокъ, — можна намъ и до царивны йихать свататысь; погано тилько, що вы завыслыли багатыри: я змя хотивъ сокырою порубать, а вы не дали; нащо вы не въ свою чергу въ дыке поле выступалы?» Та й гримнувъ на йихъ. Отъ тоди Илля Муромецъ, якъ найстаршый, и каже: «выбачайте, нашъ славный чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, вы надъ нами теперь старшына: хочте идить съ царивною винчацця и царство соби забирайте, а хочте пойдимо ще по свитахъ свою сылу показувать.» А чоловикъ болтанськый и каже: «спасыби за честь! тилько царивни я не женихъ, бо вы мене мужыкомъ звалы, а по свитахъ свою сылу показувать, людей дывувать та людськый спокій бентежить, тежь не прыходыцца. А вы, якъ славы багатыри,

маете убрання багате и коней дорогыхъ, выйиздить до царивны свататысь, а я позаду пошкандыбаю.»

Отъ багатыри одяглысь у свое найкраще убрання и поихалы впередъ, а мужычокъ коня напоивъ, рядныю його вкрывъ, сивъ на нього, смыкнувъ за обротку и поихавъ за нымы.

Царивна бачыть, що всехъ багатыривъ ййи побылы, дванадцяты-главного змя на попилъ спалылы, та й думаетъ: «ничого робыть—треба дорогыхъ гостей стричать.» Отъ вона поклыкала свойихъ князивъ та й каже: «очыняйте ворота, розстылайте рядна до мого палацу та багатыривъ хлибомъ-силлю витайте.» Отъ, очынылы ворота, съ хлибомъ-силлю багатырямъ вклонылысь, а царивна на кганокъ выйшла и двери йимъ у свйй палацъ очыныла; багатыривъ вона витае и за стилъ садовыть, дорогымъ выномъ-медомъ напувае. А чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, пидйихавъ до палацу, конячку била кганку прывъязавъ, рядныну зъ нейи знявъ и пидъ палацомъ ййи пославъ та й лигъ соби и люлечку курыть.

Отъ багатыри пьють-гуляють и кожый зъ нихъ на царивну поглядае, та й думаютъ: «кого то вона зъ насъ трьохъ уподоба?» Царивна бачыть, що вси багатыри одынъ одного кращи, одынъ одного мылици и сама не знае съ кымъ ййи шлюбъ браты. Пьють вони, значыцца, гуляють, а до дила не доходятъ. Царивна тоди й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцяты-главного змя побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпье.» Багатыри глянулы одынъ на одного: тыць-мыць, а того багатыря, що дванадцяты-главного змя вбывъ и нема. Вони тоди, ничого робыты, и кажутъ: «е ще зъ нами чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема; винъ теперъ пидъ палацомъ

лежить и люлечку курить,—нехай сюды прыйде; та тилько винь хымерный чоловікъ: у простій одежи ходыть, на злохлятыни йиздыть, а якъ спыть, то рядвыною вкрываецця.» Царивна й каже: «якъ такъ, то й такъ: хай мойи князи його якъ слидь одягнуть и до столу прыведуть.» Заразь вона распорядокъ учыныла; князи чоловіка болтанського, якъ славного багатыря, одягли и за стилъ посадылы.

Ну, отъ царивна налива всимъ по чарци та й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцаты-главного змія побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпье.» А мужычокъ не злякався, руку простягъ, чарку пиднявъ, та й каже: «я.» Отъ тоди царивна зъ нымъ повинчалась и його царюваты въ своему царстві поставыла.

Я въ нього бувъ, горилку зъ нымъ пывъ, а це до васъ прыйшовъ и цю казочку розказавъ,—може й вы по чарци на стилъ поставыте.

(Отъ крестьянина Вакулы Сидляренка, лѣтъ 75, въ с. Жилиане Кіевского уѣзда записаль въ 1891 г. О. Ус—ко.—Сообщилъ В. Т. Андріевскій.)

168. ТРЫ ДЕНЕЖКЫ.

Якъ живъ собі на свити одынъ хлопецъ сырота та й пишовъ винъ наймацця у наймы. Иде винъ та й иде, колы чоловікъ и пытае його:

— Буды ты, малый, идешъ?

А винъ каже:

— Наймацця.

— Наймысь у мене! Я тебе буду гарно годувать и зодгать пше й денежку дамъ.

— Добре, каже хлопецъ и нанявся до того чоловіка.

Служывъ йому цилый годъ и годывъ йому гарно такъ, шо той чоловікъ його и не лаявъ. Прослужывшы цилый

рикъ тому чоловікови и пры конци року якъ зачавъ випъ одходитъ видъ його, давъ денежку той чоловікъ хлопцеві. Отъ той хлопець иде собі дорогою одъ того чоловіка и зо-стричае крыныцю у земли выкопана.

— А ну,—каже,—чы вирно прослужывъ годъ? Якъ вирно, такъ денежка оця не потоне, а якъ не вирно, такъ потоне.

Упустывъ винъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно,—каже,—я прслужывъ подъ. Пиду упъять наймаця до другого чоловіка.

Ото пишовъ, найшовъ ище такого чоловіка, що наймыта йому треба було, нанявсь у його и служывъ йому уже такъ славно, що хазяйинъ його ни разу и не замитывъ у худому дили. А якъ кинчывсь рикъ, такъ той чоловікъ давъ йому денежку. Той хлопець узывъ денежку та й зновъ до тіей крыныци та й каже:

— А ну, чы вирно прослужывъ цей годъ?

Укынувъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно прослужывъ годъ,—каже той хлопець,—пиду упъять наймаця: що буде, те й буде!

Нанявсь винъ упъять до чоловіка и такъ уже вирно служывъ, такъ вирно тому чоловікови годывъ, що чоловікъ нымъ и не схвалыця. Проишовъ рикъ, той чоловікъ дае йому денежку ище й свыту. Той хлопець узывъ ту денежку и зновъ прыходить до тіей крыныци:

— А ну третій годъ чы вирно прослужывъ?

Укынувъ ту денежку у крыныцю, колы та денежка потонула и вырнула съ тымы двома, що винъ упередъ укынувъ у крыныцю. Отъ винъ узывъ ти тры денежки и пишовъ собі додому. Иде, колы зостричае винъ чоловіка, у мишку несе ката вбывать.

— Шо ты,—каже,—несешь, ката? продай мени його!

— Бупы!

— А скільки тоби за його?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопецъ давъ тому чоловикови денежку, а соби взявъ ката та й понисъ додому. Иде та й иде, колы чоловикъ веде собаку вбивать.

— Продай,—каже,—собаку, чоловиче!

— Бупы!

— А скільки тоби за ейи?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопецъ видавъ тому чоловикови денежку, а соби взявъ собаку та й иде додому. Колы винъ иде та й иде, ажъ дывиця народу стойить дуже багацько и чогось дуже крычать. Прыходить той хлопецъ туды, ажъ то люды бьють гадюку, а вона бидна уже й не полизе. Той хлопецъ пожаливъ тую гадюку и каже:

— Не быйте ййи, я вамъ дамъ за ейи денежку.

Ти люды зохотылыся и оддалы йому за денежку ту гадюку. Той хлопецъ узявъ ту гадюку, завернувъ ейи въ платокъ и понисъ ййи додому. Ката винъ пустывъ у хату, собаку впустывъ у хливець, а гадюку винъ пустывъ на пичь.

Хлопецъ той мабуць рокивъ изъ тры живъ ще дома и вырисъ здоровый и ставъ свое поле держать и орать. Ото було поийде винъ соби у поле робыть, прыйизжае додому, а дома у печи стравы понаварювано и хлибъ напеченый на лави лежить, а никого такого не було ридного, щобъ за його домомъ прыглядавъ. Отъ винъ думавъ, думавъ: хтожъ це його домъ прыглядае?...—А ну,—каже,—давай пидстережу я його. Отъ винъ заховавъ десь и пидзырае, хто буде хазяйнувать. Дывиця, колы якась дивчына гарна-гарна выйшла изъ хаты одтыкать верхъ, щобъ топыть у печи. Той хлопецъ заразыъ кынувся у хату та заразыъ надивъ на шыю тй дивци хрестъ,

отъ та дивка перестала быть гадюкою, а стала дивкою гарною-гарною. И зачала тому хлопцеви дивка розказувать про себе:

— Я, — каже, — була царивною, бувъ у мене батько, була въ мене маты, я гарно у йихъ жила и кехалася. Коли прыйизжае до мене одынъ парубокъ, князивъ сынъ, сватать мене. Я за його не пишла; такъ винъ мене проклявъ на пъять рокивъ, щобъ я була гадюкою. А якъ ты оце на мене надивъ хрестъ, такъ зъ мене проклятія изійшло, и я стала теперь дивкою.

Отъ той парубокъ узявъ ту дивку замижъ и теперь жывуть щаслыво. Китъ мышей ловыты ходыть у клуню, а собака йихъ хазайство уночи береже одъ лыхого чоловика та одъ вовкывъ.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. въ 1885 г. отъ хлопця.)

169. ЯКЪ БОГЪ ДАСТЬ, ТО И ВЪ ВИКНО ПОДАСТЬ.

Тры брата бидни та пишлы шукать грошей. Ото вони пишлы та выйшлы на гору. А одынъ братъ каже:

— Давайте вернимось: якъ Богъ дасть, такъ и въ викно подасть.

А вони кажуть:

— Чы подасть, чы ни, а то найдемъ та й будутъ тоди гроши, а тоби нехай подасть Богъ у викно.

Тоди вони пишлы шукаты грошей, а цей братъ вернувся та пишовъ до церкви до вечерни. Та якъ прыйшовъ додому та лигъ спать. А ти браты ходылы, ходылы и не найшлы ничого та й пишлы додому. Коли двязяця, лежыть собака дохла. Вони взяли собаку та й кажуть:

— Давай мы ййи ввынемъ у викно йому.

Отъ тоди понесли ту собаку та и вкынулы въ викно тому братови, шо не пишовъ изъ йимы, та тоди и пишлы

додому. А той братъ уставъ, дывыця, колы собака лежить у хати, а винъ:

— Тю!

Вона не бижыть. Винъ узявъ кочергу та якъ ударе, а вона розсыпалась на гроши. Винъ тоди помолывсь Богу та заховавъ гроши та тоди пожива соби.

А браты дывляця, що братъ багатіе, та тоди пытають:

— Де ты взявъ грошей?

Винъ усе не признаеця. Та тоди каже:

— Мени Богъ подавъ у викно.

Воны все не вирылы. Винъ тоди сказавъ:

— Мени хтось собаку въ викно вкынувъ, а я вдарывъ ййи кочергою, а вона розсыпалась на гроши. Отъ вамъ и подавъ Богъ у викно.

(Записано въ с. Алексѣевкѣ (Ширманівка) Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губ. отъ хлопця.)

170. ДИВЧЫНА У РОЗВІЙНЫКІВЪ.

Жывъ соби купецъ багатый и була у його дочка. Ото купецъ пойихавъ за гряныцю краму купуваты, а жинка й дочка дома зосталыся. Жинка умерла, дочка осталась. Отъ разъ дочка пишла на вечорныци, колы вернулась вона додому, дывыця,—колы свитыця у хати. Глянула у викно, ажъ тамъ розбойныкы. Вона пишла у слободу, объявила у полицю Польшевськи пишлы до нейи додому.—колы розбойныкы не було вже у хати.

Розбойныкы забулы нижъ у хати. Польшця пишла, а дивка позамыкалась и лягла спать. Колы слуха,—лизе одынъ у викно. Вона стала коло викна. Тилкы одынъ розбойныкъ голову у викно,—вона йому одрубала голову. Тоди другый лизе,—вона й тому. И такъ вона поодрубувала усимъ оды-

надцятьомъ головы, а одынъ остався. Той тилы хотивъ лизты,—вона йому вухо праве одрубала. Тоди винъ пишовъ и каже:

— Ну, стой! я жъ тебе піймаю!

Тоди винъ зробився купцемъ, справывъ соби пару коней, накупывъ соби краму, почавъ торгувать, зачавъ съ тымъ купцемъ знакомыця, зачавъ його дочку сватать, ту, шо йому уxo одрубала. Ну, батько отдавъ. Тоди винъ оженився й пойхавъ додому. Йихавъ дорогою, а тоди повернувъ у лись. Дивка пытае:

— Куды ты йидешъ? Хыба тоби дороги нема?

Пройихалы вони лисомъ п'ятдесятъ верстовъ, дойихалы вони до землянки,—высочылы видтиля дванадцять розбойныкывъ. Взялы вони ту дивку, з'язалы и положылы пидъ землянкою, а самы стали гулять. Гулялы, гулялы и поснулы за столомъ.

У йихъ була дивчынка нима и хлопчыкъ. Нима морга на хлопчыка, шобъ винъ роз'язавъ дивку. Той хлопчыкъ роз'язавъ и почалы вони тикать. Утеклы вони изъ хлопчыкомъ скиллы тамъ верстовъ.

Одынъ робойникъ прокынувся, высочывъ изъ землянки, колы дывыця,—нема дивкы й хлопця. Розбойныкъ побудывъ усыхъ, посхвачувалысь уси и посадалы на коней и пойихалы доганять. Хлопчыкъ почувъ и каже дивчыни:

— Давай лизты на дуба, бо це за намы женуця розбойныкы.

Излизлы вони на дуба, заховалысь у лысти та й сыдять тамъ. А розбойныкы биглы прозь той дубъ и щось тамъ помитылы, та не хотилы злазыть. Стрельнулы вгору и пидстрелылы дивци ногу. Вона вдержалася, не крыкнула. Тоди пробиглы розбойныкы,—нема ни хлопця, ни дивчыны, Розбойныкы вернулысь назадъ. Тоди хлопчыкъ и каже дивчыни:

— Давай злазыты додолу!

Воны злизлы додолу и пишлы. Выйшлы зь лису, колы ось стойть трахтырь беля лису. Хлопчыкъ и каже дивчини:

— Ходимъ у трахтырь!

Пишлы воны у трахтырь и просюцця, шобъ трахтырщыкъ йихъ пустывъ. Трахтырщыкъ йихъ прыйнявъ, и воны стали у його жыть.

А розбойныкы такы не кынулы шукаты тиейи дивкы й хлопчыка. Воны поробылысь той старцемъ, той купцемъ, той плотныкомъ, и вси такъ пишлы—той туды, а той туды. Ото воны посходылысь уси ввечери. Старець и каже:

— Я найшовъ йихъ у трахтырщыка.

Тоди одынь розбойныкъ и каже:

— Давайте я васъ позамотую у рогожки и покладу васъ на визъ и повезу до трахтырщыка и скажу трахтырщыкови, шо «я везу казенную вещь,—пусты ночувать мене до себе.»

Ну, такъ воны й зробылы. Прыйхавъ той розбойныкъ исъ своимы товаришамы до трахтырщыка та й каже:

— Я везу казенную вещь,—пусты ночувать мене до себе, а колы ты не пустышь,—якъ обкрадутъ, то ты выновать будешъ.

Трахтырщыкъ пустывъ до себе ночувать. Розбойныкъ побачывъ трахтырщыковыхъ сынивъ и каже:

— Це ваши хлопци? Хай пидуть побережутъ казенную вещь.

Тоди выйшлы ти хлопци и почалы коло возивъ крутыцця та роздыляцця та якосъ и доглядилысь, шо воно е. Одынь и каже:

— Це не казенная вещь, а це розбойныкы. Какъ бы намъ папашэ сказать?

Тоди одынь хлопчыкъ и сказавъ батькови. Тоди трахтырщыкъ и каже на розбойныка:

— Постоите, я покы возьму своихъ хлопцивъ,—отъ пысьмо напышу до брата въ млынь, шобъ на завтра борошна прывизъ на вечеръ.

Тоди трахтырщыкъ напысавъ пысьмо, посадивъ хлопчыкивъ и пославъ до брата. А братъ той державъ полкъ салдативъ. Хлопчыкы прыйихалы и оддалы братови пысьмо.

Братъ подывывся и крыкнувъ на салдативъ. Салдаты почалы сидлатъ коней.

Тоди братъ дойхавъ изъ салдатамы до трахтырщыка и сказавъ, шобъ обвелы двиръ цепомъ. Салдаты обвелы цепомъ. Братъ тоди увйшовъ у хату до брата, а розбойныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто се?

Трахтырщыкъ каже:

— Это мой братъ.

Полковныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто это?

Трахтырщыкъ каже:

— Это—чоловѣкъ везетъ казенную вещь.

Тоди полковныкъ и каже:

— Чей это ножъ и ливорвиръ?

Розбойныкъ и каже:

— Мой.

Полковныкъ якъ ухвате леворвиръ та розбойныка у груди ударивъ. Розбойныкъ упавъ. Розбойныкы повставалы ти, шо лежалы на повозци. а салдаты усихъ и порубалы.

Тоди та дивка вернулась до батька.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця 12 лѣтъ Григорія Чалаго изъ с. Бугайки Славяносербскаго у. Екатеринос. губ.)

Рудченко, Сказки, I, № 77.

171. ДУРНИ ЛЮДЕ.

Жывъ соби чоловікъ та жинка, (уже стареньки вони були), а въ йихъ було двійко дітей: дочка й сынъ. Ото разъ вони сыдять у хати та й балакають:

— Якъ буде въ насъ сынъ Иванъ та злизе винъ на стуну, упаде съ ступы та й убъецця... А мы будемъ тужыть...

Та й ставъ дидъ изъ бабою тужыть на всю хату! Сынъ почувъ та й убигъ излякавшыся:

— Що тутъ таке?

Дидъ розказавъ, що таке й таке горе...

— Дурні вы! тутъ и кышки можно порвать, зъ васъ сміючысь!...

Узявъ та й заперъ йихъ у погрибъ.

— Якъ що найду людей дурнишыхъ одъ васъ, такъ выпущу!—сказавъ сынъ и пишовъ шукаты дурнишыхъ людей.

Отъ иде та й иде... Колы жене баба квочку съ курчатамы та такъ пирчыть ййи дубцемъ!...

— А щобъ ты здохла, а щобъ ты пропала... ни цыценькы нема, ни маленькойи нема! Навела курчатъ, а чымъ ты йихъ годуватымешъ?

Та ще дужче бье.

— Защо вы ййи бьете?—спытався той чоловікъ.

— А якъ-же ййи не бытъ! Курчатъ навела, а нема ни цыцечкы, ни маненького пыпытка,—чымъ вона йихъ годуватыме?

— А у васъ е пшоно?—зновъ спытався чоловікъ.

— Есть, шынку!

— Ну, такъ дайте мени!

Отъ баба дала пшона. Чоловикъ посынавъ його квочці; вона съ курчатамы й йистъ пшоно. А баба тоди:

— А яжъ и не жнала; оце спасыби вамъ, що навчылы!

Чоловикъ и пишовъ дали. Иде та й иде.. Коло дывыцця,—сыдыть на хати дидъ безъ штанивъ; баба стойть на земли та держыть у рукахъ штаны; дидъ одставывъ ногу, — хотывъ плыгать съ хаты. Чоловикъ пидйшовъ и пытаецця:

— Що це вы, люде добри, робыте?

— Та це я до шестыдесяты годъ не надывавъ штанивъ, боявся, щобъ не задавылы, а теперь баба пошыла, такъ не знаю, якъ надывать; такъ оце баба держыть штаны, а я злизъ на хату та й хотывъ плыгать у йихъ!—каже дидъ.

— Излазь, диду, сюды!—каже чоловикъ.

Дидъ излизъ.

— Задерай у штаны ногу!

Дидъ задравъ.

— И другу!

Дидъ и другу туды.

— Отъ и такъ!

— А, шпашыби вамъ за порадоньку!—каже баба,—а мы й не жналы.

Чоловикъ и пишовъ. Иде та й иде... Коло дывыцця,—стойть дидъ на хати та тягне бычка за налыгачъ, а баба ззаду поганя:

— Гей, гей, бычку, щобъ ты жывый бувъ, на хату травы йисты!

Чоловикъ пидйшовъ и пытае, що це вони роблять.

— Онъ на хати трава росте, такъ мы хочемъ, щобъ бычокъ ййи пойивъ; оце женемъ-женемъ, та нйакъ и не жженемъ!—каже баба.

— А я знаю!

Отъ узывъ чоловикъ косу, полизь на хату, покосывъ траву та й оддавъ бычкови.

— Оце спасыби вамъ, а мы-жъ и не зналы!—каже баба.

Чоловикъ и вернувся додому та й думае:

— Э, ни, е дурниши люде и одь мого батька та матери!

Узявъ та й выпустывъ йихъ.

(Записаль М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г.)

Чубинскій, Труды, II, стр. 504, № 9. Дурни.

172. ДУРНЫЙ ЙОСЯ.

Жывъ соби чоловикъ та жинѣа и въ йихъ бувъ сынокъ Йося, та дурный. Отъ той Йося росте й росте, пора його й женыть. Отъ його й пытаются:

— А кого за тебе засватаемъ?

— Пыгынку (значыть—Горпынку).

Отъ воны и наладналысь до весилля якъ елидъ: наготовылы грошей, наварылы пыва и поставылы у бочци у хати, а його послалы на базарь, шобъ винъ купывъ на весилля солы, меду, мяса, бублыкывъ, сала, горшкывъ, пшона. Отъ той Йося накупывъ усячыны и несе додому. Иде винъ льодомъ, колы лидъ репнувъ,—винъ його й замазавъ медомъ. Иде, иде,—колы собака дохлый лежыть, выскалывъ зубы. Йося до його й каже.

— Ты мяса хочешъ, цюця?

И отдавъ йому кусокъ мяса. Иде и йде,—колы ворона: «кра! кра!»

— А, такъ я вкравъ? На тоби кусокъ сала та не кажы, що вкравъ!

Отъ винъ иде дали,—пыты йому схотилось. Отъ винъ набравъ воды, покуштувавъ—не солона. Узявъ тоди, усю силь у воду высыпавъ, розсолывъ, напывся. Иде дали, пивень злетивъ на тынь и закукурикавъ.

— А ты пшонця хочешъ? на!

И высыпавъ йому пшоно.

Иде дали, колы стоять прыкилки у тыну высоченьки.

— А вы, хлопци, померзлы,—нате вамъ шапочки!

Понадивавъ йимъ горшкы.

Иде дали, колы хлопци по улыци бигають.

— Вамъ хочецця бублыквивъ? нате!

Роздавъ винъ и бублыкы, а самъ пишовъ додому безъ ничего. Прыходе додому, а маты й пыта:

— Де ты подивавъ усе? Чы ты купувавъ шо, чы ни?

— Та я всего накупувавъ, та вытратывъ.

— Якъ?

— Та иду я льдомъ, а лідь репнувъ, топнуть бы мени,—такъ, я й замазавъ медомъ. Иду дорогою,—колы собака хоче мене порвать,—я кынувъ мяско. Иду дали, колы ворона каже: «укравъ!» Хыба я кравъ,—кажу,—я купувавъ, а колы голодна,—на кусокъ сала, а не кажы вкравъ! Иду дали, пыть схотилось, а вода не солоня, я й посольвъ и чапывъ я гарно. Иду дали, пивень просе пшона, а я й высыпавъ, найився винъ. Иду, колы хлопци безъ шапокъ стоять, просять у мене,—я й понадивавъ горщечкы. Иду дали, хлопци просять бублыквивъ,—я йимъ и давъ по бублычку.

— А дурный ты, нависный, Йосю! Хыба жъ можно такъ робыты? Посыдь же дома, я пиду накуплю.

Отъ вона пишла, а Йося остався дома. У хати була бочка съ пывомъ. Пыво вщолоча та все булька: буль-буль-буль!

А дурень:

— А такъ я дуръ-дуръ-дуръ!... Мовчы!

А воно все: буль-буль-буль! Винъ якъ ухвате соқыру, порубавъ обручи, пыво и вытекло. Отъ вивъ узывъ ночвы

сивъ у йихъ, узавъ у руки лопату и йизде по хати Пришла маты додому и каже:

— Йосю, одчыны!

— А отъ дойду!—крычыть Йося; дойхавъ, одчынывъ, а пиво такъ у двери й полылося.

— Шо се ты наробывъ, Йосю!?...

— Та се пиво мене дурнемъ узывало, такъ я й выпустывъ його.

— Дурный ты, Йосю,—то воно вщолочало та булькало, а не взывало тебе дурнемъ.

Ну, робыть тому ничего, засваталы за його Пыгынку й живутъ вони помаленьку. Отъ разъ Пыгынка й каже:

— Пойидьмо у гости до мого батька! Тамъ е вареныкы, сметана, пиво, усе е.

— Пойидьмо!—одказавъ Йося.

Отъ вони й пойихалы: прыйихалы, усе посадалы обидать, а Йося пишовъ по горилку и остався голодный. Пришла ничъ, полягалы усе спаты, а Йося:

— И пыты, Пыгынка, мени хочецця, и йисты!

— Та полизъ, отамъ на печи у макитри пирогы.

Полизъ Йося на ничъ, та не напавъ пирогы та напавъ кошенята у горшку,—пойивъ йихъ. Тоди упъять каже:

— Пыгынка, мени пыты хочецця.

— Та возьмы жъ кирецъ та напыйся зъ бочки квасу!

Пишовъ винъ та й попавъ не кирецъ, а решето. Точывъ-точывъ у решето,—не наточывъ и не напывся. Пишовъ винъ упъять до Пыгынкы та й каже:

— Я розльывъ квасу трохы.

— Ну, засыпъ попеломъ,—тамъ стойить у мишку у синяхъ.

Винъ пишовъ у сины, та не напавъ попилъ та найшовъ гречане борошно у мишкахъ. Высыпавъ зъ мишка, а

засыпать не засыпавъ. Прийшовъ, лигъ у хати й заснувъ. Прокынулись,—а Йося ще спавъ,—дывлюцца—нема ни кошеняць, ни квасу, ни гречаного борошна,—похазайнувавъ усе Йося. Посміялыся воны тоди зъ його такъ, що йому стыдно туды у гости було й йихаты.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 79. Дурень.—Чубинскій, Труды, II, стр. 497—502.

173. ДВА БРАТЫ, РОЗУМНЫЙ ТА ДУРНЫЙ.

Жыло два браты, — одинъ розумный, а другой дурный. Розумный бувъ меншый, а старшый дурень. Отъ, меншый братъ оженився и взявъ соби жинку хорошу. Отъ и каже жинка чоловікови:

— Давай, чоловіче, подилымось изъ братомъ хазайствомъ! Теперь шо дамо йому, то те й возьме, а то якъ оженыцца та возьме соби жинку розумну, то треба даваты половыну.

Отъ почалы воны зъ братомъ дилыцца хазайствомъ и вдилылы дурневи коростявого бычка. Отъ дурныкъ и дума:

— Шо мени робыты, чымъ мени бычка годуваты? у мене нема ни сина, ни соломы, —мабутъ поведу продамъ.

Отъ и повивъ Семень коростявого бычка продаваты Веде Семень, дывыцца, — стойить лись. Отъ Семень повивъ у лись бычка продаваты. Дывыцца Семень —стойить пеньокъ. Отъ Семень и дума:

— Мабутъ поведу продамъ пенькови.

И повивъ Семень до пенька продаваты бычка. Прививъ и почавъ изъ пенькомъ здоровкацца:

— Здоровъ, пеню!

Тоди самъ соби й одказуе:

— Здоровъ, Сению!

— Купы, пеню, бычка!

Тоди самъ соби й каже:

— Продай, Сеню, бычка!

Отъ Сеня привъязавъ бычка до пенька и каже:

— А гроши?

И тоди самъ соби й одкаже:

— Та прыйды завтра!

Отъ Сеня пишовъ додому. Переночувавъ и йде до пенька по гроши. Прыходыть до пенька, а бычка вже нема, мабутъ вовкы злили. Отъ винъ поздоровкавсь и каже:

— Давай, давай, пеню, гроши!

Тоди самъ соби й каже:

— Та прыйды завтра.

— Ахъ ты жъ такий-сякий! погы я буду ждать?!

Якъ ударе його чоботомъ, а пеньокъ бувъ гнылый, — такъ винъ його ногою й збывъ, а съ пидъ пенька гроши посыпалысь, бо тамъ хтось ихъ мабутъ ище давно заховавъ.

Отъ пишовъ Семень додому. Прыходе й каже братови:

— Дай мени воливъ и кобылы, — пойиду по гроши.

Отъ братъ и дума:

— Де бъ винъ сколько набравъ?

А жинка й каже:

— Та дай! Ты знаешь, якый винъ: якъ пойиде, то дурно не прыйиде.

Отъ братъ запригъ волы и кобылу, Семень и пойихавъ по гроши. Прыйихавъ до пенька, забравъ гроши и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, уйиздыть у двирь, выпрагае волы. Выйшовъ братъ, подывывся та й каже до жинкы:

— Правда, шо Семень казавъ, — привизъ гроши.

И каже:

— Якъ мы будемъ гришмы дилыця? Мабуть пиды до попа, позычь миркы.

Та й забулы сказаты, щобъ не казавъ, на що миркы. Отъ, пишовъ Семень до попа по мирку, приходить, колы попа нема й дома. Винъ поздоровкався съ попадею и просе миркы. Попада й пытаецця:

— На що вамъ миркы?

— Та будемъ гроши мирыть.

Попада дала мирку. Семень пишовъ додому, приносить мирку, а братъ пытаецця:

— Якъ ты казавъ?

— Такъ, шобъ дала миркы грошей дилыть.

Отъ братъ Семенови й каже:

— Пиды й стань на угли, и якъ йихатыме пипъ, то ты свысны, такъ мы скорише ховатымемъ гроши.

А Семень узавъ кійокъ и пишовъ и ставъ на угли. Отъ ставъ йихать пипъ, а Семень якъ свысне того бидного батюшку кійкомъ и убывъ попа. Иде Семень до брата. Отъ пыта Семена братъ:

— Шо, йихавъ пипъ?

— Та я його вбывъ.

— Та на що жъ ты його вбывавъ?

— Та ты жъ казавъ — свысны, — ну, я й свыснувъ його кійкомъ.

— Отъ дурный, такъ дурный!... Де жъ винъ?

— Та онъ на угли.

Братъ пишовъ, ухватывъ попа та й затигъ у порожній погрибъ.

А попада шукала-шукала попа, — не найшла. И такъ подумала, що його вже на свити нема, и стала справляты помыны. Клычуть и Семенового брата. Отъ и каже братъ Семенови:

— Гляды, Семене, не ходы, а то якъ ты тамъ искажешъ!...

— Та я не пиду.

Пишовъ Семеновъ братъ, а Семень и дума самъ собі:

— Шо я буду за дурный, шо не пиду на помынки?—
самъ нарядывъ!...

И пишовъ Семень на помынки. Приходять, увійшовъ у хату, поздоровкався, ставъ у кутку и стойть,—нихто йому и чаркы не дае. Отъ винъ думавъ-думавъ и каже:

— Самъ и помынки нарядывъ, а мени й чаркы не дають!

А матушка й пытаецця:

— Якъ то ты нарядывъ?

— Та я батюшку вбивъ.

— Де жъ винъ?

— Та у насъ у порожньому погриби.

А братъ мерци побигъ та батюшку вытягъ, а мисто батюшки укынувъ заризаного цапа. Отъ попада й каже до Семена:

— А ну, веды, де!

Семень и повивъ. Довивъ до погриба й каже:

— Ну, лизьте, матушко!

А матушка каже:

— Лизь ты!

Отъ Семень полизь и каже:

— Шо, матушко, вашъ батюшка изъ ушыма?

— Изъ ушыма.

— Изъ бородою?

— Зъ бородою.

— Изъ рогамы? (сказано, дурный!...)

— А ну, тягны!

Отъ вытягъ Семень цапа, а матушка засміялась и такъ поросходьлысь.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у. отъ хлопця въ 1885 г.)

Подобные рассказы см.: «Малор. пред.», стр. 332. № 23.—Чубинскій,

Труды, II, стр. 195, № 4. Про троухъ бративъ.

174. ДУРЫСВИТЫ.

Якъ жывъ соби чоловикъ та жинка. Отъ воны нанялы роботныка, не дуже великого хлопця. А той роботныкъ та вмивъ дурыть людей. Той чоловикъ и каже:

— Ты вміешъ дурыть людей?

Винъ каже:

— Вмію.

— Ну, ходимъ, и я вмію.

Отъ воны дойшлы до села, де бувъ ярмарокъ, а чоловикъ и каже:

— Гляды жъ, хлопче, якъ будуть чоловикы выйиздыть изъ села та будуть пытать, изъ якого ты села, а ты кажы: изъ Грыгорода. А якъ пытатымуть: чы здорова тамъ капуста? — а ты скажы: я не знаю, а мени маты казала, шо пидъ однимъ лыстомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы. А якъ пытатымуть: чы здорова гречка? — а ты кажы: я не знаю, а маты казала, шо сорокъ буханцивъ изъ одныей гречынкы спеклы.

— Ну, добре, — каже, хлопецъ, — я такъ казатыму.

Той чоловикъ пишовъ на ярмарокъ, прыйшовъ до капусты та й каже:

— Оце тутъ така капуста?

Той чоловикъ, шо продае, каже:

— Така е!

— А въ насъ така, якъ цилый городъ здорова-здорова!

Той каже:

— Ты брешешъ!

— Ни, — каже, — не брешу.

— Ни, брешешъ!

— Ни, не брешу!

— Ну, давай у закладъ!

— Давай!

Отъ той чоловикъ пойхавъ изъ йимъ туды, де той казавъ, шо капуста така. Колы зостричае того хлопця та й пытае:

— Де се есть така капуста, шо якъ цилый городъ?

А той хлопецъ каже:

— У нашому сели есть, та я тилкы не знаю, а маты мени казала, шо пидъ однимъ капустянымъ лыткомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

Чоловикъ той подумавъ:

— Чого жъ и йихаты туды?

И вернувся упгъять у городъ и давъ тому чоловикови грошей такъ якъ за правду.

Отъ упгъять той чоловикъ пидійшовъ туды, де продавали гречку.

— Оце, — каже, — у васъ така гречка мала? А въ нашому сели така здорова: одно зерно таке якъ добрый горщокъ та великый.

— Брешешъ! — каже той чоловикъ.

— Ни, не брешу.

— Ну, давай у закладъ на гроши!

— Ну, давай! — каже той, шо дурывъ.

Узявъ коня той, шо зъ гречкою, та й пойхавъ у те село. Йиде, колы зостричае того хлопця та й каже:

— Чы велика у васъ гречка?

А той каже:

— Я не знаю, а маты казала шо зъ одныей гречынкы сорокъ буханцивъ пекла.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

— Ну, — думае чоловикъ, — такъ, якъ винъ казавъ!

И пойхавъ назадъ; прыйиздыть, дае тому чоловикови грошей такъ якъ за правду. Отъ той чоловикъ и хлопецъ надурылы грошей, подилылысь и тоди розійшысь...

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 81. Якъ чоловикъ людей колысь дурывъ.

175. ВОРЪ АНТОНЪ.

Иде батько съ сыномъ дорогою; колы бачуть,—веде чоловикъ цапа. Сынъ и каже:

— Тату, я вкраду цапа!

— Та якъ-же ты його вкрадешъ?—чоловикъ держыть у рукахъ,—каже батько.

— Та я вже вкраду!—одмовля сынъ.

Отъ, узывъ тоди сынъ та скынувъ зъ ноги чобить, (а въ його воны булы вже поганеньки), помазавъ його у калъ та й положывъ на дорози, куды мавъ иты чоловиеъ съ цапомъ.

Якъ надійшовъ чоловикъ до його, взявъ у руки та й дума:

— Якъ-бы була йому пара, то бъ можно вже й обитерты, а такъ не годыця!—та й кынувъ на дорогу. Сынъ тоди, звалы його Антономъ,—скынувъ и другый чобить та й той кынувъ на дорогу. Чоловикъ надійшовъ до його та й зрадивъ:

— А, це йому й пара!

Потимъ прывязавъ цапа до вербы, що росла блызько, та й вернувсь по той чобить, що покынувъ. Антонъ до цапа, одязавъ та драла додому!... Дома того цапа зжарылы. Антонъ и каже:

— Щобъ-же я первый почавъ йисты!

Отъ якъ посидалы за стиль, батько й каже:

— Я—батько,—меня первому треба почывать йисты!

Антонъ выбигъ на улыцю та й крычыть:

— Не я цапа вкравъ,—батько вкравъ!

Батько перелякався, тягне його въ хату:

-- Та йды вже йижъ первый.

Отъ Антонъ найився, тоди взявъ цапыну голову та й пишовъ у лозы; тамъ настромивъ голову на прыкилокъ, а самъ сивъ за кущемъ та й крычыть:

— Мекеке!

Хазайинъ цого цапа недалечко порався, почувъ та й иде въ лозы: колы выдно голову,—винъ:

-- А, мій бидненкоый! чого сюды ты забрався?—та за голову,—голова знялась.

— Я знаю, хто вкравъ мого цапа!—сказавъ чоловікъ и пишовъ до пана казаты, що Антонъ укравъ цапа. Панъ поклыкавъ Антона.

-- Ты цапа вкравъ?—пыта панъ.

— Я!—одмовивъ Антонъ.

— Колы жъ ты такый, вкрадь у мене коня!

-- Вкраду, пане!

Отъ панъ звеливъ чотырьомъ чоловікамъ держать коня за ноги, двомъ за гриву, одному за обротъ, а одному сидиты на коневи.

Якъ люде, що берегли коня, такы не втерпили—послулы, Антонъ потыхеньку пересадывъ того, що сидивъ на коневи, на сволокъ; тымъ що держалы за ноги, давъ по прыкилку тымъ, що держалы за гриву, давъ по повисему прядива, а тому, що державъ за уздечку, такъ и оставивъ уздечку, тилькы знявъ ййи съ коня, а самъ гайда!..

Увійшовъ панъ уранци у конюшню, глянувъ—та якъ засміеця!.. Отъ поклыкавъ Антона:

— Ты вкравъ коня?

— Я!

— Украдь у мене симъ паръ воливъ!

— Украду, пане,—сказавъ Антонъ.

Отъ панъ наказавъ роботныкамъ, щобъ вони пойихалы ораты та щобъ увесь день не выпрягали воливъ.

Роботныкы пойихалы и стали ораты саме пидъ лисомъ. Антонъ увійшовъ у той лисъ та й крычыть, якъ-бы дывуецця:

— Ну та й дыво! отъ дыво, такъ дыво!...

Роботныкы й кажуть:

— Що тамъ за дыво? а-ну пидить половины подывиця, а половины буде бия воливъ!

Отъ и пишла половина въ лисъ. А Антонъ иде дальше въ лисъ та все:

— Отъ дыво, такъ дыво!

Роботныкы за нымъ. Друга половина ждала, ждала—нема.

— Мабуть тамъ вельке дыво, а мы й не побачымо: ходимъ!

Отъ и пишлы; бия воливъ зоставъ тилькы одынъ роботныкъ.—Той ждавъ-ждавъ—нема:

— А хыба я дурный буду, що не пиду?—та й соби пишовъ.

Отъ Антонъ завивъ роботныкывъ далеко въ лисъ, ввійшовъ до воливъ, одрубавъ хвистъ у одного быка та й усунувъ у ротъ другому; того съ хвостомъ у роти й зоставывъ коло воза, а шиеть паръ и одного погвавъ.

Роботныкы блудылы, блудылы,—насылу ввійшлы зъ лису! Дывляться—ажъ воливъ нема—тилькы одынъ, а въ того у зубахъ хвистъ. Вони й лають:

— Отъ проклятый виль: усихъ поивъ, тилькы хвистъ и зоставъ!—и пойихалы до пана, розказалы—такъ и такъ...

— Та то Антонъ волы покравъ, а одрубаний хвистъ уткнувъ у ротъ.

Роботныкы подывылысь—такъ: хвистъ одрубаний. Панъ поплыкавъ Автона.

— Ты покравъ волю?

— Я, пане!

Украдь-же у мене барыню!

— Украду, пане!—сказавъ Антонъ.

Отъ панъ обложывъ била себе роботныкывъ, роботныць и бабу, а самъ обнявъ паню та й послулы вси. Антонъ увійшовъ у хату, кынувъ мижъ роботныци кендюхъ и косы имъ позъязувавъ; мижъ роботныкывъ нальвъ гуци изъ сыривцю и волосся смолою позлиплювавъ; панови давъ колоду, а самъ за паню та драла. Панъ оглядився, ще въ його въ рукахъ колода та на бабу:

— Свиты, свиты скорише!

Баба стала роздувать огонь, тамъ роботныци прокынулысь, крычать:

— Це ты привела дытыну, сяка-така!

— Та брешешъ, се ты! ой, ще й скубешся!

— Ой рятуйте! не скубы!... Привела дытыну, ще й скубешся!... ой-ой!...

Тамъ и роботныкы прокынулысь:

— Це ты укалявсь!

— Брешешъ, це ты; ой, ще й скубешся!

— Ой-ой! не скубысь ты!

Панъ думавъ, що воны подурилы, та съ хаты...

Ну, та вже баба, хоть зъ горемъ, засвityла свичку!

Роздывылысь... вси сміюця!

Панъ заразъ пославъ по Автона. Антонъ прыйшовъ.

— Ты вкравъ паню?—пытаецця панъ.

— Я, пане!—каже Антонъ.

— Де-жъ ты ййи дивъ?

— Оддавъ чортамъ за тры возы грошей!

— Верны мени ййи!

— Якъ дасы коробку грошей—верну!

Панъ давъ йому коробку грошей. Антонъ узявъ повисмо прядива, пишовъ до болота та й плете вирьовку. Чортъ вы-бигъ изъ болота та й пытае:

— На що ты плетешъ вирьовку?

— Буду болото пидъ манастырь розмирать та васъ, чортивъ, выганять!—каже Антонъ.

— Не плеты бо!—просять чорты.

— Э, ни! хыба оддасте паню, - то не буду плесты!

Чортамъ жалъ було пани,—воны поховалысь. Антонъ сыдыть та все плете. Кольце выбига чортъ та й каже:

— Давай наввыпередкы: хто кого выпереде, то того буде й паня!

— Я не хочу съ тобою и поганьця, —лучче хай по-бизыть мій сынокъ!—каже Антонъ.

— Нехай и сынокъ!—говорить чортъ. (А Антонъ уже наготовывъ двоухъ зайцивъ, бо винъ знавъ йихъ (чортячи) норы!) Антонъ пустывъ одного зайця—той якъ чкурне въ лись!... Чортъ оббигъ кругъ озера та до Антона, а Антонъ и показавъ йому другого зайця.

— Твій сынъ мене выпередывъ!—каже чортъ и оддавъ Антонови паню. Антонъ пана прогнавъ, а съ панею живе соби—не горюе, и хлеба не купуе—чого-жъ ище треба?

(Записаль М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайло Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у.)

Чубинскій. Труды, II, стр. 621, № 90. Рудченко, Сказки, I, № 74.—

176. НЕБЫЛЫЦЯ 1.

Выйихалы тры браты въ поле ораты; два-жъ розумни, а третій дурный; и захотилы воны вогню розвесты, такъ

нема ни кресала, ни губкы, а въ поли выдно вогонь горыть. Отъ и пишовъ старшый братъ просыть вогню; иде та й иде старшый братъ, колы дывыцца—дидъ сыдыть (а то бувъ самъ змій). Винъ и каже:

— Здоровъ, диду!

— Здоровъ!

— Дайте мени вогню!

— А скажешъ казкы?

— Не вмю.

— Скажешъ прыказкы?

— Не вмю.

— Скажешъ небылицы?

— Не вмю.

— За не вмю деруть зъ спыны до потылякы реминю, яшною половою натырають.

Отъ и обидравъ дидъ у того брата съ спыны до потылякы реминю, яшною половою натерь та й пустывъ. Пишовъ тоди пидстаршый братъ просыть вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмю.

— А прыказкы?

— Не вмю.

— А небылицы?

— Не вмю.

— За не вмю деруть съ спыны до потылякы реминю, яшною половою натырають.

И цьому братови дидъ обидравъ шкуру. Прыходыть найменчый дурный братъ просыты вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмю.

— А прыказкы?

— Не вмю.

— А небылицы?

— Небылицы скажу, тилкы не кажы, диду, брешешь!

— Не скажу!

— Иду я, диду, иду у Петривку по льоду, колы скачуть тры кози на одній ноzi; я якъ шпурнувъ палку, такъ такъ усихъ и побывъ! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Познимавъ я шкуры съ тыхъ кизъ та й пошывъ тры торбы. Отъ иду та й иду, колы бьюцца чмиль изъ ведмедемъ. Я й думаю: кого-жъ його вбываты: чы чмиля, чы ведмедя? а дали взявъ та й убывъ чмиля та й набравъ зъ його тры торбы меду. Правда, диду?

— Правда, сынку!

— Отъ иду я та й иду та такъ мени схотилось пыть; колы дывлюсь — стойить колодязь; отъ я взявъ та й укынувъ у колодязь торбу меду, покуштувавъ воды, — тилкы трошкы солоденька; я й другу торбу зъ медомъ укынувъ, покуштувавъ — билше солоденька; такъ я й третю торбу вкынувъ. Якъ покуштувавъ, — колы здорово солодке! Отъ я знявъ черецъ зъ головы та й выпывъ нымъ усю воду! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Отъ я черепъ положывъ проты сонця, щобъ высохъ, а самъ лигъ догоры пузомъ та й заснувъ; прокынувся, — колы въ мене пузо репнуло и вискъ выступывъ; зробывъ я съ того воску кобылку, сивъ на ййи та й пойхавъ. Йиду та й йиду, — колы лапнувъ за голову, — нема черепа; вернувся я, надивъ черепъ та й йиду упъять. Кобылка тупъ-тупъ, а сокырка цюкъ-цюкъ, (за поясомъ у мене була) та й перерубала сокыра задъ кобыли. Що його робыть? Здумавъ я, що дома ё вербовый тыбель, той, що пластыны збывають. Пишовъ я додому, взявъ тыбель та й збывъ кобылку, сивъ та й йиду.

Колы оглянувся—ажъ росте изъ кобылки верба та така висока—ажъ у саме небо! правда, диду?

— Правда, сыну.

— Отъ я полизъ на небо по вербычци, подывывся скризь, тоди й хотивъ излизты, колы гляну,—кобылка про-йпхала! Знявъ я зъ себе поясъ—мало; колы це щось засвербило; поглядивъ я,—колы воша. Облупывъ я ййии та й надравъ сто сажень шкуры и прычепывъ до пояса; упъять засвербило, поглядивъ,—колы блоха; облупывъ я ййии та й надравъ ище сто сажень шкуры и ти прычепывъ. Тоди глянувъ—недалеко одъ земли до вирьовки; отъ я злизъ на крайокъ та й пльгнувъ на землю, та й провалывся ажъ на той свить, колы тамъ лежыть мій батько у кали, а твій у меди; правда, диду?

— Правда, сыну!

— Мій же батько коло твого медъ лыже, а твій коло мого каль...

— Брешешъ, брешешъ, сучый сыну!

Такъ дурный узавъ тоди та й забывъ дидову бороду въ пеньокъ, а самъ набравъ огню та й понисъ до бративъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 124. Небылицы.—Малор. пред., стр. 338, № 26.

Чубянский, Труды, II, стр. 517. № 13.

177. НЕВЫЛЫЦЯ 2.

Якъ ходывъ я на Динъ овецъ пасты. Нанявся я у чоловика. Пасъ день, пасъ другый, а третій день бувъ такый холодный та витряный, що не доведы, Боже! Трудно мени було въ той день, ниякъ я овецъ не впасу, усе додому тикають, ниякъ не заверну. Тутъ недалеко бувъ ячминь. Я загнавъ овецъ у той ячминь та й лигъ спать. Увечери ветавъ,

почавъ выганять овецъ изъ ячменю и ніякъ не выжену: съ того краю выжену, піду на другій выганять, то въ тому, шо выгнавъ, упъять увійдуть. Думавъ я, думавъ, якъ выгнать, и прыдумавъ: возьму та підпалю изъ за витру, то ячминь буде гориты та й выганятыме овецъ. Тилько я підпалывъ, то ячминь кругомъ зайнявся и вивци погорилы. Якъ побачывъ я це та й думаю:

— Шо його робыть? Буду тикаты!

Побигъ я. Бижу та й бижу, ажъ бачу, оре чоловикъ. Я підбигъ до воза, ухватывъ торбыну съ хлибомъ та навтикача. Чоловикъ побачывъ, шо я зробывъ, сивъ на кобылу, догнавъ мене, однявъ торбыну, прыкувавъ мене до кобылячойи ноги залынымъ путемъ та такъ и ставъ волочыты. Я такъ славно прывчывся ходыты: шо кобыла ступне спутаною ногою, то й я спутаною ступну.

Отъ увечери чоловикъ заснувъ, а я взявъ хлибъ, підсунувъ путо підъ колыно, очипывъ за кобылу та й йиду.

Йиду, йиду та прямо въ болото та й загрузъ. Колыце слухаю, — ляпъ... ляпъ!... Я думавъ, шо то чоловикъ женеця та й боюсь, ажъ то вовкъ одынъ и другій и третій та ище багаты!... Зылы кобылу ажъ до колынца. Я тоди путо скинувъ, найвся хлиба, тоди выйшовъ изъ болота.

Иду та й иду, ажъ везуть робочи спыртъ. Я прыставывся болящымъ, сивъ на дорози та й дождаю робочыхъ. Якъ воны дойхалы, я й прошуся, щобъ воны мене підвезлы. Воны й кажутъ:

— Сидай отамъ на задньому вози и підвезешся, и кобылу панятымешъ.

Я сивъ. Йидемъ, йидемъ, сталы перейижжаты черезъ гору. Я взявъ та й прышыняю кобылу. Ото якъ воны зайхалы за гору, я якъ давъ ногамы въ дно у бочку, — воно такъ и выскочыло и горилка вытекла. Я тоди зъ воза та

въ жыто й сыжу. Тоди якъ далеко зайихалы робочи, я вылизъ, напивсь горилкы, тоди лигъ та й сплю.

Якъ я прокынувся, ажъ коло мене пъяныхъ журавливъ зъ десять. Я взявъ одного та й понисъ продаваты. Дали думаю:

— Вернуся та всичхъ журавливъ заберу, то лучче буде.

Вернувся я, забравъ усихъ журавливъ, позатыкавъ за поясъ та й иду. Коли це одынъ журавель «курлу», а за нымъ уси — якъ пидвялы мене высоко-высоко!... Я летивъ-летивъ та якъ кахыкну, а поясъ порвався, а я и впавъ та въ болото.

Сыжу въ болоти; колы прылетила чайка, намостыла на мойй голови гнздо, знесла яйце. Я й думаю:

— Хай же знесе друге, то я тоди одно изнимъ, то вона ще одно знесе.

Колы це прыйшовъ вовкъ, поивъ яйца та тилько повернувся иты, а я його за хвистъ та якъ крыкну:

— Гій, тулюю!...

Вовкъ якъ побижыть, та й вынисъ мене зъ болота.

Я тоди пустывъ вовка и пишовъ.

Иду, иду, зайшовъ у село. Зайшовъ у одну хату и прешуся ночувать. У сій хати була маленька дытына и хазайка сейи хаты послала мене клькать бабы въ гости. Пишовъ я до бабы, баба нездужала, такъ я посадывъ ййи въ санчатка и повизъ. На дорози бувъ колодязъ. Такъ я взявъ да й перекынувъ бабу въ колодязъ, а самъ вернувся та й кажу хазайци, шо баба не хоче йты. Хазайка й каже мени:

— Ну, ты погляды дытыны, шобъ не кусалы мухы, а я сама пиду поклычу.

Я взявъ макогинъ та й стережу дытыну. Колы це муха сила на дытыну. Я хотивъ ййи вбыть, якъ гыгну макогономъ дытыну та и вбывъ. Тоди втикъ додому та оженився.

Якъ гулялы весилля, то и я тамъ бувъ, медъ-выно пывъ, по усахъ текло, а въ роти не було.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьковской губ.)

178. ДИДЪ ТА Я.

Якъ пойхавъ я зъ дидомъ у лисъ по дрова. А дидъ бувъ тоди маленький, а батька ще й на свити не було. Я до куща, — колы видтиля вовкъ пы-ы-р-рхъ! Я туды, — колы тамъ семеро яецъ. Ото мы забрали ти яйця, привезлы додому та й пидеыпалы пидъ свыню. Отъ, и вылупыла свыня тры пары воливъ и одного бугая. А вже-жъ и волы добри! Ото й пойхалы мы тымы воламы орать; оралы тры дни й тры ночи та й наоралы скилкы око згляне: такъ якъ одъ тебе та до мене, ще трохы й одсунься! Отъ, якъ насіялы мы жыта, та якъ стали збирать! збиралы, збиралы та назбиралы цилый сницъ!... Тоди якъ стали мы возыть!... Возылы, возылы та не знаемо де диты: такъ багато, що ниде й не помищаецця; отъ мы взялы та на коминъ и сперлы той сницъ. Мыши дизналысь, що на комени есть сницъ, та туды, йилы, йилы та й звадылы той сницъ у помыйныцю. Мы той сницъ вытяглы съ помыйныци, обеушылы та й стали молотыть. А знаете, скилкы намолотылы жыта? У, багато: прокололы веретеномъ тры ями, та такъ уси й повасыпалы жытомуъ.

(Село Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записаль М. М. Нечипоренко.)

Сравни.: Манжура, Сказки, стр. 123. Якъ мы зъ дидомъ багатылы, а батька ще на свити ни було.—Записки о Южной Руси Кулиша, I, стр.

179. ХТО ЧУДНИШЫЙ?

Йде чоловікъ конячкою, та соырка у рукахъ. Конячку погана, а позаду соыркою все клюкъ та клюкъ и одрубавъ коняци задъ. Дывыця—на дубови шить чоловіка горохъ молоте: горошиння додолу падае, а горохъ на дубови остаецця. И каже той чоловікъ, шо конячкою йде:

— А й чудно мени зъ васъ!

А воны одвичають:

— Чого жъ тоби чудно?

— Бо я отсе ще вперше такое бачу, шо отсе вы робыте.

— А намъ,—кажуть,—ше чуднишь съ тебе,

— А чого жъ чуднишь зъ мене?

— Бо ты йдешъ конячкою, а въ нейи заду немае.

Оглянувсь чоловікъ назадъ, подывывсь на свою конячку й каже:

— Насміялась,—каже,—верша зъ болота,—оглянулась, ажъ и сама въ болоти.

(Черкасскаго у. с. Русская Поляна. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

180. ЯКЪ ОДЫНЪ ЧОЛОВИКЪ ТА ХОТИВЪ ЗА- БАГАТИТЫ.

Жывъ соби чоловікъ та жинка, и въ йихъ було трое дитей. Колю чоловікъ и жинка умерлы й оставылы трьомъ сынамъ по сто рубливъ.

Отъ, ти два браты завельсь хазайствомъ, а третій накупывъ соби склянойи посуды, зайшовъ у пусту хату ночувать, лигъ соби та й думае: «оце я продамъ,—получу ще сто рубливъ; тоди куплю та продамъ та возьму ще сто, потимъ ще сто, потимъ ще сто, потимъ зроблю домъ такой, якъ у царя, засватаю дочку у царя та мовъ изроблюсь хво-

рый, а вона прыйде та й казатыме: «чого треба тоби?»
А я якъ дрыгну ногу!... Та якъ дрыгне,—такъ усю по
суду винъ и побывъ!... Оставсь винъ ни съ чымъ.

(Записано отъ хлопца въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.
Харьк. губ.)

181. БОЯЗЬКЫЙ ЧОЛОВИКЪ.

Жывъ одынь чоловікъ та такый боязькый, що якъ
излякаецця, такъ заразъ бижыть до жинкы та крычыть. Ото
одынь разъ жинци треба було кудысь иты. Отъ вона пры-
казуе своему чоловікови, щобъ не боявся у хати самъ сы-
дять, и каже:

— Чоловиче, чого тоби бояцца у хати сыдять? у печи
горыть, дытына у колыски; — не бійся, сыды у хати!

Отъ, тоди жинка пишла, а чоловікъ сыдыть на лави
та й каже:

— Чого його бояцца? у печи горыть, дытына у ко-
лыски, чого його бояцца?

Отъ винъ сыдивъ, сыдивъ та ягось хотивъ устать,—
колы щось держыть; винъ удруге,—держыть, такъ той чо-
ловікъ и замеръ зъ ляку. А що жъ його держало? А ось
що: винъ носывъ ножыкъ била пояска ззаду на мотузочци.
Отъ винъ якъ сивъ на лавку, а ножыкъ и зализъ за лавку,
а винъ хотивъ устать, держыть щось. Ото винъ сыдивъ,
сыдивъ, тилькы що хоче устать, а воно не пуска, и лава
за нымъ тягнецця. Отъ винъ побачывъ, що жинка йде уже
додому, та якъ побижыть, а лава за нымъ,—побывъ усе, що
було на лави, та прямисивько до жинкы. А жинка й пыта:

— Чого ты бижышь?

А чоловікъ:

— Щось мене у хати держало.

— Та щожь тамъ тебе держало?

— Та хто й зна, що держало!...

Жинка якъ убигла въ хату, такъ и охнула:

— Охъ ты, Боже мій! що це ты наробивъ?

А чоловікъ и каже:

— А на вищо воно мене держало? Ты те лай, що мене перелякало, а на мене!

Тоди уже той чоловікъ боявся и сесты на лаву, щобъ бува часомъ не ухватыло. що за поясъ, — такъ винъ уже сидавъ не на лави, а на полу.

(Д. Алексѣвка Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.)

182. РОЗУМНЫЙ БАТЬКО.

Бувъ батько та сынъ Грыцько. Отъ, Грыцько пишовъ на вулицю, а злодій зализъ у комору. Батько чуе, що тамъ щось стука, та й пытаецця:

— Це ты, Грыцько?

— Та вже-жь не хто!

— Берешъ кожухъ?

— Та вже-жь не шо!

— Визьмы й сирякъ!

— Та вже-жь не якъ!

— А може й вуцыну?

— Та вже-жь не покыну!

Позабиравъ усе та й пишовъ. Прыходять уранци Грыцько, а батько пытаецця:

— Ты прыходывъ уночи?

— Ни.

*Бувъ батько та сынъ
Грыцько. Отъ, Грыцько
пишовъ на вулицю,
а злодій зализъ
у комору. Батько
чуе, що тамъ щось
стука, та й пытаецця.*

Оглядились, ажъ одежи ничего немає и zostались вогы такъ, що ничымъ и пальця обгорнуты.

(С. Чунышина (Семеновка) Константиноградскаго у. Полтавской губ. отъ молодыци въ 1883 г.).

183. ГЛУХЫЙ ТА ГУВАТЫЙ.

То бувъ йиденъ чоловикъ глухый, а другый гымбатый (*губатый*) дуже. То той гымбатый Богу молыцца у церкви, а глухый усе прыслушаецца, чы винъ свыще, чы Богу молыцца. Посли зайшовъ съ правого боку, ун'ять прыклада вухо до губивъ тому—все слуха, чы винъ свыще, чы Богу молыцца. Писля зайшовъ та тарахъ його у морду. А той гымбатый пытае:

— Ты,—каже,—за що б'єшь?

А той:

— А ты нащо свыщешъ у церкви?

— Я,—каже,—не свыщу, я такой гымбатый.

А той каже:

— Чортъ тебе беры, що ты багатый,—въ церкви не свыщы! Мій,—каже,—тато бувъ багатишый, та не свыставъ у церкви, а ты такой харлакъ та свыщешъ у церкви!

(Изъ бумагъ Т. А. Зивковскаго. Записано въ 1883 г. въ Кіевщинѣ.)

184. МАЗУРЪ ТА КСЬОНДЗЪ.

Бувъ соби Мазуръ,—такъ соби простаць. Пишовъ до попа на сповидь та й каецца:

— Такъ, пане ксьонже, назвавъ я шпачыне кубелечко, —хотивъ, диждавши, якъ вылупляцця, шпаченята по-выдыраты.

— А грихъ, чоловіче, грихъ: треба буты мылосердному и до птыци и до всякойи твари... А скажи-но, де се ты називавъ кубельце?

— А тамъ-то й тамъ.

Другого дни йде Мазуръ, баче, понови диты несуть шпачынята.

— Де се вы набрали? Хто вамъ сказавъ?

— Батько!

— А!—думае,—стрывай, и я тебе пиддурю!

Прыходе.

— Паноченьку! називавъ я дивчыну,—уродлыва тага. Чы цилуваты можна ей?

— О, ни! побраты шлюбъ та тоди. А яка се дивчына? де вона живе?

— Э, чорта зъ два, паноче: се тоби не шпачынята!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

Номисъ, Укр. приказки, № 13712.

185. ЛИЧИЛНЫКЪ.

Це якъ чоловікъ вивци личывъ. Увійшовъ у хливъ та почавъ:

— Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а пятайи нема!... Жинко!—каже,—було въ насъ пятеро овецъ, а теперь тилькы чотыри...

— Та шо ты кажешъ?

— Та отъ хочъ сама подывысь!

Пишла й вона.

— Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперь вивци: одна, друга, третя, четверта, а пятайи и нема!...

— Та якъ же ты личышь?

— Та ось-же: це жь барань, — його геть! А теперъ вивци...

То винь забува, значить, про барана та й не щита його, — ну, въ його й виходить чотыри замисть п'яты.

(С Великая Даниловка Харьк. у., дидь Иванъ Ковалевъ).
Манжура, «Сказки», стр. 103. «Чоловикъ вола загубывъ».

186. ОХОЧЫЙ ДО СОЛЫ.

Одынъ дураковатый челядныкъ розказувавъ, що якъ винь йиздывъ у Крымъ по силъ, дакъ хоча-жь и солы найивсь у волю:

— Оце якъ одвернеця хазяинь, дакъ я наберу повну жменю да у ротъ.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

187. ГОМИНКА.

Одынъ парубокъ хотивъ погомонить зъ дивчиною и не знаючы чымъ ййи зачепить, почавъ такъ:

— Чы ваши гусы несущця?

— Несущця.

— И наша одна сира несещця.

Тилко й гоминкы було.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Новозыбковскомъ у.)

188. СМЕРТЬ.

Одынъ хвылозофъ, чы й богословъ, казавъ промову надъ якимсь помершымъ паномъ:

— Що се лежыть?—Тило.— «Чого-жъ воно лежыть?»—
Бо йихъ благородіе вмерлы.— «Чого-жъ воны вмерлы?»—Бо
душа съ тиломъ розсталася. О смерть, смерть, сухоробрыце!
Трясця твой матери! Не дурно тебе Латынцы называютъ
mors: бо якъ морснешъ кого, то й нѣгы задерет!»

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.)

189. НЕ КИНЬ, А КОБЫЛА.

У розгонъ (крымьска вѣйна) непрятель бомбадырувавъ
Петровське (на Азовьскому мори.) Черноморьскый сотныкъ
гука на свойихъ:

— Гей, паны-браты, берить кони та тикаймо звидциль!

А одынъ козаць:

— Та въ мене, пане сотныку, кобыла.

— Та сидай хочь на кобылу та тикай швидче!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

190. П Р Ы К А З К Ы.

Записаны *М. С. Гавриловымъ* (разные уѣзды Черниговской губерніи),
Б. Д. Гринченко (Харьковской, Зміевской и Сумской у. Харьковской
губ., Константиноградскій у. Полтавск. губ., Славяносербскій у. Екатери-
нослав. губ. и Черниговскій у.), *М. Н. Гринченко* (Богодуховскій у.
Харьк. губ.) *П. Н. Солонию* (Черниговская губ.) и *В. Ф. Сте-
паненко* (Каневскій у. Кіевской губ.) *НВ.* Сокращенія при «прыказкахъ»
означають: первое—губернію, а второе—уѣздъ.)

1. **А**бы жывъ до жнывъ, а въ жныва й абы хто обидать
поклыче. Черн.

А де будешъ молоть? (Пытають стрившы гончаря зъ
горшкамы. Гончари сього не люблять, сердюцця и

одказують: «де чорты будуть твого батька колоты!»)
Черн. Городн.

А де рубавъ? (Пытають стрившы кого зъ дровамы або зъ деревомъ. Якъ скаже: «на зворотахъ», то се укравъ десь: де звернувъ зъ дороги, тамъ и вырубавъ.) Черн. Городн.

А дзуеь, мура! Галушкы обернула. Черн.

5. А щобъ тебе намочыло! Черн.

А щобъ за тобою вировка потяглася! Каневск.

Вагато е кризь багатшуть. Харьк. Зміевск.

Багато, якъ гною Черн.

Багато, якъ грязи! Черн.

10. Балака таке—не свое! Харьк. Зміевск.

Балакала покійна до смерты—казаты ничого. Харьк. Зміевск.

Балакала покійна до самойи смерты, та все чортъ-знащо. Харьк. Богод.

Безъ тебе (його, насъ) и вода не освятыця! Черн.

Бый сына, покы винъ упоперекъ лавкы лягае, а не тоди, якъ стане вже вздовжъ ййи лягаты. Черн.

15. Бодай ты скысь! Черн.

Бувъ соби Лазоръ велькый стрилецъ: устрелывъ разъ винъ горщокъ масла, коробку еецъ. Черн.

Бувъ, та загувъ. Харьк. Харьк.

Була правда, та пощербатила. Черн. Нѣж.

Буде жъ йому одна неповна! Черн. Нѣж.

20. Буде мени по два сьомакы й по чотырнадцять (буде мени лыхо!) Полт. Конст.

Будешъ говить?—Ни.—Чому?—Торикъ сусидъ говивъ. Черн. Нѣж.

Ваше й шыло голыло, а нашъ и низъ не бере.
Черн. Черн.

Вербу носыть (почавъ пыты на довго). Черн. Нѣж.
Видьма хлибна. Черн. (Номис, № 8928.)

25. Винъ живе якъ сорока на тервыни: витерь повернувь,
— полетила! Харьк. Харьк.

Вже на його давно на тимъ свити чорты пайокъ по-
лучають. (Якъ хто довго заживсь на свити) Черн.
Черн.

Воды не мый да дручкомъ не бый, дакъ йому й вику
не буде! (одказують гончари бабамъ, якъ ти пы-
тающця, чы крипкый горщыкъ). Черн.

Вона на це й пуна не порывала, а лизе! (Вона и не
робыла, а хоче, щобъ и йий тутъ частка була).
Полт. Конст.

Воны вси въ одну дудочку грають (одно роблють).
Харьк. Харьк.

30. Воны тилькы языкомъ ляскають. Харьк. Харьк.
Въ чужій церкви свичокъ не поправляй Черн. Нѣж.

Галушку галухъ изживь. Полт. Конст.

Геть, цуръ тоби, осына, ще й печене кошеня! Харьк.
Харьк.

Гнать не выповать, Кулына не вынна. Черн. Черн.

35. Гны тоди, якъ ще дубчыкъ а не тоди, якъ уже ко-
локъ стане. Черн.

Годи тоби мышей топтать! (Якъ хто ходыть по хати
не знать чого). Черн. Черн.

Городъ любыть горбату бабу! (щобъ поралась на йому
зигнувшысь). Черн.

Господы мылостъвыи! яки люде нечестиви: корчма
горыть, а воны руки гріють! Черн.

Грихы мойи чубати! Полт. Конст.

40. Гуляй съ хаты! (Шуткуе молодижъ, ныбы вдержуючы,
якъ хто хоче йты съ хаты). Черн.

Давайте говорыть, що будемъ на завтра варыть! Черн.
Стародуб.

Дай, Боже, здоровъя! Приставшымъ душамъ царство
небесне, перомъ йимъ земля, а живымъ пошлы,
Боже, здоровъя та вѣкъ довгый; ворогамъ нашымъ
хай такъ икнеця, мовъ собака съ тыну ввиреця.
Каневск.

Дай, Боже, купця на гнылый товаръ! Полт. Конст.

Дай, Боже, щобъ наскрызъ прошло! (шуткують надъ
другымъ, пьючы горилку.) Черн. Городн.

45. Дамъ такъ, що на трейтій день будешъ головы шукать!
Черн.

Дарма, що дурна, абы чорноброва. Черн. Черн.

Дидови напряде (дидъ одвичатыме). Харьк. Зміевск.

Дила-дила,— ажъ голова била! Полт. Конст. (Номис,
№ 10032).

Дытыни дай волю, такъ самъ пойдешъ въ неволю.
Черн. (Номис, № 9218).

50. Дмы-не дмы,— не къ Риздву йде, а къ Велыкодвю!
Полт. Конст.

Добре дытя бойиця й кыва, а ледаче не бойиця й
кыя. Черн.

Доброго молодця и кровь гріе, а ледачого и кожухъ не
вгріе. Черн. Нѣж.

Добро зъ добромъ не бѣецця. (Не пошкодыть, якъ до
добра ще добро буде). Черн. Черн.

Добрыдень, сулійко!—Здоровъ бувъ, Матвійко! (До-
рикають тому, хто пье самъ, такъ соби, безъ
усякой причепкы). Черн. Черн

55. Довгий якъ Павлівка (слобода въ Богодух. у.) Харьк.
Богод.

До Юр'я щобъ стало сина и въ дурня, а въ розум-
ного й до Мыколы. Харьк. Харьк.

Друге бъ и думало, та мовчало: на животи бъ гнело (?)
Черн. Черн.

Дурный - не дурный—и розумный не такый. Харьк.
Зміевск

Душа въ тили, а сорочку давно воши зили. (Убоги
таки). Полт. Конст.

60. Дядьку, йдить у хату!—Чого?—Родычи прыйихалы.—
Яки?—Сватового сусида молотныкы. Черн. Городн.
(Номис, № 9350).

Жартувала баба съ колесомъ та й кричала не
свойимъ голосомъ. Каневск.

Жинка е?—Е.—Диты е?—Е.—А хлибъ?—Хм!... Черн.
Черн.

Жыдъ, Жыдъ, Жыдова! не йижъ молока,—молоко скысне,
чортъ тебе стысне! (Диты дражнють Жыдивъ).
Черн. Черн.

Жыдивська помыйныця. (Кажуть на тыхъ, хто служыть
у Жыдивъ). Черн. См. № 160.

65. Жыття панське, та шана собача. Полт. Конст.

Зь батькомъ судъ коротенькый. Харьк. Зміевск.

Забувесь, назадъ обувесь! Черн. Черн.

Зайхавъ за Дунай та й додому не думай Черн.

Нтж.

- Заломылы (або: загнулы) чорту ковбасу! (йидучы, гака далы). Черн Новозыбк.
- 70 За нею смерть слидбомъ ходе. Харьк. Зміевск.
Зарикалась свыня... йисгы; бижыть, ажъ дви кучкы лежыть,—не втерпила та й зсила.
Затымъ йены (хахлы) й дьошевы, што йихъ не ѣдятъ; а што бѣ йихъ ѣли,—йены бѣ дарагій булы. (Лытвыны сміюцца зъ нашихъ). Черн. Новозыбк.
Зѣ Богомъ! семеро свойихъ пишло! (глузують ись такыхъ спивакивъ, що якъ утнуть, то наче старци). Черн. Нѣж.
- Знала кобыла, на що голобли была—хочъ хвостомъ везы! Харьк. Зміевск.
75. Зѣ рудыхъ нема святыхъ. Черн. Черн.

- И** винъ съ своимъ требомъ! Харьк. Зміевск.
И гныды кашляють. Харьк. Богод.
Изъ голыка не буде волька. Черн. Черн.
И крутыцца, мовъ кызякъ въ ополонци! Каневск.
80. И знаю, на какой паласѣ, да не знаю, у якомъ канці! (Буцимъ такъ молодыця казала, понисшы чоловікови обидаты въ поле, якъ винъ тамъ оравъ. Глузують, що у Польци таки довги та вузьки нывкы, що якъ не знаешъ, у якому кинци, то кругу дасы чымало. У насъ про таки нывы дывысь № 197). Черн.
- И мычокъ не мычешъ, а кашляешъ. (Кажуть на коняку, якъ кашляе) Черн. Борз.
- И не радъ за горячый каминь, да треба обиручъ! Черн. Борз.
- И плутаецця, мовъ Настя въ конопляхъ! Каневск.
И самъ не гамъ, и людямъ не дамъ. Черн. Черн.

85. **Й**ижъ, Хома, хочъ ложки нема! Черн.
Йй-же то-Богу, я бачывъ, якъ собака у Петривку по
льоду бигъ! (Петривка—село Городнянського повиту).
Черн.
Йому тры чысныци до смерты. Харьк. Богод.

Казавъ Денысь: матери вашій бисъ! Черн.

Казавъ Тарась: начхать на васъ! Черн.

90. Куды стрило, туды й брело. Каневск.
Кыны, кыны, кашко, покы прыйде Йвашко. Харьк.
Харьк.

Коза не хоче на торгъ, та ведуть. Полт. Конст.

Козакъ-Муха зачепывсь по вуха (на диты). Кіевск.

Козыный кожухъ, а вербови дрова, то й смерть готова.
Каневск.

95. Козу водыть (пыты почавъ на довго). Черн. Нѣж.
Колы бъ не клынъ да не мохъ, то бъ и майстеръ
здохъ. Черн. Нѣж.

Короста не велика й не мала, якъ на дубови кора,
що ни стругомъ не встругаты, ни сокырою не
врубаты. Полт. Конст. (Номис, № 8163).

Котрый кожухъ найковтуноватищый? (Скороговорка).
Каневск.

Крыця—не лошыця, вогонь—не кобыла! (Иронія).
Полт. Конст.

100. **Л**етивъ горобецъ черезъ безверхый хливецъ та вхо-
пывъ гороху безъ червотоку, безъ червоточыны,
безъ прачервоточыны, - та й пурхъ, полетивъ! (Скоро-
говорка). Каневск.

Лыхо мое чубатее: ништо мене не сватае! Черн. Черн.

Мали диты спать не дають, а велыки—жыть не дають. Черн. (Номис, № 9191).

Матланкы даты (за волосся поскубты). Харьк. Зміевск.

Матчыно бойло не болыть. Черн. Черн.

105. Мыкыта сино визъ—не довизъ: покынь саны, визьмы визъ. Каневск.

Мы на гроши тилькы голодни, а хлеба слава Богу! (сказала жинка заможна). Харьк. Харьк.

Мовчы, не крычы,—якъ Богъ убывъ, дакъ не хытайсь! Черн. Черн. (А. Гарнье).

Молока! (каже дытына).—Хай же подойимъ быка! (одказують). Черн. Черн. (Номис, № 12378).

На вику доведеця варыть и въ глеку. Черн. Новозыб.

110. Нагомонивъ по сами вуха. Харьк. Харьк.

Нагомонивъ симъ мишкивъ гречанойи вовны. Харьк. Харьк.

На добраничъ, воши наничъ! (кажутъ дитвора одно одному, расходячысь зъ юлыци спаты). Черн.

Найивсь? пытають у дытыны.—Найивсь!—Молы Бога, щобъ не россивсь! Черн. Черн.

На оце: шагъ доложышь та бублыкъ купышь. (Сміюцца, якъ хто дае покыдьбокъ). Харьк. Богод.

115. Напъеця й слюозъ, абы віозъ. (Про коня: одынъ напувавъ, а другый прыказавъ). Черн.

Наша Гапа за хлебъ лапа,—слава жъ тоби, Господы! (про дытыну, якъ уперше берецця). Харьк. Богод.

Наша перепелычка мала й невелычка пидъ полукипкомъ выпиднидьомкалась. (Останне слово девъять разивъ). (Скороговорка). Полт. Конст.

Нашій Ганни ридный швецъ. Черн. Черн.

Нашымъ усе чарчына ворочаеця. Полт. Конст.

120. Нашого паламаря нихто не перепаламарюе. (Скороговорка). Полт. Конст.
Нашому ковалеву черезъ юлыцю бондарь. Черн. Черн.
Нашъ Карпо росполукарпывся на маленьки полукарпенята. Каневск. (Скороговорка).
Не було на молоци, то не буде й на сыроватци. Полт. Конст.
Не въ сей день згадуючы. (Якъ про скоромыну збалакаюця въ писть). Черн.
125. Не вирышь,—забожысь! (Перекручуе: каже, щобъ той забожывся, хто не вирыть.) Черн. Черн.
Не возомъ тебе зачепывъ! (Чого сердышся,—хыба жъ я тоби що вельке зробывъ?) Харьк.
Не дають и вгору глянуты (дила багато). Харьк. Богод.
Не журысь рано вставшы, молодымъ оженившысь: рано вставшы—багато вробышь, молодымъ женившысь—дитей до розуму доведешъ. Харьк. Богод.
Не журысь, що въ мене нема грошей: и въ тебе скоро не буде. Черн.
130. Не журысь, що нема чобить: менше буде клопитъ, а то ще мазаты треба та вбуваця. Черн. Черн.
Не здобыхомъ-быхомъ! быто Сакова, быто Якова: черезъ бе-ге-ге та втерялы ги-ги-ги. (Злодійи хотилы вкрасы коня (ги-ги-ги), а вивци (бе-ге-ге) счутылы,—йихъ піймано й побыто). Каневск.
Не здужае здохты! Черн.
Не зивай, Клымку,—на те ярмарокъ. Харьк. Зміевск.
Не знаешъ чымъ удавытысь?—тры пальци въ ротъ! Каневск.
135. Нема сылы сміятыся, а треба пытатыся. Полт. Конст.

Не плачь, мы заразь вернемся! (сказавъ помтарь, йидучы черезъ чуже село дытны, що плавала, сыдючы била ворить). Черн.

Не прядецця,—нехай воно зведецця! Черн. Черн.

Не пхай—повалюсь! Черн.

Не разъ сучка санкы мчала (про що неможливе.) Харьк. Богод.

140. Не трать, куме, сылы,—пускайсь на дно! Черн.

Нехай выясницця, а то, бачь, нахмарыло! (Якъ чого хто просе, а друге не хоче даты чы зробыты.) Черн.

Нѣж.

Нехай, хлопче, перелопче. Харьк. Богод.

Не шукай моря: въ калюжи втопнешь. Полт. Полт.

Ни къ Богу свичка, ни къ дидьбу ожыго. Каневск.

145. Ни се, ни те—нате, люде, йижте! Каневск.

Ни сило, ни впало,—дай, бабо, сало. Черн. Нѣж.

Ни, це вже балы! (=дудьки!) Харьк. Харьк.

Но-о! щобъ вы живи булы! щобъ васъ попы не ховалы! (на коней кажутъ). Черн. Борз.

Однією рукою поганяе, а другою слёзы втырае. (Кони таки погани). Черн.

150. Одъ хлиба люде мрутъ. Каневск.

Ой, маснычко! яка ты була!... Якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна! Полт. Конст.

Ой ты, рудый, ходы сюды, а ты, билый, стій тамъ. Черн.

Ой якъ бы мойи лита молодойи,—далеко бъ я бачывъ! Харьк. Харьк.

Оттакий великый росты! (пиднимаючы дытныну вгору). Харьк.

155. Оттакойи — пресвятойи, на копійку солы! (Нисенитныцю хто сказавъ). Харьк. Харьк.
Оце той Лазоръ, що я його знавъ. Була въ його сира свыта, дакъ я й тую знявъ. Черн.
Оце ще Ныконъ! (Якъ хто ныкае то туды, то сюды.) Черн. Черн.
Очыма бь йивъ! (такъ хочецця). Полт. Конст.

Паны! по семеро въ (одни) штаны та й ще матвя телипаецця! Черн.

160. Панська помыйныця. (Кажуть на тыхъ, хто служыть у панивъ). Черн. См. № 64.

Паршыве порося и въ Петривку мерзне. Харьк. Харьк.
Перепелычко мала-невелычка, чы ты вже выпид-пудьомкалася? (Скороговорка). Каневск.

Писля обидь полежаты часокъ, то завъяжецця сала кусокъ. Черн. Черн.

Пишла бь туды вытрышкы ловыты. Харьк. Харьк.

165. Побый тебе бабына молитва! Черн. Борз.
Пойивъ сухымъ ротомъ! (кажуть, якъ дытына переверне або розилле те, що йй далы). Черн.
Полекшало нашій матери: то сыдила, а то й лежаты не дае. Харьк. Харьк.

Попивна замижъ хапалася та й доси сыдыть. Черн.

Послидня кахтызьма. Послидню кахтызьму дочытуе.
(Кажуть на того, хто скоро вмре). Черн. Нѣж.

170. По старому закону, паляныця попу й дякону. Черн. Черн.
Правда, та щербатенька. Черн. Нѣж.
Прахъ йому й попилъ! Харьк. Зміевск.
Прыгвоздылась якъ гвоздыкъ. Харьк. Зміевск.
Прийшла ваша собачка та й ззила ваше мясце. Харьк.
Богод.

175. Пры нуждѣ—павозачка, а пры смерти—грабокъ. (Сміюцця изъ лытвынського воза). Черн. Новозыбк.
Продалы, якъ дурно видалы (дешево). Харьк. Харьк.
Прощавай, скоромыно, йды, писныно! Полт. Конст.
П'яныця,—пропывъ штаны да й хвалыця! Черн.

Рада гныда, що вийшла за Демыда, рада воша, що вийшла за Тymoша. Полт. Конст.

180. Разъ, та гараздъ! Харьк. Харьк.
Разъ умирагы, не десять разивъ. Полт. Конст.
Ракове здвыженье. (Кажуть тому, хто допытуецця свята або каже, що свято тоди, якъ його нема).
Черн. Городн.
Розбылы глекъ (= посварылыся). Полт. Конст.

Се не возьме тебе болячка, шо ты такъ робышь?
Черн. Черн.

185. Сыды, грыбе, покы тебе лыхо здыба! Каневск.
Се такый нисъ, шо чые, якъ на неби млынци печуть.
Черн. Черн.
Слова съ писни не выкыдають. Каневск.
Снипъ-якъ снипъ, а молотныка й чортъ визьме. Полт.
Конст.
Снылось сныще,—ходыть по двору та й свыще. Чер.
Нѣж.
190. Старый довгъ якъ нахидка. Полт. Конст.
Старцю село не накладъ. Черн. Новозыбк.
Съ своимъ хлебомъ пообидаетъ. (Такый скупый).
Черн.
Съ хлебомъ йиеть! (кажуть проты того, якъ хто до-
водыть, шо буцимъ отой не пье). Черн. Нѣж.

Сьогодні хочь вола ззижь, а завтра все одно схочеця.
Полт. Конст.

195. Сюды тень, туды тень—и промайнувъ увесь день.
Каневск.

Сядьмо, щобъ хазяйину болячки сидалы. (Прымовка
проты того: сядьте, щобъ усе добре сидало). Черн.
Городн.

Така довга, якъ польська кышка. (Про довгу та вузьку
нывку). Черн.

Тамъ така хата: витромъ обгорожена, небомъ укрыта.
Харьк. Сумск.

Тамъ тебе хапунъ ухопыть, лызень злыже. Черн.

200. Такъ то и вмерты, лыха не набравшысь! Черн.

Тая, що хвостомъ мотае. Черн. Черн.

Твоя маты у очипку сало товче, а батько у штаняхъ
паску святывъ. (Дражнють дитей, и якъ яке не
розуміе, то й до плачу доведуть. А якъ инше, то
видкаже: «а вже жъ не безъ очипка и не безъ
штанивъ!») Черн.—Екатериносл. губ.

Терпы, козаче, горе;—пытымешъ медь! Полт. Конст.
(Номис, № 2406).

Тикай лышь одъ печи,—попарю плечи! Полт. Конст.

205. Тилькы й земли маю, що по-за нихтямы. Каневск.

Ты його жалій, та тилько щобъ винъ не знавъ сього.
(Про дытыну). Черн.

Тысяча висимсотъ высимдесять пъятого годà уродылася
Домаха руда, наробыла кваши двадцять чотыри
видра, а вы, куци свынн, пиднимаите хвосты,
а бо вамъ черезъ цю квашу бресты. Харьк.
Сумск.

Товкачеве вознесеніе. (Кажуть тому, хто допытуєця свята або каже, що свято тоди, якъ його нема).
Черн. Городн.

Требови й кивця нема. Харьк. Харьк.

210. Трясця на колісцяхъ. (Якъ чого дає трохи). Черн.
Тутъ и соха й борона, и кобыла ворона. (Тутъ його все, якъ бачыте!) Черн.

Тхвы—роды! Харьк. Зміевск.

У його усе бубна козырь (=уиертыи). Черн. Черн.

У кого нема, то не здохне. (Якъ що здохне та за нымъ жураця, то прыказують). Черн. Нѣж.

215. У людей жменьку (визьмешъ), а чортъ у тебе мирку.
Черн. Черн.

У насъ грошей лежаныхъ нема. (Такыхъ, що безъ-дила лежать). Харьк. Зміевск.

У ночи хочъ якъ трищыть, а удень все проты сонечка плющыть (=на весну повернуло). Полт.
Конст.

Утяла—ажъ пальци знаты. Харьк. Богод. (Номис, № 7533.)

Ухватывъ, якъ собака обметыци. Черн.

220. **Х**ай такы мій чортъ старшый! (=хай буде, якъ я хочу!) Черн.

Хвалы товаръ,—руку выдко! Каневск.

Хай такы мое зверху буде! Харьк. Харьк.

Хыба я вамъ межу переоравъ, чы що? (=Я жъ вамъ ничего не зробывъ,—за що жъ гниваетесь?) Черн.

Хочъ голубъ дыкый, хочъ вовкъ молоденькый. Черн.
Борзенск.

225. Хочь горшкомъ звить, абы у пичь не ставлялы. Черн.
Нѣж.

Хочь лычаный, та не позыченный Харьк. Харьк.

Хочь не тильный, а телысь! Полт. Конст.

Хочь свыни йилы, хочь шляхта попасувала. (Кажуть
на тыхъ, хто йившы понагыжувавъ). Черн. Городн.

Хочь съ колина выколупы! Черн. Городн.

230. Хочь у самій льоли, абы до любовы. Харьк. Богод.

Хочь чынъ ледачый, та ковниръ стоячый. Черн.

Хочецця йисты, ажь шкура болыть. Полт. Конст.
(Номис, № 12136).

Хрестъ на хрестъ не вадыть. (Кажуть, якъ двичи або
трычи перехрыстыцця). Черн.

Хто бреше, тому лекше. Харьк. Харьк.

235. Хто везе, того й поганяють. Черн. Нѣж.

Хто годуе, той и бье. Черн.

Хто не вгурень, той не голодень. Каневск.

Хто празныка пытае, той пани-стару латае. Харьк.
Харьк.

Чымъ вы, хлопче, дома втыраетесь?—Батько—рука-
вомъ, маты—подолъмъ, а я на печи такъ сохну.
Черн. Городн.

240. Чы надобень надолобень?—поганяй соби дальше. Каневск.

Чого зажурывсь? Що молодъ оженывсь? Черн.

Чого це я сыжу? (Треба, бачъ, пты).—Такъ ляжте
полежте! (одказують). Черн. Черн.

Чортъ його наплачецця, якъ що-дня мруть! Полт.
Конст.

Чортъ биса пизнавъ та й на обидъ позвавъ. Каневск.

245. **Ш**объ ты ходыла увесь свуй викъ, якъ витерь у поли! Черн.

Штурхъ Панька въ око, а винъ и такъ слипый. (Подольск. губ. I. Журавскій).

Щасливому грибы брать, а нещасному сорочку драть. Черн. Черн.

Щобъ на тебе свить не свитавъ и сонце праведне не сходыло! Харьк. Харьк. (Номис, № 3770).

Щобъ тебе грець попоносывъ на вылахъ! Харьк. Харьк.

250. Щобъ тебе орда взяла! Полт. Конст.!

Щобъ ты зозули не почувъ! Каневск.

Щобъ ты каменемъ сивъ! Каневск.

Що се тобі? прадиды въ вичи лизуть? (Пытають, якъ хто бува не до ладу почне казаты що). Черн. Черн.

Що ступне, то й брехне. Харьк. Харьк. (Номис, № 6913).

255. Щось гавка на собаку. (Слова переставляно). Полт. Конст.

Що тато робе?—Пообидавъ та хлибъ йисть. Кіевск. (Комаровъ, № 573).

Що ты снидавъ?—Дайте хлиба, дакъ скажу. (То бѣ то: ничого). Черн.

Що це на тебе Пылыпивка насила? (Кажуть на людыну, якъ кашляе, бо у Пылыпивку мнуть конопли, и зъ йихъ летыть такий пылъ, що нехотя за-кашляешъ). Черн. Борз.

Що ягъ-бы у тебе отакъ ротъ стоявъ? (пытають у того, хто йде и двери навстяжъ кыне). Черн.

260. **Я**къ бы диткы усе спалы, то не булы бѣ маткы

стари; а якъ бы диткы не мерлы, то воны бѣ и небо пидперлы. Черн. Черн.

Якъ бы не мерлы, то и небо бѣ пидперлы. Черн.
Нѣж.

Якъ де робыть купа, то не болыть у пуна. Харьк.
Зміевск. (Номис, № 10761).

Якъ есть старый кустъ (?), такъ и двирѣ не пустѣ,
а якъ есть стари люде, такъ и всего прыбуде.
Черн.

Якъ куры съ сидала повстають, такъ и снугу не буде.
(Такъ скоро зійде, що тилькы до курячого вставання
додержыця. (Про недовговишнѣе що). Харьк. Зміевск.

265. Якъ на скору робыця, дакъ слипее родыця. Черн.

Якъ не дасть Богъ смерты, то не возьмутъ и черти.
Черн.

Якъ посіешъ наволокомъ, то и вроде якъ нарокомъ, а
якъ посіешъ густо, то не буде пусто. Харьк. Харьк.

Якъ рука въ гною, дакъ душа въ раю. Черн.

Якъ разъ Савци свята, мовъ на його й шыта. Каневск.

270. Якъ хто икне, то каже: хтось спомынае!—А якъ
дивчыни, то додають:—хто за свою мае. Черн. Черн.

Яке тоби дило, що робыть Самійло?—про те Ганка
зна! Полт. Конст. (Номис, № 9579).

272. Яки бѣ ще ридниши родычи? Полт. Конст.

191. ЗАГАДКИ.

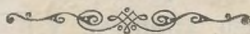
(Загадки, взятыя изъ бумагъ Т. А. Зиньковского, обозначены сокраще-
ніемъ: «Т. Зинк.» а доставленныя В. Ф. Степаненко—«Каневск.»)

Визъ, саны та ярмо. 1. Одно каже: мени зимою лучше,
друге каже: мени литомъ, а трете каже: мени хочъ

- лито, хочъ зима,—перемины мема. Зміевск. у. Харьк. губери.
- Видра та коромысло.** 2. Дви сестрыци пишы напытысь водыци, а братъ зигнувшысь стоявъ та сестрычокъ чекавъ. Каневск.
- Виныкъ.** 3. Крутыця-вертыця, пидь прыщикомъ спать ляговиця. Каневск.
- Вогонь.** 4. А шо важче видъ усього? (Зміевск. у.)
- Гадюка.** 5. Середь лиса-лиса лежыть шмать зализа—ни втять, ни взять, ни на визь положить. Сумск. у. Харьк. губ.
- Годыныкъ.** 6. Стука та й стука,—що воно за штука? Кому воно въ прыгоди? Кумедія та й годи! Каневск.
- Гребинець та воши.** 7. Чорный бутурлынь зъ горы свини потурлывъ. (Зміевск. у.)
- Гримъ.** 8. Заривъ виль на сто гирь, на тысячу болота. (Т. Зиньк.) 9. Бигъ кинь билобокый черезъ яръ глыбокый, якъ запряжавъ,—на весь свить чуты. (Подольск. губ.—Т. Зиньк.)
- Груды.** 10. Жовте якъ вискъ, надуте, якъ михъ, на столи не бувало, а весь мырь прогудувало. (Сумск. у.)
- Гуска на яйцахъ.** 11. Сыдыть на билыхъ горахъ, дождае жывыхъ и мертвыхъ. (Зміевск. у.)
- Двери.** 12. Одно рядно симъ бабъ тягло. (Зміевск. у.)
- Дзвинь.** 13. Божу хвалу за хвистъ тягнуть, вона крычыть квалтъ! (Т. Зиньк.)
- Иванъ Хрестытель охрестывъ.** 14. Що Богъ не мавъ, чортъ не хотивъ, а чоловікъ Богови давъ? (Т. Зиньк.)
- Калына.** 15. За лисомъ, за пролисомъ червони чоботы высять. (Зміевск. у.)
- Карасерь.** 16. Якъ розиллешъ—вонюче, а запалышъ—горюче. (Сумск. у.)

- Комарь.** 17. Летела пташка широкоуста, свыснула, гукнула
громкымъ голосомъ, звила царя й царыцю, короля й
королицю, рыбы не йшла, бо въ води. (Сумск. у.)
- Коромысло.** 18. Два прямыхъ, одинъ горбатый та и йздять
по жинкахъ. (Зміевск. у.)
- Ложку несутъ чотыри вельки пальци та п'ятый ме-
зынный.** 19. Чотыри чотыречкы та п'ятый Макаречко
несутъ кривулечку черезъ тынь та въ вулечку. (Т.
Зиньк.)
- Макивка.** 20. Повна бочка жыта, п'ятачкомъ накрыта. (Т.
Зиньк.)
- Мисяць.** 21. По надъ лисомъ-лисомъ высить дижа съ ки-
стомъ. (Т. Зиньк.) 22. По пидъ лисомъ-лисомъ котыця
дижа съ кистомъ. (Сумск. у. Харьк. губ.)
- Мисяць та зирочкы.** 23. Шматокъ хлиба горохомъ пры-
сыпаний. (Зміевск. у.)
- Морозъ, крыга та весна.** 24. Прышовъ дидь, зробывъ мисть
прышла дивка красуха, по мосту тупа,—мисть розва-
лывся, а дидь ажъ на мори опынывся. (Сумск. у.)
- Мычкы у коней.** 25. Чотыри дида назадъ бородамы.
(Славяносербск. у. Екатерин. губ.)
- Мыша, пивень, кить, хливы, пичь.** 26. Выйшовъ царь
земляный п пыта царя Куркодима, чы не бачывъ царя
Цурупала.—Ни каже, бачывъ: ходывъ пидъ Грыго-
родамы и пишовъ на Бытынську гору спочываты. (Сум. у.)
- Образа, прыеристь.** 27. Гостре, а не нижь, риже, ажъ до
сердца доходе, а кровь не йде. Каневск.
- Сгирокъ.** 28. Лежыть пидъ хворостомъ мыша съ хвостомъ.
(Зміевск. у.)
- Очи.** 29. Безъ виконъ, безъ дверей туды ввійшовъ Галлелей.
(Сумск. у.)
- Перець.** 30. Чорненьке, маненьке усе поле збигало, а въ
короля пообидало. (Зміевск. у.)

- Поригъ.** 31. Маленькый Макарчыкъ усимъ... пидглядчыкъ.
(Зміевск. у.)
- Свичка.** 32. Кисткамы товчу, вытовкую, у печи варю, выварюю, прыжарюю, кручу, верчу, въ серединыу виро-вочку вкладаю и царю на подарокъ ставляю. (Сумск. у.)
- Сволокъ.** 33. Цыганка въ хати, а цыцькы на двори. (Славяно-сербск. у. Екатер. губ.)
- Смерть.** 34. Надъ Бога менча, надъ царя старша. (Зміевск. уѣзда).
- Старци.** 35. Загадаю загадки на тры граматкы, шо тымъ трьомъ попередъ викномъ. (Зміевск. у.)
- Ступа.** 36. Не бый мене, не лай мене, — лизь на мене й хытай мене, до самого поту проганай охоту. Каневск.
- Терныця.** 37. За горою камьяною безчерева сучка бреше. (Т. Зиньк.) 38. За лисомъ, за пролисомъ таратайка бреше. (Т. Зиньк.)
- Церква.** 39. Стойить дона на донахъ, на дванадцаты ногахъ. (Славян. у Екатер. губ.) 40. Стойить кгонъ на кгонахъ на дванадцаты ногахъ, клыче сына Северына изъ Благорода. (Богодух. у. Харьк. губ.)
- Церква та люде.** 41. Стойить верба, паросты пустыла до кожного двора. (Зміевск. у.)
- Цыбуля.** 42. Ты въ кожній господи въ великій прыгоди, а хто роздягаты тебе визьмеця, той слизьмы заллеця. Каневск.
- Штаны.** 43. Шляхомъ пишовъ та два знайшовъ, — я надивъ ихъ на себе та й зъ дому пишовъ. Каневск.
- Яйце.** 44. Кругленьке, маненьке; впаде — розибъеця, — такого бондаря нема, щобъ його зложывъ. (Т. Зиньк.)
45. Видь чого качка плыве? — *Видъ берега.* Каневск.
46. Скилькы спыць треба въ добре колесо? — *Ни одной.* Канев.

ДОБАВЛЕНІЯ.

(Матеріалы, доставленные во время печатанія).

—
—
Къ отдѣлу 1-му.

192. ДРИКЪ ТА ВИЛЪ.

Казавъ здруоку вуоль:

— Я бь одь тебе утьокъ, екъ бы не боявся, що земля провалыця!

А здруокъ йому каже:

— Я бь тебе на дуба загнавъ, дакъ не можу за ре-
готомъ.

А воно, бачыте, здруокъ, якъ уджыгне скотыну, то за-
разъ и впаде додолу; тутъ його заразь и пакрывавай шанкою,
а такъ зроду не поймаешъ.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

193. КОМАРЬ ТА ОВОДНЬ.

Казавъ комарь оводню:

— Якъ-бы на мени така одежа, якъ на тоби, дакъ я-бъ съ хлопцями дрова рубавъ.

Бо бачъ, яки ци проклятійи комари: усе лито вони до самойи осени кусающця, и хочъ якый холодъ улитку, то не боящця, дарма що таки сухи; а якъ-бы, мовлявъ, на йому така одежа, якъ на оводню, то й именно, що й зимою-бъ кусалы кони да товарь.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

194. Г У С Ы.

Гусы якъ идуть у шкоду, дакъ и розмовляють:

— По два на колосокъ! по два на колосокъ!

А тилькы вберуцця въ шкоду, такъ и закрычатъ уси:

— Всякъ соби! всякъ соби!

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

195. КУЛЫКЪ.

Якъ зацвите гречка, дакъ кулыкъ литае да й крычыть:

— По-о-о-гыбъ! по-о-о-гыбъ!

Скризе биліе, дакъ винъ и думае, що снигъ выпавъ

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

196. СОРОКА.

На Сорокъ Святыхъ сорока на гнздо покладе сорокъ палычокъ.

На Похвалу сорока похвалыцца яйцемъ — знесеця.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

197. ЗИНСЬКЕ ЩЕНЯ.

Нащо зинське щеня рыеть? — На те, щобъ Богъ йому давъ очи. Богъ сказавъ йому, щобъ воно нарыло стилько кучокъ, скилько на неби зирочокъ.

(Зміевской у. Харьковской губ.)

Къ отдѣлу II-му.

198. ПЫПОТЬ.

Пыпотъ (*тинунъ*) у курей після ячменю робыцца, — воны тоди кыркають. Бабы вміють його зриваты.

(Кіевск. губ. — Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского.)

199. НОВЕ ЙИСТЫ.

Якъ що уперве (того року) починаять йисты (курча, яблуко, огирокъ), то перегынають за голову руку и загодуюють отакъ: «нова новына, щобъ не болывъ ни живить, ни голова!»

(Валковскій у. Харьковской губ.)

200. ПРЫКМЕТЫ ОДЪ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

1. Колы скотына выбрыкуе, йдучы до воды або на пашу, то треба чекаты дощу.

2. Колы собака або кить пасецця,—буде дощъ.
3. Колы влитку вранци роса буде на трави,—чекай на другый день годыны, а якъ нема ййи,—буде негода.
4. Колы у мисяця молодыка гостри рижкы,—буде дощъ, а якъ тупи—посуха.
5. Колы галычъ у повитри шугае, буде хуртовына, а колы понадымаецця—дощъ.
6. Якъ мае буты буря,—скотына пидймае морды й нюхае напроты витру.
7. Колы мыша влитку высоко гнизо мостыть, буде дуже снижна зима, а якъ навпаки,—то снигу буде мало.
8. Колы дымъ стелецця зъ вывода по земли,—буде дощъ, а якъ-же йде вгору ривно—буде морозъ.
9. Колы собака качаецця по снигу, чы й по трави,—буде тепло.
10. Колы мисяць и зори понадымаюцця,—буде витерь.
11. Якъ мисяць або сонце обгорезено кругомъ—буде лютый морозъ, а влитку—витерь.
12. Колы скрипка або бандура голосно грае,—буде одлыга або й дощъ.
13. Колы на Стричення капае съ стрихы,—буде капаты ще й зъ носа видъ морозивъ; колы жъ буде холодно, то буде къ посту тепло й скоро лито.
14. Яка годына на Благовищеня,—така й на Вельгденъ.
15. Колы влитку въ хати багацько блихъ,—буде гречка ясна.
16. Колы снигъ иде до нового року, буде врожай на озымыну, а пиля нового року—на ярыну.
17. Колы на Явдокйи витерь вие зо схидъ сонця, буде щастя рыбалкамъ на рыбу. (Баневъ).
18. Колы зимою заметы лягають близько коло тѣнивъ,—буде на все врожай, а колы далеко,—на все сутужно.
19. Якъ выкыдають съ пидъ кути сиво, треба тамъ по-

шукаты волосыны, и якои масты видшукоецца, —
такои масты скотыца буде йты у руку.

20. Колы дивка луццить, — скоро веселля буде.
21. Колы пивень на покути знадвору заспивае, — чекай пев-
ныхъ гостей.
22. Якъ дивка заплитаецца, и все права коса товца, то ся
дивка пиде за парубка, а колы лива, — за удивця.
23. Колы сычи кукувавкають на хати, — треба чекаты мерця
въ хати; а колы борушкаюцца вдвохъ, а описля й
покотюцца по крыши ажъ далоу, — повинно вмерты
въ хати ажъ двое и дуже швидко.
24. Колы каша, якъ варышь, вылизе зъ горшка, — чекай
мерця въ господи.
25. Колы окна впаде ни съ того, ни съ сього съ стины, —
чекай мерця въ хати.
26. Лава трищыть, — на оказію въ хати.
27. Багацько мышей зъявляецца — на голодь.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ с. Полетвинѣ Каневск. у. Киевск. г.)

Къ отдѣлу III-му.

201. ЯКЪ ВЫПЫСУВАТЫ ПРОПАСНЫЦЮ.

Щобъ пропасныця покынула трусыты, визьмы й вы-
пышы на чвертци паперу ось ци слова, що будуть потимъ;
згорны сей напирець у восьмеро, перевяжы його ниткою и
вкынь у воду, на ричку, а йдучы видъ ричкы й до ричкы
не повиненъ ни съ кымъ и слова мовыты, — навить хто
скаже: «добрыдень» — не одповідай ничого й не озырайся
назадъ.

На папирь той выпишуть ось яки слова: «ишли Бродовы дочки на свить окрашенный; зустричас ихъ Божая Маты й пытае: «куды вы идете, Бродовы дочки? — На свить окрашенный. — «А чого жъ вы идете?» — Тила въялыты, сердца сушыты, червону кровь збавлягы й жовтую кисть ламаты раба Божого (имя рекъ). — «Авраме, Авраме, — визьмы ты сыхъ Бродовыхъ дочокъ, зачыны й ихъ зализнымы дверьма й замкыны зализнымы замкамы, цюбъ воны на свить украшений не ходылы, тила не въялылы, сердца не сушылы, червонойи кровы не збавлялы й жовтойи кисты не ламалы».

(Записаль В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ Ивана Корниенка, старого дида который вѣсмъ «выписуе пропащныцю» въ с. Полствинѣ Каневского уѣзда Кіевской губ.)

202. СЕЛЬСКІЙ ЛѢЧЕВНИКЪ.

Нижепомѣщаемая рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненко и находилась въ бумагахъ его отца, грамотнаго и много читавшаго церковно-славянскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ крестьянина изъ села Полствина Каневского у. Кіевской губ., Ф. Д. Степаненко. До женитьбы онъ служилъ на красильной фабрикѣ и въ это время много записывалъ изъ усть народа сказокъ, пѣсенъ, знахарскихъ обычаевъ и пр. Но потомъ, подъ вліяніемъ чтенія религіозныхъ книгъ, сжегъ все собранное какъ грѣховное и неудобное Богу; случайно сохранилось только кое что. Печатаемая рукопись писана однако не его рукою и, по словамъ В. Ф. Степаненко, написана Пилявскимъ священникомъ. Она представляетъ изъ себя тетрадку въ восьмушку толстой синей бумаги; начинается съ 9-го листка и кончается 48-мъ; кромѣ того, въ срединѣ не достаетъ 24 листовъ. Письмо конца XVIII в.; мы вполне сохранили правописаніе, исправивъ иногда лишь знаки препинанія; кромѣ того, предлоги, почти всегда соединенные съ существительными и прилагательными, мы отдѣлили, а съ глаголами ихъ, гдѣ слѣдуетъ, соединили. Всѣ «способы» на «хворобы» и иные случаи расположены въ рукописи въ алфавитномъ порядкѣ; принципы на поляхъ тоже поставлены въ требуемомъ алфавитомъ мѣстѣ.

Большая часть этихъ «способовъ» выписана вѣроятно изъ рукописей, но есть и записанные прямо изъ устъ народа, напр. при статьѣ: «Способъ наилучшій, чтобъ пшеница родила и зони не было»—означено отъ кого записано средство: «Данило з Ромашокъ шинкаръ.»

Другій способъ гостецъ лѣчити.

Мѣсто декокту: нарѣзать одънолѣтковъ дубини, вѣльшини и зѣноватѣ, материнки, конетню и бородача съ корѣнямъ, и тое все въ купу по ровной часѣтѣ посѣкти дробно якъ можна и варити въ лехкомъ жару цѣлю (*) сутки; тимъ образомъ точно яко же и декоктъ, а люкраціи, сиестъ лако-рицѣ чили папоротѣ солодкои до тихъ зѣлій употреблять ненадобно; пить надобно тое такъ, якъ и декоктъ—рано, въ полудень, наноць и частѣе—шесть недель, а иногда и болше.

А Меркурій истерти мякко и водкою крѣпкою или спиритосомъ розвести и рани рано и наноць ежеденне мазати, а липовимъ лнстямъ молодимъ сиримъ или сухимъ розъпаривши окладати рани; или лнстямъ лататямъ водянимъ, которое на водѣ поверху плавае, а оно есть круглое и величиною якъ тарѣлки; аще гостецъ сухій, то липини ненадобно. Пищу и питіе имѣть принимати точно такую, яко и прежде съ декоктомъ; надобно тое лѣкарство всегда пить теплое;

въ той болѣзни можна пить воду теплую;

въ ваннѣ надобно паригся ежеденъне; ванну суху надобно дѣлати такимъ образомъ,—вълѣзти въ ванъенку, съ верха накриться и на камень крѣпко горящій по немножко сипати декокту, или вареного вересу, или теплой води.

(*) Вездѣ, гдѣ въ этомъ № и въ № 204-мъ, стоитъ буква и, тамъ въ рукописи стояло и съ горизонтальной черточкой сверху; въ типографіи не оказалось этой буквы съ такимъ знакомъ, почему и пришлось поставить въ такихъ случаяхъ и.

ДРУГАЯ ВАННА.

Вересу горъшокъ большой изъварити и висипати у вѣдро, или другую зъгодную судину, и каменей три розпалити, и кидати по одному, и стати надъ парюю, или сѣсти, и въкритися по шю, чтобъ добре въпотѣти,—а по ваннѣ выпити декохту, положитя, въкритися, чтобъ потъ пройшолъ.

Способъ, чтобъ гречка рясна била.

Уважай по новомъ году, якои неделѣ и якои дня первій иній саде,—то по свѣтломъ воскресеніи, такой неделѣ и въ такой день сѣять надобно гречку, то будетъ рясная.

Другій способъ на тое.

Уважай якои небесного мѣсяца и якои кватири, и въ которой день, первій иній саде; аще зимового якои мѣсяца, первого, или второго, или третьего, то такого мѣсяца лѣтняго, и такои кватири, и въ такой день, надобно гречку сѣяти, то будетъ именно рясна; аще осѣнного мѣсяца небесного Ноября, то сѣй весняного мѣсяца Мая небесного.

Съспособъ гнылецъ съ пчель вигубляти.

Надобно сахаръ бѣлій вѣтерти и съ водою непочатою добре сѣварити и тимъ пчели заражени гнильцемъ съколко дней годовати, хотяи 3 или 4 днѣ, то конечно гнылецъ вигубитя.

Другій способъ, якъ мотелицю съ пчель вигублять.

Надобно Мая мѣсяца, или когда небудь, нарвати зелія копетю съ корѣнямъ, и оній копетень въ водѣ не початою съ медомъ добре сѣварити, и давати пчоламъ цсти съколко разій, то пчола вичиститъ мотелицю.

Гаданіе якій предъидущій будетъ годъ, хорошій или худій.

Аще хоцещи вѣдати, якій имать предидущій бити годъ, то въ день чуда святаго Михайла, знайди дубовіи яблочки и разълами ихъ, и аще обьярещи въ немъ наука, то худій годъ будетъ; аще же муху, средній годъ будетъ, аще же червѣе, то добрій годъ будетъ а егда ничтоже обьярещи, то бояться треба морового повѣтра. Аще дубовіи яблочка въ срединѣ будутъ добріи, то и лѣто будетъ доброе, и будетъ урожайное всякимъ сѣменемъ земнымъ; аще же тіи яблочка будутъ въ срединѣ мокріе, то и лѣто будетъ мокрое; аще же будутъ сухи, то и лѣто будетъ сухое,—и сіе надобно вѣдать.

Вѣстно ти буди, аще есть когда небудь знаменіе воздуха тихое, теплое и мокротное, то въ тое время въ путь ити, жениться, сѣяти, новія одежди дѣлати, будоватися и прочая и прочая.

Октоврія мѣсяця противъ 31-го числа зъвечера взявъ води въ скляницу полную якъ можна и поставъ на столъ на всю ночь, а вранцѣ узри, аще вода въ скляници прибудетъ и чрезверхъ потечетъ на столъ, то лѣто доброе дощовое и роджанное будетъ, аще же вода въ скляници не прибудетъ, то худій годъ будетъ.

Лѣкарство на гризъ, аще будетъ въ спинѣ или въ другой якої костѣ.

Викопати корень зелія переступня якъ можна увесъ шо до кришки, а въ тую ямку положить хлѣба кусокъ, солъ и ленежку и того кореня наскребчи и зъ масломъ смажити и на платку прикладати до спина. Корень аще не увесъ викопаешъ, то не поможетъ.

Способъ къ ползѣ чловѣка.

Дитя, когда матеръ отълучитъ отъ перьсей своихъ, нехай же тому дитяти не дастъ въ понеделокъ по жизнь его жадного скорому цсти, не толко отъ мясъ, но и отъ млечнихъ снѣдей и лець, даже до съмерти; то тое дитя будетъ добротливое во всемъ и будетъ помоществовати въ молитвахъ Сватихъ, и въ различныхъ лѣкарьствахъ.

Лѣкарство на дике мясо.

Аще будетъ на якомъ нибудь удѣ дикое мясо, то надобно засипати рану ско(лко) разій синимъ каменемъ, то камень вщеть; но надобно хорого вѣпоцти водкою, бо буде кричати зѣло.

Другій лѣкворъ на тое.

Стругати надобно пагностѣ и засипати сколько разъ.

Третій способъ на тое.

Морьковъ стругати и прикладати.

Лѣкарство на живѣтъ или бѣгунку, сіестъ рѣзачку.

1. Аще попьсуется животь, то надобно куперьвасу спалити лотовъ зо три и росътерти надобно, и пити съ водькою густо наколотити на ноць, и натощахъ вѣранцѣ сколько разій.

Другое лѣкарство на тое.

2. Перьцю надобно тры десять зеренъ отълѣчити и равно натощахъ той перець цѣлій ковѣтнути посколько зеренъ, то рѣзачка вѣйметя.

Трето лѣкарство на тое.

3. Надобно раковихъ жоръновокъ, сиестъ камѣнцовъ, зъ двацѣть или съ трѣцѣть мяхко истерти и съ водъкою крѣпкою пити рано натошахъ, въ полудень и на ноцъ, то рѣзачка уймется.

Способъ на ослабителнѣй животъ.

Костей товарячихъ и косточокъ съ дахтадѣвъ спалити на попѣлъ и натошахъ въ тепловатой водѣ дати винити, то установится.

Лѣкарство до живота на с...жу.

4. Надобно пить сѣрѣку кѣруглую или лѣбрину съ водъкою или въ сировцѣ рано натошахъ, въ полудень и на ноцъ съколко разъ.

5. Надобно г...а свиначого спалити и пити въ пивѣ или сировцѣ чили въ водѣ.

Лѣкарство до живота на рѣзачку.

5. Надобно пить натошахъ Меръкурію съ водъкою но немного, вопервихъ (ростерѣти) сътолько, якъ проса зерно, въдруге сътолько, якъ полъ сѣмя, въ третій разъ цѣле сѣмя, а больше, якъ есть зерно сѣмя, не принимай, бо умрешъ; такъ съколко разъ сіе употреби, то рѣзачка и ут(р)оба уймется.

Лѣкарство на жовни.

Надобно сосонку (зеліе) полевую варити, которая расте на поляхъ въ якой небудь пашнѣ или на чистому, и оную добре уварити, накривши крѣпко, но смотри чтобъ не збѣгала, а уваривши, то тоєю сосонкою жовни обкладати, а юшѣкою

очень теплою часто поливати; а попаривши надобно горупки, а иначея съверѣпки, чили рѣпки, сіесть рѣпаку, (которая росте на полѣ въ гречѣ или въ просѣ и въ другомъ мѣсцу), насѣня натерѣти мяхъко и съ медо преснимъ патокою съмажыти, и оною мастею платки бѣліа старіа мазати и на рани прикладати въ день и наноць, но прежде зелемъ сосонкою въсегда окладати и юшъкою парити долго хотя и четири, пять, а посяля плясътри класти, то конечно прийметъ уврачеваніе.

Лѣкарство на жовѣтняицѣ.

Надобно дерева зостѣля галузокъ наламати и наварити въ непочатой водѣ и тимъ хорого обмити до сходъ слонця въ первій четверь, но на такомъ мѣсцу, где народи не ходять.

Другое лѣкарство на жовѣтняицѣ.

Надобно лина разъплатати и со въсѣми его утробами, якъ есть не полочучи, до перѣсей прямо серѣдца прикласти на цѣлую добу, а на другую добу другого лина, а на третую добу—третьего, а можна еще и больше, то Богъ дастъ помощь.

Третье лѣкарство до жовѣтняицѣ.

Священникъ когда отъслужитъ литургию святую, то руцѣ своя нехай уміе надъ килѣхомъ и тоєю водою пополоче килѣхъ и тую воду тамъ же мѣстѣ больному дать выпить и посмотреть въ килѣхъ.

Лѣкарство отъ жовѣтняицѣ.

Наварити свинячихъ кизякѣвъ горщокъ чили два и въ тихъ скупати хорого и той купѣль на распутияхъ вилѣяти или на распутияхъ досходъ слонца хорого облиати нагого и йти додому, не озираися и малѣйше.

Еще отъ жовѣтяницѣ.

Надобно съ черчатого пояса нитку витягнути въ долготу хотяй 3 локоть и тую нитку въ купель вѣложить, нехай зъварится, и въ томъ дитя съкупати раза вдва или три только, купель каждого раза чтобъ билъ свѣжій и вилить купель тамъ, где народъ не ходить.

Лѣкарство до зубѣвъ.

1. Якъ выпаде дитяти первій зубъ, то той зубъ озми и въ хлѣбъ мяхъкушку залѣпи и собацѣ дай зъести, то никогда не будутъ болѣти.

Другое лѣкарство до зубѣвъ.

2. Шъпигинару краплѣ одну или двѣ испуститъ на зубъ болящій, то замъре въ нѣмъ червѣякъ, и перестане зубъ болѣти, но острожне, даби ясель не заразить.

Третье лѣкарство до зубѣвъ.

3. Възять надобно насѣня съ зелія блекоти званного, а иначеи нѣмицѣ, а еще иначеи люлокъ, и тое насѣня вѣтерти мѣлъко очень и зѣмѣшати зѣ воскомъ пополамъ и съ того зѣдѣлати свѣчку, а якъ начне зубъ болѣти, то надоб въ тое время тую свѣчку запалити и деръжати прямо зуба болящаго, ротъ розънявши, чтобъ пламень горяздо доходилъ до зуба болящаго.

Лѣкарство до зубѣвъ.

4. Надобно сону кореня прикладать до зуба болящаго такого, которій не цвѣте нѣкогда.

Лѣкарство на болящии зубы.

5. Святому священно-мученику Антипѣ тропаръ и кондакъ надобно читати до каждого мѣсяца нового, якъ только

первый раз обачишь, то не будутъ нѣкогда болѣти. Апреля 11. Еще и день его постити ежегодно.

Лѣкарство на болящій зубъ.

6. Аще зубъ болитъ съ правой стороны передній, то надобно съ правой стороны зъ вѣса, съ передняго колеса, смоли взяти и на зубъ болящій приложить на цѣлій день, чили на ночь. Аще же съ правой стороны задній зубъ болитъ, сиесть кутнѣй, то съ колеса задняго правой стороны взять смоли и прикладывать. Аще же съ лѣвой стороны зуби которіи болятъ, то съ колесъ съ лѣвой стороны вѣса смолю бери по обычаю, яко же прежде речеся, и прикладывай, то за помощію Божіею перестанутъ навсегда болѣти.

Надобно прикладати гальясу (*) (сиесть орѣхъ чернильній) надвое розрѣзати.

Еще громовихъ трѣсокъ наварити и парити.

Лѣкарство на болящій зубъ.

7. Аще кого зубъ болитъ, сие творити. Впервыихъ надобно написать на бумазѣ латинскими великими початьковими словами MACREUS, посемъ хлѣбъ житній взяти цѣлій; изъ сего хлѣба надобно цѣлушку малую отъ себе ножемъ зрѣзати и тую цѣлушку (сиесть краецъ) болящему зубомъ въ руку правую дати да нехай держитъ, а хлѣбъ, изъ него же изрѣзалъ еси цѣлушку, положить на столъ, а карѣтку, на нейже написанъица слова MACREUS, лѣкаръ долженъ въ рудъ своей правой держати, а ножъ въ лѣвой рудѣ и тимъ

(*) Здѣсь вмѣсто буквы g въ рукописи стоялъ иной знакъ для обозначенія этого звука, похожій на букву d, въ которой правой кончикъ обращенъ остріемъ не внизъ, а вверхъ.

ножемъ перъвое слово М накрити, чтобъ того слова и трохи не видно било, а накривъши слово, питать больнаго, чи болить тебе зубъ; больній долъженъ праведъно признать, аще болить крѣпъко, аще легъчае, то такъ вѣрно и казать. Потомъ другое слово А тимъ же ножемъ надритъ и питать больнаго такъ, яко же и прежде, чи болить тебе зубъ, чи все еднаково, чи уже легъчае и не такъ, а больній долъженъ вѣрно сказать, чи однаково болить, чили легъчае и не такъ чили уже совѣсѣмъ не болить, и такимъ образомъ на жодное слово ножъ покладать и по обычаю питати больнаго, чи болить еднако, чили не такъ, или уже совѣсѣмъ не болить; а больній вѣрно долъженъ вѣсегда отвѣщавать, то истинно зубъ перестане болѣти. И сіе вѣжъдь: аще на которой лѣтелѣ совершено перестане зубъ болѣти, то уже болѣе на другихъ лѣтерахъ о той болѣзни не треба больнаго питать, но уже имѣешъ на той же лѣтерѣ перестати о болѣзни питать, на которой пересталъ зубъ болѣти. А когда же за первымъ разомъ на всѣхъ лѣтерахъ питавшиися не престане зубная болѣзнь, то начини и другій разъ по обычаю отъ перваго слова и до послѣдняго питати; аще же и за другимъ разомъ не перестане, то треба начати и третій разъ порядочно питать, то за помощію Божію прийметъ цѣльбу.

Лѣкарство до зубѣвъ.

8. Аще которій зубъ болить, то надобно до того болящаго зуба приложити грудочку соломянику или сътерѣти и въ тонькій платокъ завязати и прикласти до зуба на ноцъ чили на ноцъ, то зубъ зъ яселъ совѣсѣмъ вилѣзе и випаде.

Лѣкарство до зубѣвъ.

9. Аще зубъ которіи болить, то накопать надобно чорнобеля кореня Мая мѣсяца, а можна когда небудь, а подь

корень положи на томъ мѣсту хлѣба крайчикъ и солѣ и того чорънобеля съвари въ водѣ непочатоу и тоєю юшъкою гарачою зубъ болящій попарити два или три раза, то больше никогдаже не будутъ болѣти, а болящій викришится.

Лѣкарство до зубѣвъ.

10. Аще которій зубъ болитъ, то надобно взъять сливѣки венгерки половину безъ кѣсѣтки и посипати тую сливку перъцемъ съ середины и такъ прикладывай на зубъ болящій, то за помощію Божію приѣмеш цѣльбу.

Лѣкарство на запѣръ живота.

1. Надобно глядѣти павутини зъ внутръ въ клуняхъ или въ хижахъ или въ другихъ мѣстахъ, въ той павутинѣ знайдешъ на сподѣ мѣшечки и набери тихъ мѣшечковъ со веѣмъ, що только въ нихъ будетъ и съпали ихъ въ черепъку на огни и той попелъ розъмѣшай съ водою теплою густо или съ сировъцемъ, а еще лутше зъ дрощами добрими чарокъ зо двѣ или съ три и дати теплое випити и зачати много ходити, а ложитя ненадобно, то всеконечно пронесе.

Лѣкарство на запѣръ живота.

2. Надобно боряка солодъкого или моръевы застругати съ похова чопомъ, а медъ прѣсній пересолити и той борякъ, чили моръеву, въ той медъ вѣложити на цѣлу годину или двѣ; по семь той борякъ, чили моркву, зъ меду взъяти и въпахати въ задній нижній сосудъ больному.

Способъ на запѣръ живота, для вичищенія жолудка.

3. Надобно набрати коровячкивъ малихъ, а иначе зовутся репяхи, которіи растутъ по подвѣрхъ или где

по гнояхъ. Ягодки ихъ подолговатицъ и колющiе, величиною нашталтъ бобковъ; они чипляются въ вовну до кожухѣвъ, — тихъ коровячкѣвъ пять или шесть сътерти мяхъко и съ водою теплою зъмѣшати чарокъ хорошихъ двѣ и випить натоцахъ, посемъ много не ложиться спать.

Способъ наилучшій, чтобъ пшениця родила и зоны не било.

Якъ придеше сѣяти на ниву, то зъ мѣха полънаго насинъ въ сѣяльнiй мѣшокъ сколько можешъ понести и прежде, нѣмъ маешъ сѣяти, дай съ того сѣяльнаго мѣшка одному волу или коню три рази ротомъ хопнути и зъести и скажи 3 рази: тобѣ зона, а мнѣ пшениця.

Давило з Ромашокъ шинкаръ.

Чтобъ зона не была, надобно сѣяти въ день яснiй и тихiй; еще и при мѣсяцѣ, покамѣсть не зайде и на небѣ есть.

Способъ, чтобъ въ пшеницѣ зоны не було.

Надобно подчасъ рождества Христова три днѣ, перъвого, другого и третого дня рано и увечерѣ самому хозяйновѣ въ печѣ запалити, а запаливъши кожъдого разу огня не загрѣбай, но нехай лежитъ до третiяго дне, а третiяго дне въ вечерѣ витопивши и загреби и той попель сохрани; а когда пшеницѣ намоло

(Здѣсь въ рукописи не достаеъ трехъ листковъ).

Лѣкарство на кашель конямъ, сіестъ на дихавицю.

Когда кони кашляють, сіестъ дихавичнимъ, надобно давати имъ цети морьковъ натоцахъ що ранку, а потомъ въ полъ или цѣлу годину проводить ихъ по вольвимъ по-

вѣтру; посежь и паки морьѣви имъ дати, а отпочивъши не-
много и паки онихъ проводити; тое чинити чрезъ сколько
день, то конечно кашлю, чили дихавицѣ, побудутъ.

**Лѣкарство на ломленіе костей въ рукахъ, въ ногахъ
и въ другихъ членахъ.**

Надобно взять самого спяритусу доброго кварту въ фля-
шу склянную, а в недостатку спиритусу, то и водки крѣпкой
и въ тую водку употребить камфори лоть (или два) и тую
фляшу съ (с)пиритусомъ затѣкнуть пробкою добре и въ горь-
щокъ великій поставить и житомъ моченимъ тою фляшку
осипати зисподу, округи и съверъху, чтобъ не лопнула; посежь
въ горящую нещъ въставить, чтобъ добре упряглася на цѣ-
ли сутки; посежь вийнати съ печи той горьщикъ съ фля-
шею и поставить на холодъ, чтобъ прохолодилось; посежь,
когда прохолодится, то въ тое время фляшу съ (с)пиритусомъ
съ горьщца прійми и поставь еи где въ тепломъ мѣстѣ.—
Самому больному надобно прежде на печи положится и рос-
паритися горяздо, чтобъ употѣти крѣпко; тогда теи водьки
небольшую чарьку випить; и мазать тоею водькою болящую
кость; посежь паки положится на печи, въкритися и поспать
часъ дольгій. Сіе твори вранцѣ и наношъ съколко разъ, а
пріймаючи сіе вѣрачество надобно хранитися и не употребле-
ти свѣдей кислихъ и солонихъ и всякихъ трунковъ и холод-
ной води дондеже не оздравѣетъ совершенно.

Другій способъ на ламаніе костей въ рукахъ и ногахъ

Надобно зробити лугу крѣпкого зъ маковиня, въ которомъ, очень
горячомъ, платъ мачати и прикладати или вложить въ лугъ
съ платомъ въ якой сосудъ.

Аще корьчъ корчить руку или ногу или палець, то надобно почаще мазати водкою моравинною и аще болить кость въ клубъ или крижъ, то мазать водкою моравинною, —но прежде роспарити.

Способъ дѣлати водку моравинну.

Взявъ моравлѣ самой чистой мая мѣсяца въ галембикъ одну часть, а двѣ части водки доброу и оную по обычаю пережени якъ надобно.

Другій способъ на крижъ.

Коренія переступня наскребти на платъ и на спину прикладай ско(лько) раза.

Аще жили корьчить, надобно цсти сколько разъ мясо пугачево или совинне, но лучше совинное. Аще которіа жили корьчъ начне корьчити, то въдругъ ти жили слиною послинити и пальцями ручными придавити.

Лѣкарство на зламаніе костей.

Аще кость сокрушитъ человекъ или скотина, то надобно мѣдь червоную дробно стругати или въ мисцѣ черепяной крѣпко съ водою терти и давати рано и на ночь пити и частѣе, а кулѣшъ ячнихъ крупъ сіестъ клеукъ или ленъ насѣня добре упарити и съломленую кость парити и окладати на день и на ночь, то зростется.

Лѣкарство на курдюкъ скотинѣ 1.

Надобно кость собачу голову съпалити на попѣлъ и тимъ попеломъ курдюкъ засипати, то загоутся.

Лѣкарство на курдюкъ 2.

Надобно взятъ прохода человѣческаго свѣжого и въ тонькій платокъ завязати, и въ ротъ положить на курдюкъ и на головѣ завязати, чтобъ не викинулъ зъ рота и нехай деръжитъ съ полъ дня. Сіе твори три рази чрезъ три днѣ, то засмокъче и загоутся.

Лѣкарство на курдюкъ 3.

Соломянику росътерти мяхъко и съ водъкою зъмѣшати густо и тимъ заляляти курдюкъ ложкою или квачемъ.

Лѣкарство на курдюкъ 4.

Взятъ солѣ гусковоу (*) или ледовоу брусокъ долъгій и тую сѣль крѣпъко во огнѣ росъпекти, а скотину зъвязати, языкъ витягти и тую сѣль въ щипцѣ или въ лещата крѣпко увязать и курдюкъ випекти и саломъ старимъ свинячимъ заляляти, то курдюкъ загоутся и больше не буде.

Лѣкарство на курдюкъ 5.

Надобно синяго камня натерти и натовѣкти часнику и взятъ курячихъ лаенъ свѣжихъ и тїи матерїи все три до купи зъмѣшати и курдюкъ съколко разъ замазувати.

Курдюкъ медомъ прѣснимъ патокою замазати и порохомъ стрелючимъ засипати.

Кури даби неслися.

Надобно на Крещеніе Господне взятъ за пазуху гороху и пшеницѣ и пойти на всенощное; тамъ не входя и бути на службѣ Божой, а по службѣ ити вдомъ и посипъ тое курямъ, а самъ иди скоро на иорданъ, то будутъ кури много яецъ нести.

(*) Это слово неясно написано.

Способъ, чтобъ гусельниц(я) капусты не ила.

Якъ обачишь, что уже лѣтають мотелики надъ капустою, то надобно раковъ изъварити горъщикъ и тоєю раковою юшкою покропитъ капусту перъвую грядку прежде, а потомъ и всю покروни и закопай живого рака на перъвой грядцѣ на серединѣ, которую грядку прежде копаль и сажиль, то усѣльня не поѣсть.

Еще живихъ раковъ на тѣхъ грядкахъ на палички остріц понасл(р)омлюй зъвисока такъ отъ землѣ, якъ на локоть.

Надобно молодыхъ утинять пускати въ капусту, то усѣльнѣ виѣдятъ и множитися не будетъ гусѣльнѣ.

(Здѣсь въ рукописи не достаеъ девятнадцати листовъ).

Способъ, чтобъ свѣчи не текли.

Свѣчи зъ лою давного и зъ гнилого чтобъ не текли, надобно галуну испалити и въ лой ростоппенній той галунъ въспати и добре зъмѣшати и тогда свѣчи робити, то не будутъ стѣкати.

Способъ серебро цвѣлое чистити.

Серебро когда зацвѣте, то есть когда заплѣснѣе, то надочно собачихъ костей на попелъ испалити и тимъ попомомъ мокримъ или сухимъ въ платку витирати, то серебро вичистится.

Наилучшее лѣкаръство на трасавицу.

Скоро постережешь, что она, то вѣдрукъ надобно немедля постити три днѣ, одинъ по одному, якихъ небудь, нѣ ясти, нѣ пити, а нѣ спати и малѣйше поки звѣзди не зйдутъ, то покине.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

1. Якъ начне пропасница розѣбрати, то заразъ надобно стати и серъдцемъ сокрушеннимъ до Пресвятой Дѣвы Богородицы зъговорити седьмдесятъ разъ молитву Богородице дѣво; а за каждую молитвою ударити по три поклони; по семъ по жодной молитвѣ накаръбууй ножемъ карбъ на палицѣ или напиши крисъку крейдюю и тиу карби, чили криски съ паличкою закинути на воду, а самъ иди въ домъ не озирайся. Посемъ заразъ надобно постити понеделокъ, съреду и пятницу первую, якъ найде болѣзнь, не цсти и не пити дондеже зори не зйдуть, а въ той болѣзни не много принимай пици и питія, не присищай зѣло утроби, не принимай ничтоже набѣловъ всякихъ и рибъ всякихъ и мясъ свиннихъ и сала, кислотей всякихъ и солонихъ и питія води холодноу. Но будетъ очень полезная свѣдь ячвихъ крупъ каша мяхкая безъ солѣ, затерка пшенична безъ солѣ, вареницѣ пшенични, лемѣшка пшенична зъ маковимъ молокомъ, кутя ячмѣйна, кутя пшенична, горохъ безъ солѣ, каша овсяна, мяса куряче и яловиче. Питіе теплая вода и то немного. Еще въ той болѣзни хранися тѣлеснаго смѣшенія, бо сіе естъ великимъ пренятствѣемъ, — то спасешися.

Чтоби не била нѣкогда же лихорадка, надобно накурится конскимъ каменемъ, которій зароджуется въ пuzдрѣ коневѣ, которого баменя достаютъ коновали.

Лѣкарство отъ трасавици.

2. Аще кому случится болѣзнь трасавичная, то надобно ему прійняты диету на недель шесть или дванайцять, сіесть, хранися всякихъ свѣдей кислотихъ и солонихъ и питія

кислого и холодного, не кушати всякихъ рыбъ, всякихъ на-
бѣловъ и яецъ, всякихъ рыбъ, мясъ свиннихъ и сала; только
будеть полезна снѣдь каша мяхъкая ячнихъ крупъ, кути
ячна зъ мясомъ курячимъ, зъ мясомъ яловичимъ, затеръка
пшенична, вареницъ пшеничнѣ, лемѣшка ячна и пшенична
зъ маковимъ молокомъ. Вся сѣя снѣдь подобаетъ бити безъ
солѣ. Хлѣбъ цсти—бульки пшеничнѣ, коръжѣ пшеничнѣ безъ
солѣ. Пити надобно воду теплую, а холодною не принимай,
вино полинное часто питъ, но нехолодное. Кореніе всякихъ
древесъ садовихъ, луговихъ и лѣсовихъ наконати и варити
съ водою и пити съколко захощеш; а тое кореніе найлутѣше
копати и всякое зеліе и лѣкарства собирать мая мѣсяца.

Лѣкарство на фрибру осѣнну.

Взявъ яйце, якъ начне розбирати, пробій и бѣлокъ ви-
пусти въ ротъ, а жовтокъ въ помійницю; бѣлокъ въ ротъ
подержавъ и выпусти зъ рота паки въ скаралуцу и завяжи
въ платокъ и повѣсь въ димъ надъ кагалою и нехай висить,
поки само не отъпаде, то покине.

Лѣкарство одъ трасавицѣ.

3. Якъ начне болѣзнь трасавична находити трусити или
позѣхати или потягаться или сномъ морити или меръзнути,
то въ тое время не входить на пѣчъ спати и нѣгде же не
сѣдай, нѣ лягай, но якъ сколько возможно много ходи, то
спасешся.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

4. Взявъ дѣгтю доброго березового, саджи съ комена или
съ челюстей, часнику и сала старого свиного и тое все

стовчи вѣкушѣ и приложи до рукъ обоихъ на пульси въ тое время, якъ начне трасавица розъбирати, то нарѣве пузирѣ и покинетъ.

Лѣкаръство от трасавицѣ.

5. Взять коровицю (сиестъ кузку), которая есть чоръная и долъгая на цаль одинъ, которая есть безъ криль, а по нѣй *(было написано сперва: ий)* съверху рубежѣ, а взявши оную въ руки то съ нец молоко жолътое течетъ; то ти тею коровкою съ молокомъ ея по шиц потри больному на фрибру, то отъ того молока пузирѣ набѣжить.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ

6. Якъ только начне трасавица находити, или уже трусити, или потай вьнутрѣ мучити, то въ той часъ.

(Не достаетъ одного листка).

почипати, только, чтобъ больній о той вѣровцѣ отънѣдъ невѣдавъ, яка то вѣровка есть, и нехай больній тую вѣровку на шиц поситъ дванайцять дней, а потомъ сохрани и другимъ народамъ, на тую болѣзнь страждущимъ, подавай.

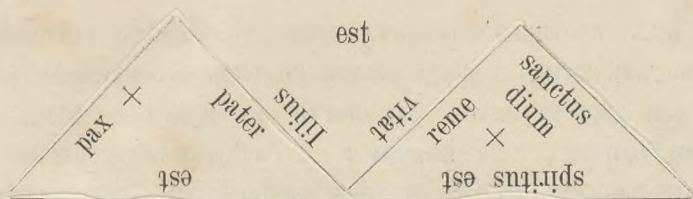
Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

— 11. Собацѣ здохлomu или убитому (но не стевлomu) пагности на вѣхъ ногахъ отрѣзати и въ мѣшечокъ маленкій сохрани; а когда кто будетъ страждати трасавицею, то тиц пагности съ мѣшечкомъ надобно повѣсити больному на шиц въ тое самое время, якъ начне трасавица находити или уже мучити; но чтобъ больній о тихъ пагностяхъ отнюдъ не вѣдалъ.

Лѣкаръство на трасавицу.

Надобно зъ едною просфори вийнати три часточки троуголни, и на тихъ написать словами латинскими сице:

и тѣ частици имѣти подѣ килѣхомъ чрезъ всю службу и пачахъ съ водою выпить или якъ будетъ находить; но надобно постить обоимъ, кто выписуе и кто принимаетъ.

Лѣкарство отъ трасавици.

12. Когда чорного схластаети и тѣ сътрои въ капшучокъ зашити и съсушити; а якъ кто будетъ страждати на фрибру то тѣ котячи строи повѣсити съ капшучкомъ на шию больному; только чтобъ больній не вѣдавъ, что въ томъ есть капшучку. И нехай больній тѣ строи носить дванайцать день, а послѣ той капшучкъ съ строями сохрани и иннимъ народамъ хоримъ на фрибру давай носить.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

13. Якъ только начне трасавица находить, то заразъ нехай кто небудь поидеть на шляхъ и найде тоеѣ смоли, которая съ колесъ викручуется и отпадае и губится; то тоеи смоли озми и больному въ пазуху въ рубашку завяжи или на шию въ платку почипи и нехай носить при себѣ сколько дней или дванайцать, дондеже совершенно покине.

Лѣкарство на фрибру.

14. Надобно г...а свиного въ платокъ тонкій довольно взять и сварити у водѣ, а потомъ якъ устудится, то тое свиное... въ платку рукою добре выдавити и тую воду, чтобъ

не такъ было противно больному пити, то надобно немножко медомъ подѣправить, а когда начне болѣзнь трасавичная находити или уже трусити, или потай въ нутрѣ болѣти, то взять тоеи води зъ ..... свинячимъ съ чвертку или больше и выпити, то зачнутъ рвоти и такъ разѣвъ два или три принимай, то бросить.

Лѣкарство на трасавицу.

15. Свиного г...а съ водою теплою расколоти съ чвертку и примѣситъ дѣгтю доброго березового полъ чарьки и винити въ тое время, якъ болѣзнь трасавичная начне обзиватися; а чтобъ было не такъ досадно и хидко, то для лутшаго пріятія можна примѣситъ что небудь меду присного.

Способъ на лихорадку.

Надобно конскимъ вовчимъ зубомъ накурится якъ стане находити, то покине, хоть би била найгорша.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

16. Надобно наварити тютюну у горшати въ водѣ или лутше въ сечи мужеска пола или женска, а якъ начне кого болѣзнь трасавичная мучити, то въ тое время нехай озме болнїй того вареного тютюну полъ чарьки хорошою, а решта полъ чарьки досипати дѣгтемъ добримъ березовимъ и выпѣть, а можна еще немножко примѣсити синого камня, то озмутъ рвоти, а чтобъ не сорѣватися рвотами, то надобно прежде подѣвязати себе рушниками или намѣтъкою; а когда сѣригаеть, то выпїй води теплою съ полъ кварта, то паки начнетъ на рвоти, а когда изригаеть, то и паки пїй воду теплою и такъ сколько разъ пїй, чтобъ имѣлъ чимъ ригати, то и зригаеть тую болѣзнь; а въ третїй день, аще от-

разу не бърсать, то паки сіе лѣкарство по прежнему прійми, а поему изъригавію не скоро принимай свѣдей кислихъ и солонихъ, мяса свиного и сала и води холодноу, но немного привимай пици: кашу ячну негусту мяхкую и затерьку пшеничну безъ солѣ и коръжѣ пшеничнѣ, а воду теплую пить и про кушеня лѣкарственное.

(Не достаетъ одного листка).

ностію тѣла, мореніемъ сномъ, позѣваніемъ и потяганіемъ или чихавицею или сухотами или во чрево и во всемъ тѣлѣ скаче и инъними болѣзнями мучить человѣка, — то надобно во увѣреніе възять въ горъщокъ или черепъ дѣгтю доброго или смоляного и въ той дѣготъ чрезъ порогъ хатній или сѣнній дивитися долго, три рази, чтобы горяздо лице свое увидѣти, а можна и наяснѣ на дворѣ дивитися, то отъ сего спротивится и будетъ явѣно трусити, а иногда и покидаетъ.

Лѣкарство отъ трасавици.

Аще кто хочетъ даби не била трасавица, то аще на веснѣ воперъвихъ узриши муравлю, то озьми за еднимъ разомъ двома пальцами три мурашки и тицъ съижь, то цѣлій годъ не буде (*).

Способъ даби трасавица нѣкогда не била.

Надобно малой дитинѣ до року жодной риби и вѣюна не дати цсти, то не будетъ во вѣкъ.

Лѣкарство на пропасницю.

Наиши по греческу: Эты отезамата +
Стакоринъ фито +
Станти міотероно +

и псалма живій во помощи вишняго девять стиховъ, а за

(*) См. № 56 этой книги.

кождимъ стихомъ вмѣсто точки крестъ +; но надобно писать натоцахъ и зложити словами въ середину и повѣсити на шию на 3 днѣ, а по трохъ дняхъ спалити и выпити съ водою святою.

Лѣкарство на пропасницу.

Надобно павука живого взять въ платокъ и на шию повѣсити на три днѣ, а по трохъ дняхъ откинуть.

Молитва святаго преподобнаго Сисоя великаго на прогнаніе трасавиць.

Священникъ или мирскій мужъ или невѣста, юноша или дѣвица впервыхъ взявъ крестъ кепарисній, оградивъ больного крестомъ, глаголя: во имя отца и сына и святаго духа аминь. По семь, вложивъ крестъ въ воду святою богоявленскую вечернюю или инъую, и читать молитву преподобнаго Сисоя великаго, въ тое время, якъ начне трасавица находити, а больній поклони да быеть сколько возможеть, дондеже изнеможеть съ молитвою на каждій поклонъ глаголя: Преподобній отче Сисое великій, помилуй мя грѣшнаго.

Молитва.

Стоитъ при черъмномъ морѣ каменной столпъ и на томъ столпѣ сидитъ преподобній Сисой великій и вышли изъ Черъмнаго моря жены простоволосія, окаяннія, образомъ видѣниемъ мрачнымъ; и вопроша ихъ святой великій Сисой: окаянныя, куда вы идете? Они же рекоша ему: ми дщеры Ирода царя, идемъ родъ христіанскій мучити, которій ко святѣй церквѣ не ходитъ на утредню, на службу Божу и до вечерняѣ; Богу не молится, лежитъ аки мертъвъ. О окаяннія!

НІБУ

НИБУ

НИБУ

НІБУ

Къ отдѣлу VI-му.

207. ЯКЪ ВИДЬМУ ПИЗНАТЫ.

Щобъ побачыты, хто въ сели есть зъ видьомъ, треба, якъ загнвляють на масныцю, взяты шматочокъ сыру, заложыты за зубы й такъ лягты спаты. Другого дня (першый понедилокъ у пистъ) уранци выйняты той сыръ и завязаты його у поясъ. Такъ треба носыты його цилый пистъ. Та ще кожного понедилку, ажъ до Велькодня, выкыдаты по полиняци черезъ голову на хату. На першый день Велькодня, у до-свита, йды съ тымъ сыромъ до церкви. Въ цей часъ видьма повинна статы коло тебе з-заду й грызты плече. Прийшовшы зъ церкви, ростопы тымы дровамы, що накыдавъ на хату за пистъ, у печи й неодминно та жъ видьма прыбизыть до тебе чого небудь позычаты. Оце й буде справжня видьма и видъ нейи вже ничого й ховатысь, бо боятымецца до тебе въ двиръ иты за дйвомъ.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ 1895 г. въ с. Полствинѣ Каиевскаго у. Кіевской губ.)

208. ЛЫТВЫНЪ И ДИВЧАТА—ВИДЬМЫ.

Се, кажутъ, у насъ було. Йихавъ Лытвынъ изъ крeйдю и выйхавъ изъ села у недилю вранци; дывыцца, ажъ дви дивчыны бижать по дорози та й зрывають колоскы. Винъ до йихъ: «не рвить та верниця назадъ!»—не слухають. «Верниця, кажу, бо плохо буде!»—Не слухають. Винъ втретье—ни! Дакъ винъ узавъ и поробывъ йимъ такъ, що прыбиглы въ село на майданъ, де череда становыцца, учепылысь у косы та й рвуть одна 'дну.

Посходылысь люде, попрыбигалы й батькы тыхъ дивчатъ—ничого не вдиють, нягъ не розведуть. Болы йиде другый Лытвынь, роздывывсь та й пыта: «А чы не було тутъ такого й такого?»—Бувь!—кажуть. «Ну, дакъ доженить же його та попросить, бо се винъ такъ поробывъ.» Догналы, стали просыть,—вернувсь винъ, розвивъ ихъ.

А то булы видьмы п збиралы спиртъ изъ жыта, щобъ не було уроджаю.

(Записалъ въ м. Красномъ Колядинѣ Конотопскаго уѣзда В. Т. Андриевскій).

209. ВИДЬМА Й ПАРУБОКЪ.

Зибралысь тры дивчыны на Риздво, гуторять соби. А парубокъ, що кохався зъ одною, пидкрався та й слуха. Отъ одна й каже: «оце такъ, сестрыци, мени зеленого гороху хочецця, що прымила—що бь дала, абы попойисты.» А ця вже, що кохалась изъ парубкомъ: «дакъ ходимъ, каже, у мене есть бувало, посадаемъ та й пойдемъ.»—Яке бувало?—пытають. «Жлукто; хыба-жъ вы не знаете?»

Парубокъ тоди потыхеньку одъ йихъ та хода; прыбигъ у сины до своейи дивчыны, улизь у жлукто й седыть. Ажъ ось идуть п дивчата; посадалы на те жлукто та й гайда—такъ йихъ, наче выхромъ, помчало.

Прийихалы на ныву. Повставалы дивчата, пишлы гороху рваты. И йому кортыть: горохъ же, стручки таки здорови та зелени! Дакъ страшно: те дума,—якъ покынуть, то мо й зъ годъ доведецця плентатысь додому, бо се жъ не блызькый свить, що на Риздво горохъ росте! Дакъ винъ уже такъ: що достане изъ жлукта, те й його; трохы иззивъ, а чотыри стручки ще й въ кышеню заховавъ.—И якъ роздывывсь винъ, дакъ тыхъ видьомъ чымало тамъ було...

Якъ вернулысь додому, винъ день выпавъ, а тоди пишовъ на вечерныци. Тамъ и дивчата ти булы. Отъ винъ и каже до вечернышного батька: «чы дать вамъ, тату, гостынця?»—А якого жъ ты мени дасы гостынця?—«Да такого, що вы зроду у сю пору не йлы.»—А ну, ну!—Винъ и подавъ чогыри стручки гороху.—Спежлы рака дивчата, та мовчять уже.

Якъ же його помстытысь!?

Отъ та, що кохалась изъ нымъ, стрила його на другый уже вечеръ та: «тпру!»—винъ одразу и ставъ конемъ. Сила вона на його и давай гонить, ажъ до свита, утанажила такъ, що ледви додому вернувсь та дно стогне. А невестка його та бильше звала, пизъ ти дивчата.

— А що каже, найвсѣя гороху? А на сю ничъ ище гирше буде. Хочъ, дакъ нѣвчу, що робить?

Винъ не знае вже, якъ и просыть ййи.

— На-жъ,—каже,—оцю осыкову палецю та успишайсь попередъ за нейи сказаты: тпру!

Отъ винъ такъ и цила: скоро зйшлысь, заразъ: «тпру!»—такъ вона лошыцею й стала. Сивъ винъ на нейи та й давай репизыть тыею палецею.

Вона зразу понесла поверхъ дерева, дали утомылась, пишла у половыни дерева, а тоди й зовсимъ по земли. Якъ пустывъ винъ ййи, дакъ вона прыйшла додому та й занедужала. Бачыть, що не вычуняе, и клыче батька: «якъ умру, каже, тату, поставте мою домовыну у свитлыци, и отдайте вы половыну худобы *отакому-то*, та нехай тилько тры ночи зо мною переночуе самъ».—Батько такъ и зробывъ. Якъ умерла, еднае того парубка и польцяецця половыну худобы даты. Невистка й шепнула йому: «иды,—каже,—визьмы кныжку та сядь за столомъ, на покути, та й не вылазь».

Пишовъ винъ, сивъ та й чита. Коля двыга домовына, вылазыть дивчына. И якъ назлитося до нейи тыхъ видьомъ — сыла! Давай його шукать; гралы, гралы по хати, — пїякъ не найдуть. Чужи на пробу, що нема його, а домашня: «ни, тутъ, та не найдемъ.» Ажъ ось пивни: «какарпку!» — разъ и вдруге, — такъ воны й шугнули съ хаты: та въ бовдуръ, та въ двери, а своя въ домовыну, и домовына заривнялась, — наче й не було ничего. Прыходыть йїи батько, пыта: «а що тутъ?» — Ничого! — каже.

На другый вечеръ знову ладыця иты, а невестка вже й треця, якъ-бы йому шепнуть. «Иды жъ, — каже, — да теперь сидай у кочережнику и держы попередъ себе деркачъ; — цю ничъ буде бильше.» Не найшлы його зновъ. Батько той тилько потылицю чухае.

Ось йому и втрете иты. Невистци тїй и не треба курей склыкать, а вона склыкае та хипъ пивныка. Оддала його парубкови та й каже: «ну, цю ничъ саме страшнише буде! Сидай теперь на польци, надъ мысыкомъ и пивня пидъ рукою держы. Та тилько излизъ такъ, щобъ руки ни за що не брався.» Пишовъ винъ и ухыстывся такъ злизты на польцю, що й руки ни за що не брався.

Ажъ ось двынула домовына, вылизла дивчына; тоди якъ назлитося — страхъ! Гралы, гралы по хати — не найдуть його. Чужи на пробу, що нема його, а своя: «ни, тутъ, да не найдемъ.» — Що-жъ його робыть! — остання ничъ, и худоба пропаде «Треба по кывивьску посылать.» А винъ и дума: «ну, не боюсь: покы справытесъ, и пивни заспывають». Коля жъ сусиль у хату кывивьска. «Якъ вы, — каже, — учылесъ, що ничего не знаете: — ось же винъ! Та якъ його визьмешъ? — нсь пивныкомъ! — Давайте головешокъ! — Мотнулысь воны по смитныкахъ — йихъ же до биса! Та въ прыполи несє, та соби! Наклалы пидъ нымъ цилу купу та й запалылы.

Давыть його вонючий дымъ; терпѣть винъ, да 'дно пивныка того пидъ боки шышкае. Колю жъ воно й надумалось да: «какарику!» — разъ и вдруге. Шугнулы видьмы съ хаты, а та—въ домовыну, и домовына заривнялась.

Винъ тоди злизъ и сивъ за столомъ. Увиходыть батько: «а що,—каже,—ничого не було?» — Ничого! — «Ну, не думавъ я, що ты поседешъ мою худобу»...

Дакъ винъ перейшовъ туды зовемъ жыть, а своейи часткы, що упала йому одъ його батька, не бравъ,—братови вже чы невпстци оддавъ.

Записаль В. Т. Андриевскій отъ молодого парубка въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. въ 1894 г. См. № 92-й этой книги.

Къ отдѣлу VIII-му.

210. БРАТЬ У БРАТА НА ТОМУ СВИТИ.

Давно се діялось, дуже давно, и не де-кнде, а у нашій такы земли, жылы соби два ридныйи браты—Остапъ та Иванъ. Жылы воны на однимъ батькивскимъ грунтовыщи и дуже поважалы й любылы одынь одного,—жылы якъ одынь. Алежъ тяжка панська праця, та надокучлыви кателюгы—сипаки (осавулы) не давалы йимъ жыты по людському:— якъ день Божый такъ и на працю, якъ день Божый, такъ и типають. Не выдержавъ старшый братъ Остапъ такого тяжкого жыття—вмеръ бидолаха. Поховалы його якъ слидъ, по закону. Зостався на все дворыше господаремъ менчый братъ Иванъ. Тяжко йому одному прыходыця; сумуе, бувало, та вбываецця за Остапомъ,—та що подіешъ—така вже Божа воля. Жыве ото соби Иванъ одынь та слъозы лле, бидолаха, свить йому не мылый, сумъ сердце шматуе черезъ таке пекельне жыття—немае йому шыройи порадонькы ни видъ кого.

Одного разу сыдѣть винъ отакъ за столомъ, схылышы голову на руки; сумуе й думае, що робыты й чымъ соби жыття забогарадыты.—А дай, думае, одружусь—хочъ одна душа буде ридна.—Отакъ винъ помиркувавъ соби й заславъ старостивъ до якоийсь убогойи, але жъ зъ чесного роду, сыриткы. Сыритка ся згодылась питы за його замижъ и подавала рушныкы. Все вже було налагоджено на весилля. У суботу, передъ вечоромъ, покы ще молода бигала зъ дружкымы по ридни та кыкала на весилля, Йванови спало на думку питы до брата Остапа на гробовыще й покыкаты його на весилля. Пишовъ ото винъ на гробовыще та й узавъ съ собою жолудя, щобъ посадыты його коло братового гробка на спомынъ про свое весилля. Дійшовъ винъ до гробовыща, здйнявъ шанку, перехрестывся й пишовъ прямо до гробка, де похованый бувъ Остапъ; перехрестывся й тутъ и посадывъ жолудя у ногахъ; дали пидійшовъ до возголовья и стыха промовывъ, залываючысь слизымы: «брате мій едыный, просю тебе на весилля до себе,—обрыдло вже жыты одынокымъ безриднымъ бурлакою.» Тилькы промовывъ винъ си слова, якъ грибъ роскрывся и Йванъ побачывъ тамъ свого брата Остапа.—«Иды сюды, брате!»—промовывъ до його Остапъ,—«та побалакаемо трохы.» Ввійшовъ Иванъ до Остапа въ грибъ и слидьомъ за нымъ земля зступылась. Озырнувъ Иванъ навкругы себе и йому явнисинько стало, що Остапъ не въ труни лежыть, а живе соби, мовъ чернецъ той, у келійи. Засвитывъ Остапъ свичечку воскову, посадалы обыдва коло столу й почалы роспытуваты одынъ одного, якъ кому живеця. Росказавъ Иванъ Остапови, яке то пекельне його й людське жыття на билому свити. Довго слухавъ Остапъ оповидь братову, та все кывавъ головою, а якъ уже Йванъ переставъ балакаты, братъ йому й каже: «никчемне, не правдыве ваше жыття на билому свити, по Божому не такъ

повынно жыты, — ось послухай краще, якъ у насъ тутъ жывуть, та ябъ повынни й вы жыты»... Узявъ Остапъ съ полычки якусь товсту-претовсту книгу й почавъ ййи чытаты. И... Господы! якъ то тамъ гарно вонс пише: «одынъ одного любе, одынъ одному допомагае, ни багатыхъ, ни вбогыхъ, ни дужыхъ, ни бессылыхъ тутъ немає — уся ривни, вси братамы называюща».... И ще багацько, багацько де-чого звидтиль винъ вычытувавъ. Чытае винъ сю книгу, а Иванъ — не кажы що прысмоктало його — й видир-ватись нйакъ не може та все слухае. Згорела одна свичечка, Остапъ засвтитывъ другу та й зновъ до чытання взявся. Згорела й друга свичечка, а Остапъ и пыта Ивана: «чы не часъ тоби йты вже до господы, бо вже давно се дйецця.»

— Ни, брате, послухаю ще хочъ трохы твоейи книги, хай хочъ здаецця мени, що й я жыву мижъ цымы добрымы людьмы й на цьому свити. Догорила й третя свичечка, а Остапъ усе чытае. Пидйнявся Иванъ съ стильчыка, вкло-пывся Остапови та й каже: «слухавъ бы безъ перестану, брате, твого чытання, т'алежъ часъ мени й до господы по-биратись, бо тамъ мене чекають.» Попроцався Иванъ зъ Остапомъ, земля росступылась, и Иванъ выйшовъ на землю. Не встыгъ винъ и назадъ озырнуцця, а замисть тыхъ дверей, що зъ йихъ выхыдывъ винъ, тилькы гробокъ стоявъ. Подывывся Иванъ навкругы себе й помитывъ, що въ ногахъ братового гробка лежыть здоровенный й товстелезный, уже трюхлявый, дубъ. — Ото диво! подумавъ Иванъ, — ишовъ сюды, дуба не було, а теперъ онъ якый лежыть, — хто се прывизъ його сюды?» Роздывывся краще, — ажъ и пень съ цього дуба ще стырчыть у ногахъ Остапового гробка. — Чы не съ того жо-лудя цей дубъ, що я посадывъ оце учора, якъ прыхыдывъ прохаты Остапа на весилля?! — подумавъ зновъ Иванъ. Поду-мавъ отако Иванъ, подумавъ, подывувався та й пишовъ до

господы. Идучы додому, дывывся винъ навкругы себе й зновъ дывувався,—що за оказія, мовъ не те село стало—ничого й нікого не пизнае.

Дійшовъ Иванъ до свого двору, зырнувъ—и тутъ щось не такъ:—те мисце, де бувъ його двирь, алежъ не та хата, не ти повиткы й не ти люде тутъ жыуть, якыхъ винъ лышавъ, идучы до брата. Выйшлы зъ хаты якись чужи, незнайоми люде й. пытають Йвана: «чого треба?»

— Якъ—чого треба?—аджежъ се мій двирь, моя батькивщина!? Хыба забулы, що я вчора увечери ходывъ до брата на гробкы прохаты до себе на весилля!? Хыба вже забулы про мене, про Йвана?!—Дывлюцця люде на Ивана й дывуюцця зъ його ричей. —Та що се ты намъ, чоловіче добрый, голу морочышь?—було се колысь, розказують стари люде, що братъ брата ходывъ на гробкы прохаты до себе на весилля, але жъ цьому вже мабутъ бильшь трьохъ сотень литъ мынуло, якъ се діялось. Схаменыся, чоловіче добрый, бо зъ тебе усе село буде сміятыся, колы будешъ таке плескаты,—кажуть Иванови люде.

Почавъ бувъ Иванъ ще казаты людянь цимъ, що се його дворыще зъ дида—съ прадида, и що винъ тилькы учора ходывъ на гробовыще поклыкаты брата на весилля,—але жъ—куды тоби—сміюцця зъ Ивана уси, мовъ зъ божевильного.

Попокрутывся отакъ Иванъ,—нема йому прыстановыща, ниhto його не прыймае, и пишовъ винъ зновъ на гробовыще до брата.

— Пусты, брате, зновъ до себе, бо на симъ билимъ свити немае вже мени мисця—ниhto вже мене не прыймае!

И зновъ росступылась земля надъ труною Остаповою, ввійшовъ туды Иванъ, земля зступылась и съ того часу вже ниhto й николы не бачывъ Ивана на билимъ свити.

Кажуть бы то, що ото скільки свичечокъ згорило, покы читавъ Остапъ у келіи тую книгу, стількы по сто роківъ минуло съ того часу, якъ Иванъ до брата прыйшовъ. А дубъ, що лежавъ уже трюхлявий коло гробка Остапового,—це съ того самого жолудя, що Иванъ посадивъ тамъ, якъ прыходивъ клякаты Остапа до себе на весилля.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ брата и свѣрилъ съ разсказомъ стараго дѣда Шаповала въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

211. БЕЗЪ БОГА НИ ДО ПОРОГА.

Сыдыть соби чоловикъ та й цюкае щось сокырою. А Богъ тоди ще по землі ходивъ странныкомъ. Отъ пидходить Винь до чоловика та й каже:

— Здоровъ, чоловиче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче, робышь?

— Човенъ,— каже чоловикъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ и буде човенъ,— каже странныкъ.

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде човенъ,— каже чоловикъ, та й цюкае соби дальше. Цюкае та й цюкае, ажъ роздывився, а воно човенъ не выходить.

— Такъ зроблю жъ я соби корыто,— сказавъ чоловикъ, колы тутъ зновъ иде сганныкъ.

— Здоровъ, чоловиче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче робышь?

— Корыто, каже чоловікъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ буде корыто.

Росердывся чоловікъ та й каже:

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде корыто,— та й цюкае дальше.

Цюкъ та й цюкъ, колы роздывывся, ажъ вже й корыто не выходыть.

— Зроблю-жъ я соби корячокъ,— надумавъ чоловікъ та й почавъ зновъ цюкаты. Колы тутъ де не взявся странникъ:

— Здоровъ, чоловіче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты робышь?

— Корячокъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ и буде корячокъ.

Ще дужче росердывся чоловікъ та й каже:

— Тутъ уже й безъ Бога выдко, що буде корячокъ,— та й почавъ дальше цюкаты.

Та доробывся, що вже й корячокъ не выходыть. Почавъ робыты ложку и ложка не выходыть. Та тоди вже, якъ ничего билшъ робыты, такъ застругавъ шпычку.

Такъ ось якъ замисть човна чоловікъ зробывъ шпычку.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогѣжскомъ у. Воронежск. губ.)

212. ЖИНОЧА КАРА.

Ишла разъ валка чумакивъ черезъ село. Дывляцця, ажъ бѣецця чоловікъ изъ жинкою, а жинка крычыть: «бый мене, рижъ мене, а не буде по твоему!» Отъ одынъ и каже: «ну, я бѣ ййи навчывъ... Вона бѣ у мене такъ не репетувала!» Та молодыця и устрочыла, котрый це сказавъ.

Пройихалы ти чумаки одъ села верстовъ скільки, колы нагоньты йихъ якась молодыця, привиталась изъ однимъ та поручъ зъ нымъ и пишла. Ось уже й вечоріе, а молодыця та одно гомоньты съ чумакомъ. Иншымъ же байдуже, а тому тежъ не въ тямкы. А молодыця така моторна та гарно вбрата, та любо такъ балака... Лаштуюцця чумаки на ночлигы, и вона зъ нумы. Назавтра вранци рушылы въ дорогу. Молодыця все не одстае одъ того чумака. Такъ вони й додому прыйихалы.

Сталы чумаки розъйиздытысь по дворахъ. Повернувъ и цей до свого двора. Молодыця за нымъ. Пovyбигалы диты й жинка його. Та тоди молодыця въ голосъ: «бачъ, якый!... пидвивъ мене на безголовье,—казавъ: нема ни дитей, ни жинкы, а це жъ—що?!» Винъ уже: «та цуръ тобі, я тебе овсимъ не знаю.»—Дакъ куды!... А тутъ и жинка плаче: «що це ты, чоловіче, наробывъ!» Диты й соби. Бачыть чоловікъ, що не перелывкы;—уже и сякъ, и такъ мостыть, щобъ одбаснулась прычепа—ни! Довелось дило громади, розбираты.

Поклыкалы його й товаришивъ. Ти кажуть, що зъ нымъ була молодыця, а про що вони тамъ гуторылы—не видаемъ. Прысталы уси на те, якъ допевнялась и молодыця, щобъ йй половыну худобы, и тоди вона одкынецця.

Сталы дилытысь худобою. Подилылысь скотомъ; остаецця одна тельця. Чоловикъ и каже: «хочъ ты мени сплаты, хочъ я тобі сплачу.»—Я такъ не хочу.—«А якъ же ты хочешъ?» «Перерубай на двое!» Треба тому рубать. Дали дійшла черга до солы. Чоловикъ и каже: «або ты беры оцихъ тры возы, а я ти заберу, або я ци заберу, а ты оти беры.»—Не хочу я такъ.—«А якъ же ты хочешъ?»—Передилы мени прыгорщамы.—Мусывъ винъ перемираты ту силь прыгорщамы. Якъ ставъ мираты, домиравсь до того, що замисць пучокъ стыр-

чать сами кистки,—ни кожи, ни м'яса нема. Отъ молодыця тоди й каже: «не треба мени, чоловіче, твоей худобы; поживай надбаве добро съ своїмы диточками, та тилько скажи мени: хто кого навчывъ—чы ты мене, чы я тебе?»

Записалъ В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Григорія Даниленка, среднихъ лѣтъ.

Манжура, Сказки, стр. 101. Бабська прычепна.

213. ПОЖАРАНА ЖИНКА.

— Ну-те, а скажить мени, чы сьому може бути правда? Кажуть: одружився йиденъ чоловікъ и живутъ соби удвохъ изъ жинкою. А жинка та вельмы гарна була. Отъ дывыцца разъ чоловікъ на нейи та й каже: «якъ-бы найшовсь якый панъ, щобъ добре заплатывъ, я бѣ пустывъ тебе до нього. Чы пишла бѣ?» пытае.—«А чому-жь? абы гроши!» одказуе вона.

Побалакалы... Колы—стукъ, стукъ у вишко: просыцца якыйсь панъ на ничь. Увійшовъ у хату и шапки не скинувъ. Слово по слову, пидмовляе винъ молодыцю,—каже: «заплачу добре». Та згжуецця.» «Тилькы, каже панъ, я въ хати не хочу; ходимъ до стодолы.» Молодыця понесла туды подушкы, послалась.

А чоловіка такы бере нетерплячка въ хати. Выходить винъ исъ хаты, ажъ крычить його жинка не своимъ голосомъ. Винъ—до стодолы, не видчыныть ворить; винъ тоди до сусидь. Покры се та те,—и пивни запылы,—тоди й ворота одчынылысь. Ускочылы туды, а жинкы вже не чутъ; дывляцца, ажъ вона розирвата на-двое и йидною ногою до 'днийи, а другою до другойи сохы прив'язана...

А панъ той бувъ самъ нечистый, тымъ винъ и шапки не скидавъ, щобъ не видно рижкивъ було.

Записаль В. Т. Андриевскій отъ Подолянина изъ Винницкаго уѣзда
Гаврила Свистуна, челоуѣка среднихъ лѣтъ, въ 1894 году.

214. ЛЫХА ЖИНКА.

То йиздывъ Лытвынъ зъ горшкамы, чы зъ чымъ тамъ. Просыцца на ничъ. Отъ хазайинъ и каже: «я бѣ», — каже, — «раднишый, та у мене жинка така проклята... якъ прыйде зъ шынку, буде й тоби лыхо, й мени.» А Лытвынъ: «та пусты, братъ, я тихо лежатыму.» Ото й зайихавъ. Повмощувалысь, лежать. Колы, — крычыть, гуркае, — вертаецца хазайка зъ шынку: «свиты свитло, сыпъ вечеряты!» Чоловикъ схопывся, мотаецца, кынувся до печи, горшкы вытягае...

Отъ, удосвита вже, якъ переночувалы, Лытвынъ и каже: «ето, твоя, братъ, ище и зъ Богомъ, — хочъ засне сама, а моя — якъ не сповый та не заколышы, то й не засне.» А хазайка чуе та: «бачъ, бачъ, якъ у добрыхъ людей поводицца! Щобъ ты й мене сповывавъ!»

Лаштуецца Лытвынъ у дорогу. Выйшовъ и хазайинъ поратысь. Отъ, Лытвынъ йому й шепнувъ: «ты, баже, прыготовъ лантухъ та вирьовку, та укрудзюй добре та тоди — бычемъ, бычемъ; побачышь, колы не кыне.»

Того жъ такы дня жинка знову напылась, иде и крычыть: «сповый мене!» А чоловикъ: «лягай, лягай!»... У його вже усе прылагоджено! Отъ ставъ винъ ййи уклучувать. «Не туго!» крычыть жинка. Винъ трохы слабше, а на ногахъ якъ прытягне. Вона тоди: «о, гледы-жъ — ты ще й бытымешъ?...» -- Заразъ и догадалась! А винъ завязавъ та смыкъ ййи съ полу додолу та за бычь... Якъ узявъ же ййи молотыты! Дакъ забожылась, заприсяглась: «якъ ко-

мандують люде жинкамы, такъ и ты командуѣ, а горилкы и въ ротъ не братыму.»

Вертаецця Лытвынъ той додому и навмысне зайиздыть до сього хазайшна. Пораецця уже молодыця коло печи. Познала Лытвына и такъ йому дякуе, такъ дякуе: «я,» — каже, —була зовсимъ пропаца людына, а теперъ я чесна господыня»...

(Записаль В. Т. Андриевскій отъ козака Андрея Гавриша, среднихъ лѣтъ, въ с. Рожновѣ Борзенскаго у. въ 1895 г.)

215. БАТЬКО ТА СЫНЬ.

Бувъ собі батько, а въ його одынъ сынъ. Отъ якъ ставъ батько вже старый, такъ переставъ його сынъ поважаты и жалиты такъ якъ слидъ старого батька.

Одного разу почалы вони молотыты, и сынъ на снидання наризавъ беззубому батькови самыхъ шкурынокъ, а собі бравъ мякушку. Вставъ батько з-за столу голодни-сенькый, одначе пишовъ такы молотыты.

Якъ стало вже сонечко на обидь, сынъ и клыче батька обидаты.

— Пидожды, сыну, одмовывъ йому батько, бо ще йисты не хочецця.

Пидождавъ сынъ трохы, а йисты дуже хоче; отъ винъ и клыче удруге батька; а батько упъять и каже:

— Та щось йисты байдуже.

Вже й сонце зъ обидь звертае, а вони все ще не йдутъ обидаты.

Дывуецця сынъ, що батько й доси не йде обидаты, та й пытае:

— Чому се вы, тату, й доси не голодни? а въ мене ажъ шкура болыть—йисты хочецця.

— А тому, — одмовывъ йому батько, — що йивъ шкурынкы, а въ шкурынци увесь хлибъ; мякушка-жъ все одно, що й трава, въ їй сылы немає...

Съ тойи поры ставъ сынъ соби шкурынку зоставляты, а батькови мякушку.

А тому того й треба.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогжскомъ у. Воронежск. губ.)

216. ДОБРЫЙ БАТЬКО.

Булы у батька тры сыны. И николы винъ на йихъ не гнивався, щобъ тамъ воны погане не зробылы.

Отъ сыны разъ, громадючы сино й змовылысь розгниваты батька. Узялы та якъ згромадылы першого стога й запалылы його.

Та не розгнивався батько. Пидійшовъ до стога и ставъ мовъ-бы гривъ руки, а дали й каже:

— Ахъ, диты, диты, гарно зъ огнемъ и въ лити.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогжскомъ у. Воронежск. губ.)

217. ЯКЪ МОСКАЛЬ СТРЫБАВЪ.

Стояла у Ыйиви коло Лаврськоїи дзвиници купа людей и дывувалыся, яка вона висока.

Пидійшовъ до ныхъ одынъ Москаль, подывывся та й каже:

— Хочь и висока, а я пидстрыбну выще видъ нейи.

— А ну-ну, — сказавъ одынъ панъ.

— Давай карбованця!

— То що — й дамъ; абы тилькы пидстрыбнувъ такъ, якъ кажешъ.

Взявъ москаль тоди й пидстрыбнувъ якъ на ликоть, а люди й пытають:

— Що-жъ ты?

— А що, — каже москаль, — нехай вона хочъ такъ пидстрыбне.

Ничого було робыты панови — вытягъ винъ карбованця й виддавъ москалеви, бо бувъ москаль правый.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

218. ЗЛОДІЙИ.

Прийшли Москали у хутирь красты. Отъ деяки пишли по городахъ и почалы полотно забираты, а други по улицахъ — грають та выспивують:

— Тягны, тягны не дримай, на вси боки розглядай, не тягнеця — выймай нижъ та мерщій його й одрижъ.

Повыходылы люде, дывуюця на музыку, а ще билше на спивы. А якъ Москали пишли — оглядилысь, а полотна нема на городахъ:

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

219. ХЫТРЫЙ ЦЫГАНЪ.

Посадывъ разъ чоловікъ Цыгана борщъ йисты й каже йому:

— Йижъ скилкы хочъ, але хочъ хвалы, хочъ коры, а бытыму й за те й за те.

Йистъ Цыганъ, а самъ усе думае, якъ бы його выкрутытысь, щобъ не быты бытому.

Отъ найвися, а чоловікъ и пытае:

— Ну, якый же борщъ?

— Одинаковый, — каже Цыганъ.

Такъ и не впало чоловікови Цыгана быты.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогѣжскомъ у. Воронежск. губ.)

220. ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА.

Бувъ одиный пань у гостяхъ и добре тамъ гостюався, йивъ усяки стравы и пивъ усяки вына и такъ нагостюався, що не чувъ, якъ його й додому привезлы. Прокынувся винъ та й крычыть:

— Лакей! вына!

— Нема, пане.

— Ну, то пыва!

— Нема й пыва.

— А де хыба я?

— Дома, пане.

— Ну, такъ давай воды!

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогѣжскомъ у. Воронежской губ.)

221. ДВА БРАТЫ: СКУПЫЙ ТА ДОВРЫЙ.

Жылы соби сумижно два браты. Уродыйвъ йимъ Богъ хлиба. Сталы воны його молотыты.

Старшый молоте та потрапляе, щобъ солома йидомиша була скотыни, и не дуже вымолочуе зерно, хочъ и тришкы останецця, такъ винъ ничого, а другый выбывае все до канцура, щобъ зерна бильше було.

Якъ поскладалы солому, такъ того солому такъ и верыла галычь. Пасуцця бачъ по ейи, та ище яка галка, то найде колосокъ та й несе геть.

Дывыця меншый на це й глузую съ старшого, гука на його: «Дывысь, Мыроне! рэзнесуть галкы солону!» А Мыронъ дывыця та мовчыць, тилко думае: пидожды, ще що у тебе буде!

Прышла люта зима. У Мырона скотына ходе соби, любенька, сытенька, а у Ивана стала худнута та слабнута, а дали йдохнута. И почало тоди вже до Ивана вороння литаты, та тико не до соломы, а на здохлятыну и почалы видь Ивана не колоскы, а кышкы тягаты.

Дывыця тоди Мыронъ та й гукае до Ивана: «дывысь, Иване, — рэнесе вороння скотыну!»

Тилько чухаецця тоди Иванъ та жалкуе вже.

— Булобъ же, каже, и мени не дуже за зерномъ ганяцця.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогжскомъ у. Воронежск. губ.)

Въ вѣсткахъ и доносѣхъ
 Губы оцѣны намъ у вѣстковъ и
 добрыя тайны вѣстковъ, иль
 услухи отравы и похвѣ уахъ
 бѣны и таячъ нагостковъ,
 иль иль чубы, для его и додому
 прывозитъ. Прокынуветъ вѣстковъ
 таячъ кривитъ: ахъ! вѣстковъ!
 Вѣстковъ, намъ. Ну, то похвѣ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы:
Предисловіе - - - - -	I.
О Т Д Ъ Л Ъ I.	
1. Зирки - - - - -	1
2. Песыголовци - - - - -	1
3. Комари - - - - -	3
4. Комари (ворожка) - - - - -	3
5. Жабы - - - - -	4
6. Гадюки пидъ Чесного Хреста - - - - -	4
7. Гадюка зъ золотымы рогамы - - - - -	5
8. Гадюка - - - - -	5
9. Дви сыныци та орель - - - - -	6
10. Зозуля - - - - -	6
11. Соловейко - - - - -	6
12. Кажанъ - - - - -	7
13. Черезъ що собака съ кишкою грызуцця - - - - -	7
14. Корова - - - - -	8
15. Коваль и чортъ - - - - -	9
16. Скло - - - - -	9
17. Про тютюнъ - - - - -	10
О Т Д Ъ Л Ъ II.	
18. Витерь - - - - -	11
19. Доць - - - - -	11

Страницы:

20. Градь - - - - -	13
21. Завирюха - - - - -	13
22. Мисяць - - - - -	13
23. Рыбалкы - - - - -	13
24. Вовкы - - - - -	14
25. Вышни - - - - -	14
26. Хозяйскія примѣты - - - - -	15
27. Сино - - - - -	15
28. Скотына - - - - -	15
29. Квочка - - - - -	16
30. Зубы у скотыны - - - - -	16
31. Посѣвъ - - - - -	16
32. Орихы та хлибъ - - - - -	17
33. Курчата - - - - -	17
34. П'ятныця. Понедилокъ - - - - -	17
35. Золиння - - - - -	17
36. Дійкы у коровы - - - - -	18
37. Молоко и медъ - - - - -	18
38. Тваніе (волкы, жито, гроза и градъ) - - - - -	18
39. Швачка - - - - -	18
40. Незаконнорожденный - - - - -	19
41. Злодійство - - - - -	19
42. Пожаръ - - - - -	19
43. Волосся - - - - -	19
44. Подушки (головная боль) - - - - -	20
45. Сонъ - - - - -	21
46. Гистъ - - - - -	21
47. Маты й дочка - - - - -	21
48. Замужество со вдовцомъ - - - - -	21
49. Лежачый - - - - -	21
50. Молебенъ на «обидныка» - - - - -	22
51. Смерть - - - - -	22
52. Страшный судъ - - - - -	23
О Т Д Ъ Л Ъ III.	
53. Хворобы - - - - -	24

Страницы:

54. Сглазь - - - - -	24
55. Холера - - - - -	25
56. Пропасныця - - - - -	25
57. Дытына - - - - -	26
58. Отрута - - - - -	31
59. Мышкы зрываты - - - - -	34
60. Спына - - - - -	34
61. Одъ икавки - - - - -	34
62. Зубы - - - - -	34
63. Лышай - - - - -	35
64. Чырякъ - - - - -	35
65. Ожога - - - - -	35
66. Очи - - - - -	36
67. Переломъ кости - - - - -	36
68. Отъ подкожныхъ жировыхъ нарывовъ - - - - -	36
69. Зилля - - - - -	36
70. Пошестъ (эпидемія) на скотъ - - - - -	36
71. Вымя у коровы - - - - -	37
72. Допросъ - - - - -	37

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

73. Не отдавши чортамъ душу богатый не будешъ - - - - -	38
74. Чорты-слуги - - - - -	39
75. Обдуреный чортъ - - - - -	40
76. Скрыпаль - - - - -	40
77. Чортъ, до меду ласый - - - - -	41
78. Чорга окропомъ облыто - - - - -	42
79. Грошолюбъ - - - - -	43
80. Лисовыкъ - - - - -	44
81. Русалкы - - - - -	45
82. Про вовкулакивъ - - - - -	45

О Т Д Ъ Л Ъ V.

83. Про вдову, що вночи пряла - - - - -	49
84. Якъ Нычыпиръ дилывъ вареныкъ - - - - -	49

85. Небоязкий полковникъ - - - -	49
86. Унырь - - - - -	52

О Т Д Ъ Л Ъ VI.

87. Вѣдмы и вѣдмаки - - - - -	57
88. Видьма - - - - -	60
89. Кинь - - - - -	60

О Т Д Ъ Л Ъ VII.

90. Скарбъ - - - - -	62
----------------------	----

О Т Д Ъ Л Ъ VIII.

91. Грихы - - - - -	63
92. Про Пантелемона - - - - -	66
93. Про Свырыдона - - - - -	69
94. Янголь - - - - -	71
95. Святый - - - - -	73
96. Чому Цыганови брехаты вильно - - - -	74
97. Соломоновы лита - - - - -	75

О Т Д Ъ Л Ъ IX.

98. Нехайна господыня - - - - -	77
99. Хазяйновыта жинка - - - - -	78
100. Чоловикъ та жинка - - - - -	79
101. Добра жинка - - - - -	79
102. Якъ жинка чоловіка годувала - - - -	79
103. Робоча жинка (дивка) I—II. - - - -	79
104. Хытра видмова - - - - -	80
105. Вдова - - - - -	81
106. Ладъ у симйи - - - - -	81
107. Почему дѣти не можуть ходитъ тотчасъ послѣ рожденія - - - - -	83
108. Яко на неби и на земли - - - - -	83
109. Маты й сынъ - - - - -	84

Страницы:

110. Дитей де нагодуешь - - - - -	85
111. Дитя и царь - - - - -	85
112. Прядиння - - - - -	85
113. Линывый роботныкъ - - - - -	87
114. Видный просе багатства - - - - -	88
115. Якъ чай пылы - - - - -	89
116. Людська правда - - - - -	90
117. Двое очей - - - - -	90
118. Горе - - - - -	91
119. Розбійныкъ старцемъ - - - - -	91
120. Вирный Иванъ - - - - -	92
121. Тры брата - - - - -	97
122. Пропала кобыла - - - - -	97
123. Де-дали—поганише - - - - -	98
124. Жинчыне оповидання про те, що було - - - - -	98
125. Прыкашыкъ та гадюка - - - - -	99
126. Неправедне дило - - - - -	104
127. Розумни чумаки - - - - -	108
128. Охочый до шынку - - - - -	108
129. Коваль - - - - -	108
130. Доля - - - - -	109
131. Коза - - - - -	115
132. Вельки вивци - - - - -	116
133. Цыганъ-косарь - - - - -	118
134. Видиля Лытвыны взялыся - - - - -	122
135. Лытвыны поздоровляють - - - - -	123
136. Лытвынъ-нюхарь - - - - -	133
137. Лытвыны та жаба - - - - -	124
138. Лытвынъ та нашъ чоловикъ - - - - -	124
139. Наука - - - - -	124
140. Роспыталыся - - - - -	125
141. Чоловикъ изъ Теремилушки - - - - -	125
142. Пидслипа дочка - - - - -	125
143. Баба та салдаты - - - - -	126
144. Бабынъ салдаты - - - - -	127
145. Непам'ятый сынъ - - - - -	127

О Т Д Ъ Л Ъ X.

Страницы:

146. Дарій та Македонъ - - - - - 128

О Т Д Ъ Л

147. Мазепщина - - - - - 130

148. Мазепинъ замокъ - - - - - 131

149. Мазепинъ домъ - - - - - 133

150. Чорна могила - - - - - 135

151. Преданіе о дубѣ, насаженномъ преп. Антоніемъ
Печерскимъ близъ церкви св. Іліи въ Черниговѣ 136

152. Монастырь св. Троицы въ Черниговѣ - - 137

153. Преданіе о болотѣ Замглай - - - - - 139

О Т Д Ъ Л Ъ XIII.

154. Ведмидь, дидь та лысыця - - - - - 144

155. Ятлыкь-кумь и лысыця-кума - - - - - 145

156. Дидь та баба - - - - - 147

157. Зла маты та сынъ, що побывъ змийивъ - - 149

158. Зла маты та сынъ - - - - - 155

159. Чурыло, Иванъ царевичъ та Елена прекрасна - 159

160. Зміева дочка - - - - - 165

161. Батько й тры сыны - - - - - 170

162. Якъ чоловікъ у царивны перстинь узавъ - - 175

163. Про двохъ бративъ: убогого та багатого - - 177

164. Два браты - - - - - 179

165. Ивашко-ведмеже вушко - - - - - 181

166. Хлиборобъ - - - - - 183

167. Чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський - 188

168. Тры денежки - - - - - 195

169. Якъ Богъ дасть, то и въ вигно подасть - - 198

170. Дивчына у розбійныкивъ - - - - - 199

171. Дурни люде - - - - - 203

172. Дурный Йося - - - - - 205

173. Два браты, розумный та дурный - - - - - 208

174. Дурысвиты - - - - - 212

Страницы:

175. Воръ Антонъ - - - - -	214
176. Небылицы 1. - - - - -	218
177. Небылицы 2. - - - - -	221
178. Дидъ та я - - - - -	224
179. Кто чуднишый? - - - - -	225
180. Якъ одынъ чоловикъ та хотивъ забагатиты	225
181. Боязьный чоловикъ - - - - -	226
182. Розумный батько - - - - -	227
183. Глухой та губатый - - - - -	228
184. Мазуръ та ксьондзъ - - - - -	228
185. Личилныкъ - - - - -	229
186. Охочый до соли - - - - -	230
187. Гоминка - - - - -	230
188. Смерть - - - - -	230
189. Не кинь, а кобыла - - - - -	231
190. Прыказкы - - - - -	231
191. Загады - - - - -	247

Д О Б А В Л Е Н І Я.

192. Дрикъ та вилъ - - - - -	251
193. Комаръ та оводень - - - - -	252
194. Гусы - - - - -	252
195. Кулыкъ - - - - -	252
196. Сорока - - - - -	253
197. Зинське щеня - - - - -	253
198. Пыпотъ - - - - -	253
199. Нове йисты - - - - -	253
200. Прыкметы одъ старыхъ людей - - - - -	253
201. Якъ выпысувати пропасныцю - - - - -	255
202. Сельскій лѣчебникъ - - - - -	256
203. Чары до любощивъ - - - - -	280
204. Книжка св. Зосимы (о пчелахъ) - - - - -	281
205. Щобъ рыба ловылась - - - - -	282
206. Чорты громомъ убывани - - - - -	282
207. Якъ видьму пизнаты - - - - -	283

208.	Лытвынъ и дивчата-видьмы	-	-	-	283
209.	Видьма й парубокъ	-	-	-	284
210.	Братъ у брата на тому свити	-	-	-	287
211.	Безъ Бога ни до порога	-	-	-	291
212.	Жиноча кара	-	-	-	292
213.	Покарана жинка	-	-	-	294
214.	Лыха жинка	-	-	-	295
215.	Батько та сынъ	-	-	-	296
216.	Добрый батько	-	-	-	297
217.	Якъ Москаль стрывавъ	-	-	-	297
218.	Злодійи	-	-	-	298
219.	Хытрый Цыганъ	-	-	-	298
220.	Въ гостяхъ и дома	-	-	-	299
221.	Два браты: скупный та добрый	-	-	-	299

НИБУ

143 Tekst

992 spinn

132 Masen

